

СПЕЦХРАН СЕНСАЦИОННЫЕ МЕМУАРЫ

ИСПОВЕДЬ ПАЛАЧА с ЛУБЯНКИ

ПЕТР ФРОЛОВ

Эмиссар
Берии
с особыми
полномочиями

Annotation

Самые сенсационные мемуары Сталинской эпохи! Шокирующая исповедь палача с Лубянки, впервые нарушившего «обет молчания». Свидетельство очевидца и участника казней конца 1930-х годов. Леденящие кровь откровения исполнителя смертных приговоров.

Были ли приговоренные к «высшей мере социальной защиты» невинными жертвами «кровавой гэбни» – или настоящими врагами народа, получившими по заслугам? Каковы подлинные, а не вымышленные антисталинистами масштабы репрессий? Что такое «Бериевская оттепель» и как ему удалось в кратчайшие сроки реформировать органы государственной безопасности, очистив их от выкормышей «кровавого карлика» Ежова, садистов, предателей и коррупционеров? Сколько на самом деле было расстреляно в Прибалтике и на Западной Украине после их присоединения к СССР – сотни тысяч, как утверждают «правозащитники», или несколько сотен человек, как свидетельствует автор этой книги? Его мемуары – уникальная возможность заглянуть в расстрельные подвалы НКВД, откровенная исповедь палача, у которого своя правда и свое объяснение сталинских репрессий.

-
- [Петр Фролов](#)
 - [Предисловие](#)
 - [Вступление](#)
 - [Глава 1](#)
 -
 - [Визит в «Большой дом»](#)
 - [Беседа со следователем](#)

- [Расчищая гадюшник](#)
- [Глава 2](#)
 -
 - [Документы свидетельствуют](#)
 - [Выполняя приказ Берии](#)
- [Глава 3](#)
 -
 - [Фильм «Щит и меч» – правда и вымысел](#)
 - [На тайной службе у Гитлера](#)
 - [Документы свидетельствуют](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
 -
 - [Западноукраинские националисты – кто они?](#)
 - [Антисоветские восстания](#)
 - [Расстреливая бандитов](#)
 - [Документы свидетельствуют](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)

- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)

- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)

- [91](#)
 - [92](#)
 - [93](#)
 - [94](#)
 - [95](#)
 - [96](#)
 - [97](#)
 - [98](#)
 - [99](#)
 - [100](#)
 - [101](#)
 - [102](#)
 - [103](#)
 - [104](#)
 - [105](#)
 - [106](#)
 - [107](#)
 - [108](#)
 - [109](#)
 - [110](#)
 - [111](#)
 - [112](#)
 - [113](#)
 - [114](#)
 - [115](#)
 - [116](#)
 - [117](#)
-

Петр Фролов
Исповедь палача с Лубянки.
Эмиссар Берии с особыми
полномочиями

Предисловие

Дочь сотрудника НКВД Петра Фролова^[1] отдала мне воспоминания своего отца со словами: «Вы можете использовать их для своих книг, но при этом не будете указывать его настоящее имя, а также детали его биографии, по которым его можно идентифицировать. Я не хочу, чтобы меня и моих детей называли дочерью и внуками палача с Лубянки!» Дело в том, что в 1938—1941 годах он принимал непосредственное участие в расстрелах тех, кто был приговорен судебными органами к высшей мере наказания. Во время войны служил в центральном аппарате военной контрразведки. И обо всем этом откровенно написал в своих мемуарах. А также и о том, что большинство репрессированных при Сталине были подлинными «врагами народа» и понесли заслуженное наказание за свои деяния.

Рукопись планировало опубликовать одно из московских издательств в конце девяностых годов. Из-за серии печальных событий – внезапная смерть автора мемуаров и редактора, банкротство самого издательства – книга так и не была опубликована. Более того, дочь умершего чекиста была уверена, что написанное ее отцом безвозвратно потеряно. Через пятнадцать лет женщина случайно обнаружила экземпляр рукописи в собственной квартире на антресолях среди разного хлама.

Дама сама не захотела или не смогла, а может, просто предчувствовала, что ничего не успеет сделать (вскоре она умерла в больнице после плановой операции на суставе ноги) с этой рукописью. Она переложила на меня всю ответственность за принятие окончательного решения: опубликовать или сохранить в

тайне это произведение. Вот так я стал владельцем трех частей мемуаров «Палача с Лубянки».

Первая часть (период: июнь 1938 года – июнь 1941 года) воспоминаний была уже подготовлена Петром Фроловым и неизвестным мне редактором к изданию. Сложно сказать, читал или нет итоговый вариант сам автор мемуаров, но текст был качественно отредактирован, и из него были удалены все повторы. Как я понимаю, планируя напечатать эту книгу, издательство рассчитывало на то, что «откровения палача с Лубянки» гарантируют ей коммерческий успех. Другой способ привлечь внимание потенциальных читателей – доказать, что большинство репрессированных в 1937 году были не невинными жертвами сталинского режима, а людьми, совершившими те или иные конкретные преступления, например расхищали госимущество в особо крупных размерах. В середине девяностых годов такая книга резко бы выделилась на фоне литературы в защиту Сталина.

Вторая (период Великой Отечественной войны) и третья (с 1946 года по 1955 год) части воспоминаний еще не успели подвергнуться литературной обработке. Более того, я не был уверен, что издательство вообще их планировало издать, если первая книга не имела бы коммерческого успеха. В них была масса интересных фактов, но большинство из них в то время невозможно было проверить по другим источникам. Разумеется, и в первой части тоже были такие эпизоды. Например, Петр Фролов «озвучивает» версию о том, что в тридцатые годы маршал был причастен к финансовым махинациям руководства советской военной разведки на Дальнем Востоке. До сих пор свидетельств этому нет. Поэтому данное утверждение я оставляю на совести Петра Фролова.

Отдельно нужно отметить статус Петра Фролова в 1939—1941 годах. Личный эмиссар наркома внутренних дел Лаврентия Берии, который постоянно разъезжает по всей стране и выступает в роли своеобразного посредника между подразделениями трех наркоматов – внутренних дел, госбезопасности и обороны (речь идет о 3-м Управлении – военной контрразведке). Я не рискну утверждать, что такое точно могло быть. Хотя почему бы и нет? Если допустить, что основная задача Петра Фролова перед войной – присматривать за происходящим на местах и обо всем увиденном докладывать Берии.

По требованию издательства мне пришлось «расчленить» мемуары Петра Фролова на несколько отдельных книг, каждая из которых посвящена отдельной теме. Первая книга – «Откровения палача с Лубянки. Кровавые тайны 1937 года»^[2] – вышла в мае 2011 года. В нее вошли почти все эпизоды службы Петра Фролова на Дальнем Востоке и в Москве плюс почти все его «предвоенные» (во второй и третьей частях своих воспоминаний он еще не раз возвращался к данной теме) рассказы о «врагах народа» – собственные и то, что он услышал от руководителя расстрелов в Москве – коменданта НКВД СССР Василия Блохина. Исключение составил лишь эпизод в Киеве, когда он в мае 1941 года встретился с военным контрразведчиком Кольцовым. Собеседник рассказал ему о «преступных деяниях» Василия Блюхера.

Кроме этого, я снабдил все тексты подробными комментариями. Книга была написана в середине девяностых годов, когда многие факты из истории СССР периода тридцатых-сороковых годов не были известны. А сейчас они известны многим. Поэтому, выполняя распоряжение издательства, я написал то, чего не знал или не хотел сообщать Петр Фролов.

Авторский текст пришлось «переформатировать» – разбить на новые главы и подглавки. Также я изменил порядок расположения отдельных смысловых «блоков». Например, рассказ автора о событиях утра 22 июня 1941 года я перенес в начало данной книги. У Петра Фролова этот фрагмент находился в конце.

Расскажу теперь краткое содержание книги «Откровения палача с Лубянки. Кровавые тайны 1937 года».

Лейтенант-пограничник Петр Фролов служит на заставе около озера Хасан на Дальнем Востоке. В июне 1938 года он стал свидетелем бегства начальника УНКВД по Дальневосточному краю Генриха Люшкова за границу. Автора мемуаров арестовывают по обвинению в пособничестве перебежчику и под конвоем отправляют в Москву. Несколько месяцев в одиночной камере на Лубянке и постоянное ожидание расстрела. От смерти его спасает лишь смена власти на Лубянке. Назначенный в конце августа 1938 года зам. наркома внутренних дел Лаврентий Берия в течение нескольких месяцев «оттесняет» от рычагов управления наркоматом своего непосредственного начальника Николая Ежова и начинает «чистку» от людей последнего. Новому наркому нужны кадры, которым он мог бы доверять.

Именно таким человеком и становится Петр Фролов. По приказу Берии его освобождают из заключения и назначают сотрудником спецгруппы – «команда» сотрудников НКВД СССР, которая приводила в исполнение смертные приговоры – расстреливала приговоренных к высшей мере наказания. Одновременно ему меняют биографию. Из лейтенанта погранвойск он превращается в младшего офицера Красной Армии, который в пехотной части служил на Дальнем Востоке, а потом был переведен в НКВД.

Первое задание наркома – следить за руководителем спецгруппы комендантом НКВД СССР Василием Блохиным. И не просто докладывать, но и войти в доверие к последнему. С этой задачей Петр Фролов прекрасно справляется. И тогда Берия поручил новое задание...

Александр Север

Вступление

Ранним утром 21 июня 1941 года я прибыл на железнодорожную станцию Белосток. С осени 1939 года по осень 1944 года этот населенный пункт был столицей Белостокской области Белорусской ССР, а затем его вместе с прилегающими районами передали Польше.

Поезд уходил вечером. После обязательного посещения областного управления наркомата внутренних дел я отправился бродить по сонным улочкам. Накануне Великой Отечественной войны Белосток был типичным еврейским местечком, которых было много в Западной Украине и Белоруссии. При этом в нем мирно соседствовали синагоги, костелы и православные храмы.

Местные сотрудники НКВД предупредили меня, что в городе действует множество германских шпионов, которые проникли в него под видом беженцев. В мае-июне 1941 года власти генерал-губернаторства (административно-территориальное образование на территории оккупированной осенью 1939 года фашистами Польши. - *Прим. авт.*) разрешили проживающим в приграничных с Белостоком районах перебраться на территорию СССР. На такую милость для евреев Берлин пошел по двум причинам: чтобы в толпе беженцев перебросить своих агентов и затруднить деятельность советской разведки. Берлин мечтал полностью очистить приграничные с СССР районы от проживающего там мирного населения неарийской национальности. В этом случае наша разведка лишалась своих «глаз» и «ушей» и не могла отслеживать концентрацию войск противника.

Белосток напоминал потревоженный муравейник. Обычно по субботам в таких городах – а за время многочисленных поездок по Западной Украине и Белоруссии я повидал немало – жизнь замирала. Ортодоксальные евреи, а их было большинство, строго соблюдали обычай и в этот день недели предпочитали сидеть дома, а не болтаться на улицах. В то время в СССР была шестидневная рабочая неделя, поэтому представители других религий – католики и православные, а также атеисты должны были работать, а не слоняться по улицам. Так, 21 июня они все собирались небольшими группками, о чем-то тихо переговаривались между собой и замолкали, увидев человека в форме.

Офицеры Красной Армии также выглядели встревоженными. Несмотря на выходной день, я не встретил ни одного находящегося в увольнении красноармейца. И это тоже было странным.

И самое главное – всем находящимся на территории Белостокской области сотрудникам НКВД и НКГБ, которые были направлены сюда из других районов Советского Союза, было приказано срочно завершить все дела и вечером 21 июня выехать к местам постоянной службы. С собой было приказано взять все материалы по германской агентуре.

Поезд подали на посадку за час до отправления. У нескольких вагонов, которые были зарезервированы за сотрудниками правоохранительных органов, дежурили сотрудники УНКВД и УНКГБ. Они внимательно проверяли документы и сверялись со списками. Периодически в вагоны заносили брезентовые мешки и ящики с документами.

Внезапно я заметил зам. начальника УНКВД, с которым разговаривал утром. Он выглядел встревоженным. Собрав вокруг себя старших по

вагонам, а также подозвав меня и еще нескольких офицеров, тихо сообщил:

– Полчаса назад из Москвы получено сообщение «Шторм». Когда поезд тронется, объявите об этом личному составу... – и добавил, прочтя немой вопрос в наших глазах: – Это не учебная, а боевая тревога... Обеспечьте в вагонах светомаскировку...

– А как же мирный договор с немцами? – машинально произнес один из офицеров, еще не веря в то, что через несколько часов начнется война.

– А вот так... Сами знаете, что происходило... В городе только и говорят о том, что скоро немцы здесь будут хозяйничать и что евреев трогать не будут... – Заметив внимательные взгляды нескольких гражданских лиц, которые шли по платформе, зам. начальника УНКВД громко произнес: – Прощайте! Спасибо за помощь! Без вас мы бы не справились!

После этого он обнял каждого из нас. Хороший был человек. После войны я случайно узнал о его дальнейшей судьбе. Вместе с подчиненными ранним утром 22 июня под непрерывными бомбежками противника он организовал эвакуацию советских учреждений в глубь страны. Из города ушел одним из последних. Погиб, прорываясь из окружения.

Поезд плавно тронулся. Старшие по вагонам объявили о том, что наступил мобилизационный период. На окнах были задернуты шторы. На остановках было запрещено выходить на платформу. В тамбурах были организованы посты.

Я ворочался на верхней полке. Спать не хотелось, с кем-то говорить тоже. Второй раз в своей жизни я ожидал начало войны. Понимал, что она неизбежна, но все же в глубине души надеялся, что этого не произойдет.

Первый раз я ожидал ее на Дальнем Востоке, когда служил в погранвойсках. Тогда в любой момент на нас

могла напасть Япония. Мы готовились к этому и верили, что легко отразим атаку самураев. Может быть, так оно и было бы, если бы не предательство командующего Дальневосточной армией маршала Блюхера. Этот «враг народа» сделал все, чтобы ослабить боеспособность Красной Армии. И это ему почти удалось.

Внезапно меня пронзила страшная мысль: а если и сейчас где-то в штабах сидят «враги народа», которых не удалось разоблачить? Блюхер ведь тоже умело скрывал свою антисоветскую сущность и мечту об отторжении Дальнего Востока от Советского Союза. Обманул всех, даже товарища Сталина. Даже когда в 1930 году маршал был замешан в антиправительственном заговоре, его простили и позволили продолжить военную карьеру. Кто знает, может, и в штабе одного из приграничных военных округов служит новый «Блюхер», который проигнорировал приказ товарища Сталина и не провел необходимую подготовку к будущей войне. С японцами было проще. Район боевых действий был заранее очищен от потенциальных пособников противника, поэтому не было нападений с тыла. Чего не скажешь о советско-финской войне.

Я разговаривал с несколькими офицерами, которые участвовали в советско-финской войне. Они утверждали, что самое опасное – это финские диверсанты и местные жители, которые организовали «второй фронт» в тылу у Красной Армии. «Как Денис Давыдов в 1812 году», – пояснил один из собеседников. Зимой 1939/40 года нас спасло то, что Карелия была малозаселенной территорией. Из-за суровых зим жить можно было только в деревнях. Поэтому тот, кто контролировал населенные пункты, был хозяином территории. Были еще и отряды диверсантов, но и с ними научились бороться. Нужно было перекрыть все лесные дороги. А по глубокому снегу, среди буреломов

и скал незаметно не пройдешь. Останется лыжня, по которой можно отыскать противника.

В Западной Украине и Белоруссии другая ситуация. Сейчас лето. Большинство переброшенных из-за границы шпионов и диверсантов скрываются в лесах. Сколько их там – неизвестно. Поймали точно не всех. Когда начнутся бои с немцами, эти шпионы организуют «второй фронт» в тылу у Красной Армии. Значит, подвоз боеприпасов и горючего, эвакуация раненых и переброска пополнения будут затруднены. А если при этом кто-то из военачальников окажется вторым «Блюхером», значит, бои могут продлиться несколько месяцев. И от этой мысли на душе было очень грустно.

Тогда я еще не знал, что в районе Белостока в первую неделю войны почти полностью будет разгромлена 10-я армия Западного фронта. 26 июня Белосток будет оккупирован фашистами, и все местные жители – евреи будут уничтожены гитлеровцами при активной помощи поступивших на службу оккупантам в полицию западноукраинских националистов.

Незаметно я задремал. Снился мне странный сон...

Я – маленький мальчик. Вместе с батей – машинистом, его помощником Василием и кочегаром дядей Петей мы едем в кабине паровоза. За окном проплывают знакомые с детства пейзажи – пригороды города Орла, где я родился и вырос. Белесое небо. Огромная черная птица стремительно догоняет паровоз. Василий интенсивно кидает уголь в бездонную и ледяную топку. Мне хочется крикнуть, чтобы он сначала развел огонь, а только потом начал топливо укладывать, но слова застревают в горле. Дядя Петя, с обнаженным торсом, покрытый толстым слоем черной пыли, словно шахтер, с помощью отбойного молотка рубит уголь в тендере, а потом кидает его в лоток. Отец ставит меня на свое рабочее место – с правой стороны кабины, а сам перебегает на левую сторону,

распахивает дверцу и, высунувшись наружу, что-то пытается увидеть впереди. Я вижу, что стрелка манометра стремительно приближается к опасной черте. Давление в котле стремительно растёт. В любой момент он может взорваться. Я тяну вниз рукоятку регулятора, но у меня не хватает сил. Пытаюсь позвать на помощь кого-нибудь из взрослых, но все они заняты своими делами и не обращают на меня внимания. Случайно я взглянул в окно и увидел, как огромная черная птица почти настигла наш паровоз. Внезапно она резко взмыла вверх, а затем, словно беркут, стремительно спикировала вниз...

Пронзительный свист и грохот взрывов. Сильный удар и толчок, словно поезд на большой скорости врезался в бетонную стену. Я стремительно падаю. Звон бьющегося стекла. Резкая боль от удара при падении на грязный пол вагона. Удушливый запах гари, смешанный с мазутом. Резкая боль, когда кто-то, пробегая мимо, случайно наступил мне сапогом на руку.

Я окончательно просыпаюсь и понимаю, что это не сон. Крики раненых, грохот взрывов, дробь пулеметных очередей. В предрассветной мгле за разбитым окном виден лес. Первая мысль – «бандеровцы» все же сумели организовать диверсию, пустили под откос наш эшелон и теперь пытаются уничтожить выживших пассажиров. Рука рефлекторно метнулась к кобуре. Перекувыркнувшись, я перекатился в коридор. Вскочил на ноги.

Пожилой сосед по купе, обмотав руку одеялом, аккуратно выбил из рамы остатки разбитого стекла. Третий попутчик – бывший моряк – каким-то образом сумел удержаться на верхней полке и теперь ловко соскользнул вниз, заметив при этом:

– Как во время шторма болтанка... Девятый вал в степях Украины...

По коридору пробежал старший по вагону. Заглянув к нам, спросил отрывисто:

– Все живы... А где четвертый?

– В гальюне... Обделался... – мрачно пошутил третий обитатель купе, засовывая в кобуру пистолет. Вечером он сунул его под подушку. Неудачное место для хранения оружия. Ворвавшись в комнату, где спал бандит, чекисты первым делом проверяли пространство под подушкой. В большинстве случаев обнаруживали пистолет. Забавно наблюдать, когда разбуженный незваными визитерами «бандеровец» судорожно пытался отыскать «ствол». Поэтому я никогда не засовывал свое табельное оружие под голову, а оставлял в расстегнутой кобуре на поясе, положив сверху руку. Точно так же поступало большинство моих коллег. Похоже, бывший морячок – об этом свидетельствовала татуировка на правой руке – все время командировки провел в одном из областных городов и не выезжал в районы. Там бы его быстро отучили хранить пистолет под подушкой. Особенно когда ночуешь в хате у местного жителя. Человек днем может страстно хвалить советскую власть, а по ночам так же активно вредить ей.

– Все из вагона! К лесу! – скомандовал старший. Мимо него несколько человек пробежали к тамбуру. Пожилой попутчик внимательно оглядел результаты своей работы, а потом скомандовал:

– Теперь можно и прыгать.

Над эшелоном на бреющем полете пронесся фашистский самолет с черными крестами на крыльях и фюзеляже, поливая все огнем из пулемета. Мы десантировались из вагона на щебенку насыпи. Обошлось без серьезных травм. Рванули к рожице в метрах пяти от железнодорожного полотна. Скатились в свежую воронку от авиационной бомбы. Вжались в землю. Казалось, что время замедлило свой бег.

Внезапно наступила тишина. Самолет куда-то улетел. Треск горящих вагонов, крики и стоны раненых, чьи-то четкие команды. Я осторожно вылез на край ямы и огляделся по сторонам. Только сейчас я увидел, что произошло с нашим эшелоном. Несколько вагонов лежало под откосом. Еще два были объаты пламенем. Остальные устояли на рельсах, но были повреждены осколками и пулями. Хуже всего было то, что одна из бомб сильно повредила паровоз. Из изрешеченного осколками котла вытекала вода. На насыпи лежало тело в форменной тужурке. Впереди, метрах в тридцати, путь был разрушен несколькими точными попаданиями бомб.

– ...твою мать, – только и смог вымолвить пожилой сосед, выбравшись наверх и встав в полный рост. – Хуже, чем в Испании...

– Дальше пешком пойдем, – мрачно заметил морячок, ловко вскарабкавшись по склону воронки. – Медленно, зато безопасно.

– Хватит зубоскалить! – оборвал его пожилой. – Немцы улетели. Надо раненых спасать.

Мы вернулись к нашему вагону. Старший взглянул на нас, произнес, ни к кому не обращаясь:

– Теперь все...

Пожилой сосед взял командование на себя. Его спокойные и четкие распоряжения вывели людей из шокового состояния. Через несколько минут мы вытаскивали раненых из вагонов. После этого в одно место перенесли тела всех погибших: мирных жителей, офицеров Красной Армии, сотрудников НКВД и НКГБ.

Затем в одну кучу начали складывать все найденное внутри эшелона оружие. Меня удивило, что кроме табельных пистолетов было несколько карабинов и даже два пулемета. Один из чекистов пояснил:

– Это мы изъяли вчера и сдать не успели.

Потом было опознание погибших. Старшие по вагонам отмечали в своих списках тех, кто стал первой жертвой войны. Несколько человек уже рыли братскую могилу. Следовало поторопиться – в любой момент могли снова появиться немецкие самолеты. Это нам объяснил пожилой сосед по купе, сказав, что именно так происходило во время Гражданской войны в Испании.

Я подошел к лежащим на земле трупам. Внезапно среди покойников я увидел Василия Черкесова – следователя из Ленинграда. Мы познакомились и подружились с ним в 1939 году. И вот такая встреча... Внезапно на меня нахлынули воспоминания о довоенной жизни...

Глава 1

В «колыбели революции»

Осенью 1939 года меня вызвал Берия. За десять месяцев, прошедших с момента моего освобождения из-под стражи, я встречался с наркомом два или три раза. Наше общение ограничивалось перепиской. Точнее, моими регулярными письменными сообщениями о происходящем внутри спецгруппы и о содержании бесед с Блохиным. Признаюсь честно, что я не был уверен в том, что Берия внимательно изучал все мои донесения. Скорее всего он их приказывал «подшить» в одну из многочисленных папок. Возможно, что и сегодня эти документы пылятся в ведомственном архиве Лубянки. При условии, что их не уничтожили по приказу Хрущева в середине пятидесятых годов. Впрочем, в них нет ничего компрометирующего коменданта НКВД СССР или кого-то еще, кроме «врагов народа».

Берия был краток:

– Сейчас происходит «чистка» аппарата ленинградского управления наркомата от тех, кто злобно и регулярно нарушал нормы соцзаконности в процессе ведения следствия, а также пособников «врага народа» Ежова. Он сейчас находится под арестом и дает подробные показания о своей вредительской деятельности на посту наркомов внутренних дел и водного транспорта... – Монолог наркома прервал телефонный звонок.

Слухи об аресте Ежова начали циркулировать по коридорам Лубянки в середине апреля 1939 года. Через пару месяцев заговорили о том, что Ежов, как и его предшественник на посту наркома внутренних дел

Ягода, оказался «врагом народа». Все понимали – Ежов обречен и будет расстрелян.

Выслушав звонившего и произнеся несколько раз «да» и «выполняйте», Берия продолжил свою речь:

– Вы поедете в Ленинград. Поможете там товарищу Гоглидзе^[3] – начальнику управления разобраться с «наследством», оставленным его предшественником Литвиным^[4]. Посмотрите на ситуацию свежим взглядом. Обратите внимание на такие факты. Во-первых, два самоубийства – самого Литвина и местного коменданта – коллеги Блохина. Мне нужно знать ваше мнение, из-за чего они решили добровольно уйти на тот свет. Во-вторых, выявите все факты нарушения процедуры расстрелов. Вы у нас человек опытный, знаете, как нужно правильно казнить, вот и выясните, кто, когда и как закон нарушал. А по поводу самоубийства, – человек вы внимательный и дотошный. Может, мелочь какую важную заметите, что другие не увидели. Ведь только вы смогли тогда на погранзаставе Люшкова разоблачить. Не поверили вы ему и правильно сделали. Вопросы есть?

– Никак нет. Разрешите приступить к выполнению приказа? – четко отрапортовал я.

– Зато у меня есть. Как вы думаете, как среагирует начальник управления, когда ему доложат, что прибывший из Москвы сотрудник архивного отдела должен помочь в расследовании нескольких дел? – Берия насмешливо посмотрел на меня. – Посадит вас в отдельный кабинет. Прикажет своим подчиненным выдать несколько дел. И будете вы как «архивная крыса в фуражке», – нарком улыбнулся собственной шутке, – с ними знакомиться. В результате мой приказ не выполните! – При этих словах улыбка с лица собеседника исчезла. – А все из-за чего? Не учли вы нравов местной бюрократии. Очень хорошо вы в роль

армейского офицера вжились. Чтобы у вас проблем с ленинградскими чекистами не было и приказание они беспрекословно и быстро выполняли, оформим вам командировку как мое личное спецзадание. Поедете в Ленинград с особыми полномочиями. Правда, и спрос с вас будет особый, когда вернетесь. Вот теперь можете приступать к выполнению моего задания.

Я не знаю, что именно сделал Берия – лично позвонил Гоглидзе или отправил телеграмму с приказом выполнять все мои просьбы, но в «колыбели революции» встречали меня по-царски. Возможно, все из-за того, что приехал я на поезде «Красная стрела». Перед войной большинство билетов на него распределялось между наркоматами, и поэтому почти все пассажиры – высокопоставленные чиновники, партийные деятели и иностранные дипломаты. В поезде был буфет, где, как объявил проводник, можно было заказать ужин. Я ограничился чаем и бутербродами.

В 10 часов утра, как только я вступил на перрон Московского вокзала в Ленинграде, ко мне сразу же подскочил офицер НКВД. Предложил проследовать за ним к ждавшему нас автомобилю. Точно так же меня встречали до этого всего лишь один раз – когда под конвоем я приехал из Хабаровска в Москву. Тогда, правда, меня ждала камера смертников. А сейчас встреча с начальником УНКВД, который ради нашего randevu отменил все встречи и совещания.

Визит в «Большой дом»

Когда автомобиль остановился рядом с «Большим домом» – так неофициально называлось здание УНКВД по Ленинградской области, я, ступив на тротуар Литейного проспекта, на мгновение замер, пораженный красотой, строгостью и величием этого произведения советской архитектуры. Оно выделялось своим аскетизмом отделки среди выстроенных еще до революции и стоящих сомкнутым строем по обеим сторонам улицы «доходных домов».

– Нравится? – заметив мое удивление и восторг, поинтересовался спутник. – Оно всем нравится. Внутри еще красивей. Нет всех этих буржуйских излишеств, – он показал пальцем в сторону соседних старинных особняков. – Я раньше в одном таком доме работал. До революции в нем граф или князь жил. Коридоры узкие и темные. В них заблудиться можно. Вместо кабинетов огромные залы. Их шкафами приходилось перегораживать, иначе работать невозможно. Отапливать приходилось дровами. Пока истопник все печи растопит, сколько времени пройдет. А здесь все удобно. Заботится о нас руководство. Библиотека есть – можно самообразованием заниматься. У нас туда многие ходят. Зал для занятий спортом, а без него сейчас никак нельзя. А столовая какая здесь замечательная! Кормят вкусно, сытно и очень дешево, – и спохватился, что мы застряли на улице: – А чего мы стоим, давайте внутрь зайдем. Тем более что вас товарищ Гоглидзе ждет.

Спутник был прав. Внутри было лучше, чем снаружи. Например, меня поразила планировка коридоров. Если в Москве в здании на площади Дзержинского они напоминали прогрызенные в яблоке червями туннели,

то здесь они пронзали здание прямыми линиями и просматривались насквозь из любой точки.

Начальник управления встретил меня настороженно. Это и понятно – не каждый день из Москвы приезжает личный эмиссар наркома, причем в звании лейтенанта и числящийся в штате архивного отдела. Он ведь не знал, что я еще и помощник коменданта Блохина и всегда есть вероятность того, что следующая наша встреча может произойти за несколько минут до его смерти. Просто за время службы в спецкоманде и после многочисленных бесед с Блохиным я подсознательно видел в каждом высокопоставленном сотруднике НКВД, за исключением разве что Берии, потенциального «врага народа». Иногда комендант называл мне должности тех, кого казнили и чьи фамилии я записывал в документы.

Выслушав мою просьбу организовать беседу с теми, кто занимался расследованием двух самоубийств, хозяин кабинета властным тоном произнес:

– Лучше всего об этом Черкесов сообщит. Следователь из секретно-политического отдела, – и добавил чуть мягче: – До перевода в наркомат он в прокуратуре служил. – На мгновение замолчал, задумался, погрузившись в воспоминания, а затем продолжил другим тоном: – Я с ним и познакомился, когда он начал в качестве прокурорского сотрудника дело «врага народа» Литвина расследовать. На предмет возможного убийства. Парень он толковый. В свободное время самообразованием занимается. – Снова замолчал и продолжил начальственным тоном: – Сколько времени вам нужно для беседы? – И, заметив мое удивление, пояснил жестко: – Аврал у нас сейчас. Ликвидируем последствия преступной деятельности Литвина и его сообщников. Следователи и оперативники сутками на допросах находятся.

Я решил, что начальник УНКВД, сознательно ограничивая время моей беседы с Черкесовым, пытается скрыть что-то важное. Вопрос: что именно? Странно все это. Человек он здесь новый. Блохин говорил, что Гоглидзе до своего назначения начальником УНКВД Ленинградской области служил вместе с Берией в Закавказье и входил в «команду» последнего. Якобы Берия еще в начале тридцатых годов обратил внимание на Гоглидзе и с того времени следил за его карьерой. Блохин мне не говорил, но я понял, что комендант считал Гоглидзе ставленником Берии.

Комментарий Александра Севера

«Теоретически Сергей Гоглидзе мог познакомиться с Лаврентием Берией в 1927 году, когда первый занимал должность инспектора политической части УПО и войск ГПУ Полпредства ОГПУ по ЗСФСР, а второй – председателя ГПУ Грузии и зам. полпреда ОГПУ по ЗСФСР – Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики. Кратко расскажем об этом территориальном образовании.

ЗСФСР появилась на политической карте в середине декабря 1922 года и объединяла три самостоятельные советские республики: Армению, Азербайджан и Грузию. Была Конституция ЗСФСР, Закавказский ЦИК и правительство – Совет народных комиссаров ЗСФСР. 30 декабря ЗСФСР объединилась с РСФСР, УССР и БССР в Союз ССР. ЗСФСР просуществовала до 1936 года, когда была упразднена. Азербайджанская ССР, Армянская ССР и Грузинская ССР в качестве

самостоятельных республик вошли в состав СССР.

Когда в апреле 1931 года Берия был назначен полпредом ОГПУ по ЗСФСР, то Гоглидзе занимал пост начальника политотдела УПО (Управление противовоздушной обороны) и войск ГПУ полпредства ОГПУ по ЗСФСР. Правда, на карьерный рост Гоглидзе реально влиять Берия мог только с лета 1938 года, когда с должностей первого секретаря Заккрайкома, первого секретаря ЦК КП Грузии и первого секретаря горкома Тбилиси был переведен на должность первого заместителя наркома внутренних дел (22 августа 1938 года). Поясним, что с ноября 1934 года по январь 1936 года Гоглидзе занимал пост наркома внутренних дел ЗСФСР и одновременно пост начальника УНКВД Грузинской ССР. Фактически до лета 1938 года Берия и Гоглидзе занимали равные по значимости посты – один в системе партийных органов, другой – в системе правоохранительных. Понятно, что реальной власти у члена ЦК ВКП (б) и ЦИК СССР Берии было больше, чем у Гоглидзе, но первый не мог использовать ее для карьерного роста второго.

Вернемся к рассказу Петра Фролова.

Беседа со следователем

Через час я сидел в выделенном для беседы кабинете. Черкесов, несмотря на то что служил в НКВД полгода, если не больше, сохранил большинство «гражданских» привычек. Например, когда он вошел, то вместо того, чтобы замереть по стойке «смирно» и отрапортовать по-военному: «Старший лейтенант Черкесов по вашему приказанию прибыл» или что-нибудь в этом роде, он внятно произнес, внимательно глядя в мои глаза:

– Следователь Василий Черкесов, секретно-политический отдел, – и по старой привычке даже хотел протянуть руку для рукопожатия, но внезапно замер, осознав свою ошибку.

– Присаживайтесь, – предложил я, помня о том, что среди прокурорских работников не принято употреблять слово «садитесь». Представляться я не стал, т.к. был уверен, что мою фамилию и звание ему сообщил Гоглидзе во время инструктажа. Чем еще можно объяснить тот факт, что меня после беседы с начальником УНКВД настойчиво пригласили посетить столовую и пообедать, мотивируя это тем, что после приезда я не успел позавтракать. Кормили там действительно вкусно. Насчет цен я не знаю, т.к. обслужившая меня официантка, когда я попросил у нее счет, сказала, что это спецобслуживание и для меня бесплатно. Точно так же происходило каждый раз, когда я питался в столовой «Большого дома» до войны.

Я внимательно оглядел следователя. Коренастый, среднего роста. Форма на нем сидела чуть мешковато. В штатском костюме он смотрелся бы лучше. Если бы на нем был мундир военнослужащего Красной Армии, то я бы решил, что он военный инженер или интендант, а не

строевой офицер. Его внимательный взгляд, направленный в глаза собеседнику, и легкая полуулыбка на лице, наверно, вызывали чувство дискомфорта у тех, кто с ним общался в качестве подозреваемых или свидетелей. Казалось, что он легко разоблачит любой обман собеседника. Действительно, он был талантливым следователем и достойным противником для тех, кто нарушил закон.

– Почему именно вам поручили выяснить причины самоубийства Литвина? Ведь он занимал пост начальника областного управления – второго после Московского по значимости? – настороженно спросил я. Неспроста это дело поручили простому следователю из прокуратуры. Может быть, таким незамысловатым способом кто-то из руководства наркомата решил замести следы. Литвин был приятелем Ежова. Ежову было важно скрыть истинную причину, заставившую Литвина пустить пулю в висок. Для этого он и сделал все, чтобы расследованием занимался человек, незнакомый со спецификой чекистской работы.

– За два года до этого происшествия я завершил расследование дела «Черной вдовы». Громкое было преступление. О нем тогда все ленинградские газеты писали. Вы не читали?

Я отрицательно покачал головой. Во время службы на Дальнем Востоке из центральных газет я читал только «Правду» (другие просто не попадали на нашу заставу).

– Дамочка двух своих мужей отправила на тот свет. Первого во времена НЭПа – отравила грибами, а второго – застрелила. Любопытное было дело... – собеседник замолчал, вспоминая прошлое. – Особенно с грибами. Мы понимали, что она его отравила, но доказать ничего не смогли. – Заметив непонимание на моем лице, следователь поспешил рассказать подробности: – Ее первый супруг любил грибки маринованные под водочку

на обед употреблять. Вот она и заготовила их, но при этом рецепт нарушила. В результате употреблять их было опасно для жизни. Однажды угостила мужа, но сама при этом их не ела. Вот он и помер через несколько часов после трапезы. А она все его богатства унаследовала. С этого и жила все эти годы. Вдовой была недолго. Нашла нового мужа – профессора одной из военных академий Ленинграда. Старше он ее был лет на двадцать. Вдовец, и взрослые дети, живущие в Москве. У него отдельная квартира на Петроградской стороне, приличные оклад и паек – казалось, живи и радуйся. Так у нее появился молодой любовник с койкой в коммуналке. Учился он на художника, но, кроме оформления афиш, больше ничего не был способен нарисовать. Зато со всеми повадками «бывших». Даме ручку всегда поцелует, комплимент отвесит, фразу на французском произнесет... Насмотрелся на него на допросах. Решили они супруга на тот свет отправить. Грибами травить не решились. Придумали другой план. Сначала она мужа в ресторан отвела, там начала его коньяком поить. Когда вернулись домой, то продолжала. Дождалась, пока уснет, и застрелили его из наградного пистолета. Когда приехала милиция, то сказала, что он сам пустил пулю в висок, после того как узнал, что она уходит от него к другому – своему любовнику. Все она учла, даже то, что левой был супруг, кроме одного – траектории полета пули. По моему указанию провели баллистическую экспертизу и доказали, что погибший не мог так изогнуть свою руку. Если ему ее предварительно не вывихнули. Заинтересовал меня этот способ совершения убийства. Посидел я в библиотеке, нашел еще несколько аналогичных случаев. Я и написал статью в ведомственный журнал. Ее даже напечатали, правда немного сократили. После этого в прокуратуре я стал «специалистом» по расследованию убийств,

замаскированных под самоубийства. – Впервые за время нашей беседы он искренне улыбнулся. – И когда Литвин застрелился, то на место происшествия отправили меня.

– Логично, – согласился я. – Как я понимаю, способы маскировки убийства под самоубийство одинаковы и практикуемые «врагами народа», и используемые обычными гражданами при бытовых убийствах.

– Да, – он кивнул.

– И что вам удалось установить в качестве следователя прокуратуры? – произнес я для поддержания беседы. Ответ я знал заранее. Маловероятно, что кто-то таким вот изощренным способом решил умертвить начальника УНКВД и приятеля наркома. Убийца прекрасно знал, что замаскировать свое деяние под самоубийство крайне сложно. Знал ведь, что в первую очередь будут проверять именно эту версию.

– Факт того, что Литвин сам нажал на курок и в этот момент в квартире больше никого не было. – И поспешил добавить: – А больше тогда от меня и не требовалось. Застрелился и все.

– А как же статья в Уголовном кодексе – доведение до самоубийства? – задал я провокационный вопрос.

– Вы имеете в виду статью 141? Так ее можно применять, если было бы доказано, что кто-то... – прикрыв глаза, собеседник на мгновение замолчал, а потом произнес так, словно прочел: – ...довел находящегося в материальной или иной зависимости от другого лица жестоким обращением последнего или иным подобным путем до самоубийства или покушения на него... – Снова замолчал. Затем, глядя на меня, продолжил устало. Чувствовалось, что ему уже не раз приходилось отвечать на этот вопрос: – Проверили мы эту версию. Никаких долгов у Литвина не было.

Шантажировать начальника управления кто-то из ленинградцев не рискнул, зная о его связях в Москве.

– Что вы имеете в виду под шантажом ленинградцев? – спросил я удивленно.

– Для меня, как следователя прокуратуры, Литвин был не высокопоставленным чекистом или «врагом народа», а крупным чиновником, которого теоретически можно было шантажировать. Например, если бы у него была любовница и она забеременела, то могла бы потребовать развестись с женой и жениться на ней. В противном случае она бы могла пригрозить подать заявление в прокуратуру о том, что он принуждает к аборту. А это статья 140 пункт «а» Уголовного кодекса. Наказание – до двух лет тюрьмы. Проверили – никто не писал такого заявления. Был еще вариант с растратой или крупным карточным проигрышем. Как вы понимаете, это тоже исключено. Так что причины, заставившие Литвина пустить пулю в висок, следует искать наверху. А это уже не мое поле. Там должны сами сотрудники наркомата искать. Именно об этом я честно и сказал Гоглидзе, когда сообщил о результатах расследования. Его почему-то это очень заинтересовало, и он попросил меня написать все это в отдельном рапорте. Что я и сделал.

«Потом этот документ попал к Берии, – мысленно добавил я, – и теперь причины самоубийства Литвина на допросах следователям рассказывает Ежов».

– Хорошо, а что было необычного в смерти коменданта? – продолжил я беседу.

– Ничего особенного. Человек пришел в пустую квартиру. Запер изнутри дверь. Окна тоже заперты. Написал предсмертную записку, где указал супруге, куда ей нужно позвонить, когда найдет его тело. Провели графологическую экспертизу. Записку написал самоубийца в состоянии душевного спокойствия. Так что это классическое самоубийство.

- Хорошо, а причины, заставившие коменданта застрелиться?

- Вот здесь, - честно признался следователь, - сложнее. В деле присутствуют признаки преступления, указанные в 141-й статье Уголовного кодекса. Об этом я честно заявил Гоглидзе и пояснил, что так как я сотрудник прокуратуры, то не могу проводить расследование в этом направлении.

- И как он среагировал на ваше заявление?

- Странно. Сказал лишь, что этот недостаток легко исправить. Тогда я не придавал значения его словам. А через три недели меня перевели служить в НКВД - в секретно-политический отдел.

- Гоглидзе сказал, что вам пришлось расследовать оба самоубийства во второй раз, но теперь уже в качестве чекиста.

- Да, но здесь уже стояла другая задача - выяснить истинные причины, побудившие их свести с жизнью счеты. А когда я в прокуратуре работал, ответить на вопрос - это самоубийство или убийство, было несложно, - объяснил следователь.

- Тогда сначала давайте выясним то, что вы выяснили, будучи следователем прокуратуры, - предложил я, - и начнем с первого дела.

- По нему очень мало. Там изначально было понятно, что это самоубийство. В момент звонка из Москвы он находился дома. Получив приказ прибыть в столицу, он не распорядился забронировать себе место в поезде. Значит, и ехать не планировал. Супруга после его разговора с Москвой ушла в магазин. Когда вернулась, то обнаружила его мертвым. Допросили охрану. Никто не входил в квартиру.

- Предположим, что Литвин застрелился сам. Его никто не убивал. А в чем причина его самоубийства?

- Близость к «врагу народа» Ежову, - не задумываясь, четко заявил следователь. - Бывший

нарком его хотел себе заместителем взять...

Комментарий Александра Севера

В реальности не мог бывший следователь прокуратуры назвать находящегося под следствием человека, чья вина еще не доказана судом, «врагом народа». Автор воспоминаний, похоже, приписал Черкесову слова, которых тот не говорил. В этом нет ничего удивительного. Сложно дословно воспроизвести по памяти весь разговор, который произошел полвека назад.

Вернемся к рассказу Петра Фролова.

Точно так же, как до этого «врага народа» Заковского^[5], своего приятеля. Дружили они с 1934 года, когда Заковский был назначен начальником УНКВД. Вот только не получилось, Литвин решил, что вызов в Москву – это «ловушка», и предпочел лучше застрелиться, чем сотрудничать со следствием. Знал он о том, что в апреле 1938 года Заковского арестовали, а в конце августа того же года расстреляли. И ничем не мог помочь ему Ежов.

После возвращения из Ленинграда я решил подробнее узнать у Блохина о Заковском. Комендант охотно рассказал мне, что Ежов и Заковский были собутыльниками. Подружились они еще в Ленинграде на почве любви к спиртному и сомнительного прошлого обоих. Блохин утверждал, что Заковский до революции был простым матросом и никакого участия в революционной деятельности не принимал, хотя во всех анкетах и автобиографиях подробно писал о своем участии в борьбе с царизмом. В органы ВЧК попал благодаря своей национальности – латыш, устроили земляки...

Комментарий Александра Севера

Леонид Заковский родился в 1894 году в Курляндской губернии. Окончил два класса городского училища. С 1909 по 1911 год – ученик ремесленника в частной медно-жестяной мастерской Ансона (г. Либава). С 1911 по 1912 год – матрос на пароходе «Курск» Русско-Восточно-Азиатского пароходства на линии Либава – Нью-Йорк. С 1912 по 1913 год – подмастерье в медно-механической мастерской Ансона. В 1912 году связался с местными анархистами и в феврале 1913 года арестован, но через несколько дней освобожден. В декабре 1913 года арестован и в январе 1914 года по решению Особого Совещания МВД выслан на три года под гласный надзор полиции в Олонецкую губернию. В январе 1917 года, после окончания срока ссылки, приехал в Петроград. Уклонился от призыва в армию. В феврале 1917 года примкнул к Центру объединенных латышских групп РСДРП (б) Северного района Петрограда. В октябре 1917 года участвовал с отрядом матросов в захвате петроградской телефонной станции.

В декабре 1917 года поступил на службу в ВЧК. За три месяца прошел путь от разведчика (низшая должность, говоря современным языком, оперуполномоченный) до начальника разведки – коменданта ВЧК. С марта 1918 года по январь 1919 года участвовал в Гражданской войне. Затем служил на различных руководящих должностях по всей Советской России. В феврале 1926 года занял пост полпреда ОГПУ по Сибирскому краю. Затем аналогичные посты по Западно-Сибирскому краю и Белорусской ССР. На пост начальника УНКВД Ленинградской

области он перешел с должности наркома внутренних дел Белорусской ССР.

Вернемся к рассказу Петра Фролова.

Блохин также сказал, что Заковский регулярно ездил по личным делам из Ленинграда в Москву, где несколько дней жил на квартире Ежова и принимал активное участие в совместных оргиях... Эти поездки он оформлял как служебные командировки. «Близкие у них были отношения, даже очень. Знаешь, как Заковского Ежов называл? Ленечкой. Педераст, – заявил комендант. – Вот так и жили они. Зато за глаза «интеллигентишка» Ежов называл своего собутыльника уголовником. Жаловался, что Ленечка ведет себя как боцман. Хамит, постоянно матерится, пьет много, а когда сильно пьяный, драться начинает. При этом Ежову он нравился и старался держать около себя. Когда в Ленинграде у Ленечки проблемы начались, Ежов его в Москву к себе перетащил».

Позднее я узнал, что Заковский во время службы начальником УНКВД в Ленинграде «прославился» регулярными пьянками в рабочее время, а также многочисленными амурными похождениями. Его партнершами были бывшие проститутки и дамы легкого поведения, которых находили подчиненные «Ленечки». Слухи о его аморальном поведении, а также нарушениях норм соцзаконности стали доходить до Москвы, и поэтому Заковского срочно перевели в центральный аппарат...

Комментарий Александра Севера

Формально о противоправных деяниях начальника УНКВД Заковского в Москве узнали только в марте-апреле 1938 года. Политбюро ЦК ВКП (б) 14 апреля 1938 года приняло

Постановление «о Заковском». Процитируем текст этого документа:

«1. Ввиду того, что в работе по Ленинградскому УНКВД выяснился ряд серьезных недостатков за период работы т. Заковского, как то: переписка заключенных с волей и шпионом Гродисом в частности, создание дутых дел; засоренность аппарата УНКВД шпионскими элементами, которые работали до последнего времени, несмотря на имеющиеся на них компрометирующие материалы, – ЦК ВКП (б) считает, что т. Заковский не может сейчас пользоваться полностью политическим доверием как руководитель чекистской работы.

2. ЦК постановляет: освободить т. Заковского от обязанностей заместителя НКВД СССР и назначить его начальником строительства Куйбышевского гидроузла, где он должен своей работой восстановить полное к себе доверие»^[6].

Вернемся к рассказу Петра Фролова.

– Так откуда Литвин узнал, что в столице его арестуют? Ведь он был в дружеских отношениях с самим наркомом! – притворно удивился я.

Собеседник озвучил версию, которая циркулировала в центральном аппарате – ее мне рассказал Блохин.

– Ежов предупредил, – разъяснил собеседник, – когда они по телефону говорили. Он потом это на следствии сообщил... В прошлом году, в августе (1938 года. – *Прим. авт.*), Ежов хотел сделать своим заместителем Литвина. Они даже будущее назначение успели отметить на даче у наркома. Правда, вместо Литвина пост зам. наркома занял Берия. Прошлой осенью (1938 года. – *Прим. ред.*) Ежов стремительно

утрачивал реальную власть в наркомате. Произошло это после назначения его заместителем Берии, – следовательно продемонстрировал знание процессов, происходящих в центральном аппарате. – Понимал Ежов, что все его преступные деяния станут известны Берии. А тот не будет сюсюкаться с «врагами народа», как Ягода, и всех заставит отвечать за преступную деятельность. Вот и решил Ежов начать свидетелей убирать, чтобы самому спастись. И первым в этом списке Литвин стоял...

На самом деле первым Люшков был, который после получения указаний от Ежова в июне 1938 года сбежал к японцам. Но об этом я не стал рассказывать Черкесову.

Комментарий Александра Севера

1-й секретарь ЦК КП (б) Грузии (совмещал эту должность с постом 1-го секретаря Тбилисского горкома КП (б) Грузии) Лаврентий Берия был назначен 1-м зам. наркома внутренних дел 22 августа 1938 года – за три месяца до самоубийства Михаила Литвина. В Москву его вызвали внезапно – только 31 августа 1938 года его освободили от партийных должностей в Грузии.

Позиции Берии в центральном аппарате наркомата резко усилились 8 сентября 1938 года – в тот день он был назначен начальником 1-го управления НКВД СССР.

Структура 1-го управления (организовано 9 июня 1938 года):

- 1-й отдел – охрана правительства;
- 2-й отдел – оперативный;
- 3-й отдел – контрразведывательный;
- 4-й отдел – секретно-политический;

5-й отдел - иностранный (внешняя разведка);

6-й отдел - «чекработы» (оперативного обеспечения) в органах милиции, пожарной охраны и военкоматах;

7-й отдел - оперативное обеспечение объектов оборонной промышленности;

8-й отдел - оперативное обеспечение объектов промышленности;

9-й отдел - оперативное обеспечение объектов в сельском хозяйстве, торговле и заготовках.

К началу ноября 1938 года Николай Ежов уже утратил власть и не мог влиять на назначение своих заместителей. К тому же все знали, что Михаил Литвин - человек из «команды» обладателя «ежовых рукавиц».

Михаил Литвин, вне зависимости от сказанного ему Николаем Ежовым во время их последнего телефонного разговора, понимал: в Москву его вызывают точно не для того, чтобы объявить о повышении. В лучшем случае о переводе на другую работу, в худшем - о том, что он арестован.

Вернемся к рассказу Петра Фролова.

- И вам поручили проверить показания Ежова относительно его связи с Литвиным? - осторожно произнес я.

- Не совсем так, - собеседник почувствовал в моем вопросе «ловушку». - Дело в том, что в то время сотрудников территориальных органов обычно не привлекали для проведения следственных мероприятий в отношении руководства центрального аппарата. К тому же, как мне рассказывал Блохин, доказательств вины Ежова было более чем достаточно. Поэтому

привлекать к сбору дополнительных фактов простого следователя из областного управления наркомата никто бы не стал. Существовало и еще одно важное обстоятельство: Литвин покончил с собой еще до того, как ему было предъявлено официальное обвинение.

О дружбе Ежова и Литвина мне Блохин много чего интересного рассказал. Комендант сказал, что познакомились они в начале тридцатых годов, когда оба служили в одном (Распорядительном. – *Прим. ред.*) отделе ЦК ВКП (б) – один начальником, а другой – его заместителем. «Помнится, Литвин уже тогда кадрами заведовал». Потом их пути разошлись. Один остался в Москве, а другого отправили на Украину. Дослужился он до должности 2-го секретаря Харьковского обкома. Судьба Литвина резко изменилась, когда его бывший начальник и собутыльник был назначен наркомом внутренних дел.

«Знаешь, что общего у них было? У обоих «темные пятна» в биографиях. У Ежова – отец подпольный притон содержал, а мать из дворянок. Да сам он во время Гражданской войны дел натворил. Сначала в банде состоял, а потом белогвардейцам помогал. Его даже за эти дела расстрелять хотели, но приговор отменили. У Литвина еще хуже. Он во время Гражданской войны с белогвардейской контрразведкой сотрудничал. Поймали его однажды белые и поставили перед выбором: на них работать – подпольщиков находить и сдавать – или умереть. Он первое выбрал. И это только сейчас выяснилось», – сообщил Блохин.

Комендант утверждал, что покончивший самоубийством начальник УНКВД Ленинградской области повторил часть пути своего предшественника – Заковского. Пил вместе с наркомом, часто в Москву приезжал, якобы по служебным делам... Все ждал, пока его собутыльник в центральный аппарат вернет. Хотя бы снова кадрами поставит заведовать. Хотя летом

1938 года по коридорам Лубянки циркулировали слухи, что Ежов пытается Литвина своим заместителем назначить, но против этого товарищ Сталин возражает. Говорит, что у Литвина опыта чекистской работы почти нет и есть более опытные кандидаты...

Комментарий Александра Севера

Упоминание факта дружеских отношений между Ежовым и Литвиным встречается в протоколах допросов нескольких человек из ближайшего окружения обладателя «ежовых рукавиц». Например, показания Анатолия Бакулина – племянника Николая Ежова:

«...В 1936—37 гг. круг близких людей ЕЖОВА пополнился рядом бывших ответственных работников Наркомвнудела СССР. Из них я помню как частых гостей ЕЖОВА – ЯГОДУ, МИРОНОВА, ПРОКОФЬЕВА, АГРАНОВА, ОСТРОВСКОГО, ФРИНОВСКОГО, ЛИТВИНА, ДАГИНА.

Приятельские отношения ЕЖОВА с этими людьми строились на систематических пьяных оргиях, которые обычно происходили у него на даче...»^[7]

– Мне начальник УНКВД Гоглидзе поручил провести проверку деятельности Литвина. А если точнее, то выявить все его связи в управлении. Даже не связи, а тех, кому он покровительствовал и на чье «темное» прошлое, по тем или иным причинам, реагировал как «враг народа», а не как чекист, – объяснил следователь. – Нужно было воссоздать схему Ежов – Литвин – сотрудники управления. Первой частью занимались следователи из Москвы во главе с Берией, а второй – сотрудники Ленинградского управления под

руководством Гоглидзе. Поэтому оба самоубийства я расследовал с позиции следователя секретно-политического отдела.

– И что вам удалось выяснить относительно смерти Литвина? – поинтересовался я.

– Он покончил с собой, когда понял, что его преступная деятельность будет вскрыта следственными органами в ближайшие недели. Избежать ответственности, даже имея высокопоставленных покровителей в Москве, ему не удастся. Например, Литвин в многочисленных анкетах «забывал» указать, что во время Гражданской войны он находился на Дальнем Востоке и занимался подпольной деятельностью. Однажды попал в застенки колчаковской контрразведки. Пробыл он там несколько месяцев, а потом был отпущен. Продолжил свое смертельно опасное занятие. И вот что странно: везучим он оказался. Почти все, кто с ним был связан, были арестованы белогвардейцами, а он продолжал оставаться вне подозрений.

– Так он что, был провокатором? – вырвалось у меня.

– Там все сложнее и хитрее было. Литвин элементарных правил конспирации не соблюдал и тем самым облегчал работу контрразведки белогвардейцев. Он «засвечивал» всех подпольщиков, кто с ним контактировал. При этом он со своими хозяевами ни разу не встречался. Понимал, что это опасно. И Ежов каким-то образом об этом узнал. Не знаю, шантажировал ли он Литвина или они так смогли договориться... В итоге Литвин стал выполнять все указания Ежова. Есть у меня подозрения, что в последнем разговоре (перед самоубийством) нарком намекнул, что Берии стало известно о деяниях Литвина во время Гражданской войны. После этого начальник УНКВД и пустил пулю в висок.

– Что вас насторожило в самоубийстве Поликарпова? – спросил я. – Он ведь был простым комендантом. – Я умолчал о его участии в расстрелах и о том, что из-за этого у него могло произойти помутнение рассудка. – Понятно, Литвин – начальник областного управления, а этот...

– Вот это и насторожило. Понимаете, он не был связан с «врагами народа». Никто из арестованных не назвал его имени в качестве сообщника на допросах. Его связь с ними не была доказана. Он был на хорошем счету у нового руководства управления. И вот такой странный поступок. Что именно заставило его нажать на спусковой крючок?

– Может, тоска нахлынула, он напился – и в пьяном виде... – предположил я.

– Трезвым он был в тот вечер. Ушел раньше времени со службы домой. И когда супруги не было дома, застрелился. Вот что любопытно. Я опросил соседей. Он не сразу из «Большого дома» отправился на квартиру, а где-то часа полтора находился. Я поговорил с его знакомыми – все утверждали, что покойный не любил пешие прогулки.

– Значит, он с кем-то встречался и после этого пришел домой и пустил пулю в голову, – предположил я, догадываясь, к чему клонит следователь.

– Да, некто сообщил ему что-то важное, после чего он застрелился. Когда я узнал эту подробность, то вспомнил, что нечто похожее было в деле Литвина. Днем ему позвонил Ежов, а вечером он тоже застрелился. Тогда осталось только найти этого человека и допросить его.

– Всего-то! – хмыкнул я недоверчиво.

– Это оказалось проще, чем вы думали. Ситуация, аналогичная гибели Литвина. Встречаться он мог с кем-то из сослуживцев. Начал я допрашивать всех, кого арестовали после смерти Поликарпова. И один из них

признался, что встречался с самоубийцей. К тому времени я уже служил в управлении и знал, – собеседник многозначительно посмотрел на меня, – чем занимается комендант...

Я кивнул, поняв его намек.

– Этот человек (назовем его Х. – *Прим. авт.*) служил в секретно-политическом отделе и занимался выбиванием признаний из подследственных. Он, правда, утверждал, что прибегал к незаконным методам следствия крайне редко... Что его коллеги били подследственных регулярно, выбивая необходимые Литвину признания... Многие подследственные все равно молчали на допросах, и тогда Литвин приказал сначала сфальсифицировать их показания, а затем расстрелять... Без решения суда... Литвин приказал Поликарпову расстрелять этих людей... Выполнил этот преступный приказ комендант. Когда управление возглавил Гоглидзе и начался процесс восстановления соцзаконности, то Х. почувствовал, что через несколько дней его арестуют. Зная, что коменданта будут допрашивать по этому эпизоду о его преступной деятельности, Х. попросил коменданта утаить этот эпизод от следствия. В противном случае пообещав «потянуть» и его...

– А почему комендант согласился исполнить преступный приказ Литвина? Ведь он имел право сообщить в Москву о происходящем! Почему не воспользовался этим правом?

– Я себе тоже задал этот вопрос. Изучил его личное дело. Там было подшито несколько доносов. Обвиняли коменданта в том, что он был груб с подчиненными, злоупотреблял служебным положением, много пил и дебоширил, ну и все такое... Обычный набор. Было лишь одно странное обвинение. Якобы его отец служил при царской власти надзирателем, а тесть, тот вообще был городовым. Начал я проверку. Действительно, был

такой эпизод в биографии. И Литвин знал об этом. Один из подчиненных сказал, что он докладывал о родственниках коменданта, но начальник приказал Поликарпова не трогать. Изучил я анкету и биографию самого Поликарпова. В ВЧК он во время Гражданской войны поступил на службу. И почти сразу же «прославился» тем, что подбрасывал задержанным из числа «бывших» оружие – в качестве доказательства их «вины». Разгорелся «громкий» скандал. Несколько месяцев Поликарпов провел в арестантском доме. Исполнял обязанности внутрикамерного агента – «наседки», а когда освободился, то поступил на службу надзирателем.

– А как тогда он комендантом стал? У него ведь судимость была? Да и анкета... – удивился я.

– Свое пребывание в арестантском доме он сумел оформить как выполнение спецзадания. Скрыть преступное прошлое ему помогли люди, которые позднее были осуждены как «враги народа». Как говорится: «Рыбак рыбака видит издалека». К тому же комендантом он оказался исполнительным. Даже слишком. Готов был любой приказ начальства, даже явно преступный, выполнить. Зато пил мало. По сравнению с отдельными сотрудниками и начальниками. В случае чего сам лично участвовал...

Я снова кивнул, продемонстрировав собеседнику понимание того, в чем именно лично участвовал Поликарпов. Если честно, то для меня это было странным. Блохин тоже иногда участвовал в расстрелах в качестве исполнителя. Происходило это в двух случаях: этого требовало руководство наркомата или казнили высокопоставленного «врага народа». Блохин часто присутствовал на расстрелах, но в качестве начальства или сопровождая руководителей наркомата.

– И не только когда не было соответствующих документов, – продолжил следователь, – но и просто

так.

Может быть, Поликарпову нравилось убивать или ощущать свою власть над приговоренными к высшей мере наказания? Если он мало пил, то, похоже, его не мучили угрызения совести от содеянного и покойники по ночам к нему не приходили. Если бы у него были такие проблемы, то пулю в висок он пустил бы не после разговора с коллегой, когда понял, что ему придется отвечать за свои деяния.

– Ему что, нравилось это? – вырвалось у меня непроизвольно.

– Сложно сказать. Как вы понимаете, с ним лично я не беседовал. Не успел, – он улыбнулся во второй раз, – подчиненные – те, кто по должности участвовал, – разное про него говорили. Для них он был вроде фельдфебеля^[8] в царской армии. Гонял их так, как его при царе. Он до революции два года в гренадерском полку служил. На фронт не попал. Их часть всю Мировую войну в Петрограде стояла. А чтобы служба сахаром не казалась, с ними строевой подготовкой занимались, плац чистить каждый день заставляли, ну и все хозяйственные работы. Это он сам подчиненным рассказывал, когда напивался. Дескать, распустились вы все. Вас бы в царскую армию, там всю дурь из вас выбьют и к дисциплине приучат.

– Так это же антисоветские разговоры! Почему никто не сообщал об этих высказываниях? – искренне удивился я.

– Так ведь сообщали... «врагам народа» во главе с Литвиным. Они все эти доносы читали, потом авторов вызывали и говорили, что если будут на честных людей клеветать, то сами отправятся... – Собеседник снова многозначительно замолчал. – Вот они и молчали. Знали, что угроза эта реальная. Видели тех, кто не поверил Литвину и его подручным...

Расчищая гадюшник

В Ленинграде я провел две недели. Город я видел лишь два раза – когда ехал сначала с вокзала в управление, а потом обратно. Одной беседой с Черкашиным дело не ограничилось. Мы, к неудовольствию Гоглидзе, встречались каждый день. Следователь в той или иной степени принимал участие в расследовании всех дел, связанных с нарушениями соцзаконности сотрудниками управления. Именно он указал мне на подследственных, кто мог что-либо сообщить важное относительно любых нарушений процедуры расстрелов. Также он мне помог разобраться в специфике оформления уголовных дел и читать только то, что мне требовалось, а не все подряд. В противном случае мое пребывание в Ленинграде затянулось бы надолго. Мною были выявлены многочисленные случаи нарушения соцзаконности, о чем я, вернувшись в Москву, проинформировал Берия.

Признаюсь, я был в шоке, когда узнал подробности происходившего при Литвине и при попустительстве Ежова беззакония. Порой у меня возникала мысль, что творили они все это сознательно, чтобы максимально дискредитировать и тем самым нагадить советской власти. Сразу вспоминались рассказы Блохина о многочисленных вредителях в промышленности и сельском хозяйстве. Так, может, и здесь действовали аналогичные антисоветские элементы? Только уничтожали они не заводы и фабрики, а жизни людей?

Глава 2

С особыми полномочиями

Когда я вернулся из Ленинграда, то несколько дней потратил на подготовку подробного отчета. Берия приказал мне не торопиться и указать в документе все, даже малозначительные, на мой взгляд, факты. Комендант освободил меня от выполнения всех служебных обязанностей.

Кабинет, где я писал текст, даже по меркам конца тридцатых годов, был обставлен скромно. Письменный стол без ящиков, пара стульев. В углу вешалка для верхней одежды. На стене портрет товарища Сталина. На столе – печатная машинка. Рядом с ней стопка чистых листов бумаги. В углу пузатый сейф. На нем запыленный графин без воды и два стакана.

Вручив мне ключ, Блохин предупредил:

– Когда начнешь работать, дверь запрешь изнутри. Когда в сортир захочешь или в столовую пообедать, документ в сейф уберешь. Замок опечатаешь, как и входную дверь. Охрана в коридоре предупреждена, что никто, кроме тебя, сюда входить не имеет права. Когда закончишь, то зарегистрируешь отчет в канцелярии и сдашь в секретариат наркома. Там предупреждены. Действуй.

Вставив первый лист в печатную машинку, я рассчитывал, что к вечеру все закончу. Когда за окном начала властвовать темнота ночи и город начал готовиться ко сну, а я прочел все напечатанное за день, то понял, что передо мною лежит черновик отчета. И даже если я буду работать всю ночь, то к утру все равно не успею.

До дома я добрался пешком. Трамваи уже не ходили. Несколько часов беспокойного сна, скромный холостяцкий завтрак, бритье, и снова за пишущую машинку. К концу второго дня получилось то, что мне хотелось. Хотя и этот текст нуждался в редактуре. Чем я и занимался на третьи сутки. И только на четвертый день, после обеда, я начал печатать окончательный вариант. Поздно вечером, зная, что все подразделения наркомата работают до трех часов ночи – время было тревожное, предвоенное, я сдал отчет в секретариат наркома внутренних дел. Затем отыскал Блохина и доложил ему о выполнении задания. В ту ночь начальник уже успел принять на грудь.

– Пишешь ты складно, наркому должно понравиться, – произнес комендант загадочно и добавил: – Иди, отдыхай, сил набирайся. Тебе они скоро потребуются.

Такое странное поведение Блохина удивило меня. Обычно в пьяном виде он начинал со мной беседовать «за жизнь» или рассказывать о деяниях «врагов народа». А в тот вечер почему-то отправил меня домой.

Я подумал, что, может, комендант каким-то образом узнал или догадался, что я регулярно готовлю для Берии отчеты обо всем, что происходит в спецгруппе, и о поведении Блохина. С одной стороны, это «стукачество», но с другой – единственный шанс защитить Блохина. За время службы на посту коменданта он стал самостоятельным, оброс многочисленными связями, в т.ч. и с «врагами народа», при общении с руководством наркомата держался на равных и прекрасно понимал, что любой из начальников, пусть даже самых больших, мог оказаться в подвале, где на несколько минут власть над приговоренным к смерти обретет палач. Помнил Блохин взлет и падение двух наркомов – Ягоды и Ежова, а также судьбы их подельников. Да и к своему месту

службы относился философски. Я не уверен, что комендант знал, что такое дамоклов меч, но точно постоянно ощущал присутствие этого предмета не только в кабинете, но и дома или на отдыхе в санатории. Знал ведь, что «врагов народа», чтобы они не успели перед арестом еще больше советской власти навредить, задерживали не только на работе или дома, но и, например, в купе поезда.

В своих отчетах я старался изобразить Блохина ярым сторонником текущей линии партии, который не только одобрял все решения Политбюро, но и стремился воплотить их в жизнь. В восьмидесятые годы, вспоминая предвоенную службу, я начал постепенно осознавать, что Блохин и Берия не были фанатичными приверженцами генеральной линии партии. Скорее они были жесткими прагматиками, которые считали, что ради победы можно не только использовать любые средства, но и при необходимости менять их на другие.

Когда Берия увидел, во что «враг народа» Ежов превратил органы госбезопасности, то не только ужаснулся, но и приказал навести порядок. «Чистка» была жесткая, тщательная. К июню 1941 года мы имели систему – эффективно работающую и нацеленную на нейтрализацию подлинных, а не мнимых врагов советской власти. Расставленные подручными Ежова кадры были частично репрессированы (расстреляны или отправлены в ГУЛАГ) или уволены из органов госбезопасности. На их место пришли новые сотрудники. Одним из них был погибший на рассвете 22 июня 1941 года Василий Черкесов.

На следующий день после сдачи отчета меня вызвал сам нарком. Войдя в знакомый кабинет, я доложил о своем прибытии.

– Прочел я ваш рапорт, – Берия вышел из-за стола и приблизился ко мне. Нас разделяло не больше метра. Внимательно глядя на меня, он спросил:

– Вы уверены, что все написанное вами правда?

– Так точно, – твердо ответил я, не отводя взгляда. Какое-то время мы молча стояли, пристально глядя в глаза друг другу, и ожидали, кто из нас первым моргнет или отведет взгляд. Не знаю, что при этом испытывал противник, лично я – ничего. Внутри пустота и безмолвие. Ощущение времени отсутствовало. Сложно сказать, сколько мы простояли вот так. Может, минуту, а может, пять. Внезапно Берия усмехнулся и заметил:

– А вас трудно испугать. Значит, я в вас не ошибся, когда назначил в помощники к Блохину. Читаю я все ваши отчеты по спецгруппе. И о дружке вашем Блохине. Зря вы его пытаетесь спасти. Помочь не сможете, а себе жизнь точно осложните. Не вам решать – виноват он или нет. Слишком много он с «врагами народа» общался, а это бесследно не проходит. Вот в Ленинграде что произошло. Прислали дружка Ежова Литвина, так тот все управление заразил инфекцией беззакония.словно проститутка всех своих клиентов сифилисом. Теперь вот пытаемся вылечить. Это вы правильно сделали, что с Черкесовым сдружились. Талантливый и честный следователь. Это он ведь первым сообщил мне о том, что в управлении происходит. Приказал Гоглидзе всячески помогать ему, а еще бригаду прислал. Вас в том числе. Гадюшник жуткий там после себя Литвин оставил. Не зря он застрелился. Понимал, что за все содеянное им только расстрел, и даже собутыльник Ежов не спас бы его. А так он думал всех обмануть. Дескать, «сгорел на службе». Похороны с воинскими почестями. Супруге пенсия по потере кормильца. И никто не узнает, чем он занимался. Не вышло. Нашлись честные люди, кто сообщил о его преступных деяниях...

Нарком говорил еще минут пять. Признаюсь, я редко встречался с Берией, но обычно он не был лаконичным.

И того же требовал от подчиненных. Странно было слушать его монолог.

Внезапно говоривший умолк, прошелся по кабинету, а потом продолжил говорить, внимательно глядя на меня:

– Кроме Ленинграда, сообщники Ежова действовали в других городах. Сейчас там работают специальные комиссии. Выявляют все случаи нарушения соцзаконности. Командированные – люди опытные. Вот только почти никто из них не знаком с процедурой расстрелов. Есть коменданты и стрелки, но они, как понимаете, люди заинтересованные и против себя свидетельствовать не будут. Поэтому вам придется проверить их деятельность при Ежове. Вопросы есть?

– Так точно, – ответил я, мучительно пытаюсь сообразить, сколько времени у меня уйдет, чтобы проверить все областные и республиканские управления. Это ведь нужно в каждом городе недели по две находиться. Пока всех допросишь, между собой их показания сравнишь... Это же уйма времени уйдет!

– Вам не нужно будет по всем городам ездить, – словно прочитав мою мысль, произнес Берия. – Сразу видно, что не было у вас опыта управления наркоматом. Я обо всем позаботился. Сотрудникам комиссий приказано все, что они узнают о случаях нарушения соцзаконности при исполнении смертных приговоров, сообщать мне лично. Плюс все жалобы с мест и даже анонимки. Ваша задача из этих кусочков сложить картину. Все необходимые материалы будут вам предоставлены. Вопросы есть?

– Никак нет. Разрешите приступить?

– Не спешите. Знаю, о чем вы сейчас подумали! – Берия снова внимательно посмотрел на меня. – Почему это задание поручили именно вам? Объясняю: вы за время службы у Блохина узнали, как должна быть организована процедура смертной казни в идеале.

Любое отступление от этого порядка – это нарушение. Все коменданты должны организовывать расстрелы согласно инструкции. Блохин ее полностью соблюдает, поэтому он так долго и служит. Остальные коменданты нарушают. Ваша задача – сообщить мне глубину и масштаб нарушений каждого из провинциальных комендантов. А как за это карать – это не ваша забота. Каждый должен заниматься своим делом. Вам ясно? – нарком пристально взглянул мне в глаза.

Читая сейчас воспоминания тех, кто лично общался с наркомом, я обратил внимание, что никто из этих авторов не пишет, что в глазах Берии они замечали злобу, коварство или похоть. Чаще всего в своих мемуарах они указывали, что в процессе разговора с Лаврентием Павловичем они ощущали уверенность и силу, которая исходила от каждого жеста и слова собеседника. Зато в статьях и книгах тех, кто знал о делах этого человека исключительно по «Архипелагу ГУЛАГ», «Детям Арбата» и другим аналогичным «историческим» произведениям, Берия представал перед читателями сексуальным маньяком и кровавым палачом – инициатором репрессий 1937 года.

Лично я не испытывал страха, когда переступал порог кабинета Берии. Да, он был строг к подчиненным и требовал беспрекословного выполнения своих распоряжений. А по-другому тогда было нельзя. С лета 1939 года на СССР в любой момент могла напасть Германия. Польша была лишь прелюдией для Гитлера в его кровавом походе по Европе. Осенью 1939 года удалось почти на два года отсрочить начало войны. Фашисты после молниеносного захвата Польши двинулись дальше не на Восток, а на Запад. У руководства Советского Союза появилось время, чтобы подготовиться к будущей смертельной битве с Третьим рейхом. И задача Берии заключалась в том, чтобы реанимировать почти полностью уничтоженную

«врагами народа» Ягодой и Ежовым, а также их многочисленными сообщниками систему органов госбезопасности СССР.

Одна из важнейших задач, которую за короткий срок предстояло решить Берии, – возродить жесткую дисциплину и приучить всех сотрудников, начиная от замов наркома и заканчивая сотрудниками райотделов, соблюдать требования соцзаконности. От чего произошли «перегибы» в 1937 году, когда многие были репрессированы незаконно? От того, что сотрудники наркомата, начиная от руководителя – Ежова и заканчивая рядовыми исполнителями, перестали соблюдать дисциплину и начали в массовом порядке нарушать закон. Почему такое стало возможно? От того, что нижестоящие копировали поведение вышестоящих начальников, а, как известно, «рыба гниет с головы». Причем процесс «гниения» начался еще при Ягоде, который, кроме участия в контрреволюционной организации, «прославился» еще и коррупционными деяниями. Фактически при Ягоде началось разложение органов госбезопасности. А когда его сменил Ежов, то вместо того, чтобы навести порядок и установить железную дисциплину, он предпочел самоустраниться от управления наркоматом и во всем доверял своим сподвижникам, которых расставил на ключевые посты. О «команде» Ежова я подробно писал выше. («Откровения палача с Лубянки. Кровавые тайны 1937 года»^[9]. – Прим. ред.).

При Ежове нарушение норм соцзаконности происходило на всех уровнях, начиная от самого наркома внутренних дел и заканчивая комендантами и палачами. Берии пришлось приложить титанические усилия, чтобы выявить и покарать всех нарушителей закона. Всех их расстреляли или отправили на много лет в ГУЛАГ. Многие незаконно репрессированные при

Ежове были выпущены на свободу и восстановлены во всех правах.

Поэтому от Берии требовалось не только очистить органы госбезопасности от «зараженных» вирусом правового нигилизма, но и превратить систему НКВД в машину, которая эффективно уничтожала агентов иностранных (в первую очередь германской) разведок, а также всех подлинных врагов советской власти, кто мог оказать содействие Третьему рейху в реализации агрессивной и коварной политики Германии в отношении СССР.

Документы свидетельствуют

По личному указанию Хрущева Берия был «назначен» главным виновником «репрессий 1937 года». Понятно, что Хрущеву нужно было как-то объяснить причины расстрела Берии в 1954 году. Ведь «сеятель кукурузы» незаконно сместил его с поста фактического руководителя страны. А потом решил уничтожить как нежелательного свидетеля. Ведь после XX съезда партии, где Хрущев выступил с докладом «О разоблачении культа личности Сталина», Берия мог много чего рассказать о личном участии Хрущева в незаконных репрессиях в 1937 году и активном содействии преступной деятельности Ежова и его сообщников.

Недавно были рассекречены и опубликованы два важных документа, которые показывают истинную роль Берии в репрессиях 1937 года.

Первый из них – «Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». Воспроизведем его текст:

«СНК СССР и ЦК ВКП (б) отмечают, что за 1937—1938 гг. под руководством партии органы НКВД проделали большую работу по разгрому врагов народа и очистке СССР от многочисленных шпионских, террористических, диверсионных и вредительских кадров из троцкистов, бухаринцев, эсеров, меньшевиков, буржуазных националистов, белогвардейцев, беглых кулаков и уголовников, представлявших из себя серьезную пищу для иностранных разведок в СССР, и в особенности разведок Японии, Германии, Польши, Англии и Франции.

Одновременно органами НКВД проделана большая работа также и по разгрому шпионско-диверсионной

агентуры иностранных разведок, переброшенной в СССР в большом количестве из-за кордона под видом так называемых политэмигрантов и перебежчиков из поляков, румын, финнов, немцев, латышей, эстонцев, харбинцев и пр.

Очистка страны от диверсионных, повстанческих и шпионских кадров сыграла свою положительную роль в деле обеспечения дальнейших успехов социалистического строительства.

Однако не следует думать, что на этом деле очистка СССР от шпионов, вредителей, террористов и диверсантов окончена.

Задача теперь заключается в том, чтобы, продолжая и впредь беспощадную борьбу со всеми врагами СССР, организовать эту борьбу при помощи совершенных и надежных методов.

Это тем более необходимо, что массовые операции по разгрому и выкорчевыванию вражеских элементов, проведенные органами НКВД в 1937—1938 гг. при упрощенном ведении следствия и суда, не могли не привести к ряду крупнейших недостатков и извращений в работе органов НКВД и Прокуратуры. Больше того, враги народа и шпионы иностранных разведок, пробравшиеся в органы НКВД, как в центре, так и на местах, продолжая вести свою подрывную работу, старались всячески запутать следственные и агентурные дела, сознательно извращали советские законы, проводили массовые и необоснованные аресты, в то же время спасая от разгрома своих сообщников, и в особенности засевших в органах НКВД.

Главнейшими недостатками за последнее время в работе органов НКВД и Прокуратуры являются следующие:

Во-первых, работники НКВД совершенно забросили агентурно-осведомительную работу, предпочитая действовать более упрощенным способом, путем

практики массовых арестов, не заботясь при этом о полноте и высоком качестве расследования.

Работники НКВД настолько отвыкли от кропотливой, систематической агентурно-осведомительной работы и так вошли во вкус упрощенного порядка производства дел, что до самого последнего времени возбуждают вопросы о предоставлении им так называемых «лимитов» для производства массовых арестов.

Это привело к тому, что и без того слабая агентурная работа еще более отстала и, что хуже всего, многие наркомвнудельцы потеряли вкус к агентурным мероприятиям, играющим в чекистской работе исключительно важную роль.

Это, наконец, привело к тому, что при отсутствии надлежаще поставленной агентурной работы следствию, как правило, не удалось полностью разоблачить арестованных шпионов и диверсантов иностранных разведок и полностью вскрыть все их преступные связи.

Такая недооценка значения агентурной работы и недопустимо легкомысленное отношение к арестам тем более нетерпимы, что СНК СССР и ЦК ВКП (б) в своих постановлениях от 8 мая 1933 г., 17 июня 1935 г. и, наконец, 3 марта 1937 г. давали категорические указания о необходимости правильно организовать агентурную работу, ограничить аресты и улучшить следствие.

Во-вторых, крупнейшим недостатком работы органов НКВД является глубоко укоренившийся упрощенный порядок расследования, при котором, как правило, следователь ограничивается получением от обвиняемого признания своей вины и совершенно не заботится о подкреплении этого признания необходимыми дополнительными данными (показания свидетелей, акты экспертизы, вещественные доказательства и др.).

Часто арестованный не допрашивается в течение месяца после ареста, иногда и больше. При допросах арестованных протоколы допроса не всегда ведутся.

Нередко имеют место случаи, когда показания арестованного записываются следователем в виде заметок, а затем, спустя продолжительное время, составляется общий протокол, причем совершенно не выполняется требование ст. 138 УПК о дословной, по возможности, фиксации показаний арестованного.

Очень часто протокол допроса не составляется до тех пор, пока арестованный не признается в совершенных им преступлениях.

Нередки случаи, когда в протокол допроса вовсе не записываются показания обвиняемого, опровергающие те или другие данные обвинения.

Следдела оформляются неряшливо, в дело помещаются черновые, неизвестно кем исправленные и перечеркнутые карандашные записи показаний, не подписанные допрашиваемым и не заверенные следователем протоколы показаний, включаются неподписанные и неутвержденные обвинительные заключения и т. п.

Органы Прокуратуры со своей стороны не принимают необходимых мер к устранению этих недостатков, сводя, как правило, свое участие в расследовании к простой регистрации и штампованию следственных материалов. Органы Прокуратуры не только не устраняют нарушение революционной законности, но фактически узаконивают эти нарушения.

Такого рода безответственным отношением к следственному производству и грубым нарушением установленных законом процессуальных правил нередко умело пользовались пробравшиеся в органы НКВД и Прокуратуры, как в центре, так и на местах, враги народа. Они сознательно извращали советские законы, совершали подлоги, фальсифицировали

следственные документы, привлекая к уголовной ответственности и подвергая аресту по пустяковым основаниям и даже вовсе без всяких оснований, создавали с провокационной целью «дела» против невинных людей, а в то же время принимали все меры к тому, чтобы укрыть и спасти от разгрома своих соучастников по преступной антисоветской деятельности. Такого рода факты имели место как в центральном аппарате НКВД, так и на местах.

Все эти отмеченные в работе органов НКВД и Прокуратуры совершенно нетерпимые недостатки были возможны только потому, что пробравшиеся в органы НКВД и Прокуратуры враги народа всячески пытались оторвать работу органов НКВД и Прокуратуры от партийного контроля и руководства и тем самым облегчить себе и своим сообщникам возможность продолжения своей антисоветской, подрывной деятельности.

В целях решительного устранения изложенных недостатков и надлежащей организации следственной работы органов НКВД и Прокуратуры СНК СССР и ЦК ВКП (б)

ПОСТАНОВЛЯЮТ:

1. Запретить органам НКВД и Прокуратуры производство каких-либо массовых операций по арестам и выселениям.

В соответствии со ст. 127 Конституции СССР аресты производить только по постановлению суда с санкции прокурора. Выселение из погранполосы допускается в каждом отдельном случае с разрешения СНК СССР и ЦК ВКП (б) по специальному представлению соответствующего обкома, крайкома или ЦК нацкомпартий, согласованному с НКВД СССР.

2. Ликвидировать судебные тройки, созданные в порядке особых приказов НКВД СССР, а также тройки

при областных, краевых и республиканских управлениях РК милиции.

Впредь все дела в точном соответствии с действующими законами о подсудности передавать на рассмотрение судов или Особого совещания при НКВД СССР.

3. При арестах органам НКВД и Прокуратуры руководствоваться следующим:

а) Согласование на аресты производить в строгом соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 17 июня 1935 г.

б) При истребовании от прокуроров санкции на арест органы НКВД обязаны представлять мотивированное постановление и все обосновывающие необходимость ареста материалы.

в) Органы Прокуратуры обязаны тщательно и по существу проверять обоснованность постановлений органов НКВД об арестах, требуя в случае необходимости производства дополнительных следственных действий и представления дополнительных следственных материалов.

г) Органы Прокуратуры обязаны не допускать производства арестов без достаточных оснований.

Установить, что за каждый неправильный арест наряду с работниками НКВД несет ответственность и давший санкцию на арест прокурор.

4. Обязать органы НКВД при производстве следствия в точности соблюдать УПК в части:

а) Заканчивать расследование в сроки, установленные законом.

б) Производить допросы арестованных не позже 24 часов после ареста. После каждого допроса составлять немедленно протокол в соответствии с требованием ст. 138 УПК с точным указанием времени начала и окончания допроса.

Прокурор при ознакомлении с протоколом допроса обязан на протоколе делать надпись об ознакомлении с обозначением часа, дня, месяца и года.

в) Документы, переписку и другие предметы, отбираемые при обыске, печатывать немедленно на месте обыска согласно ст. 184 УПК, составляя подробную опись всего опечатанного.

5. Обязать органы Прокуратуры в точности соблюдать требования УПК по осуществлению прокурорского надзора за следствием, проводимым органами НКВД.

В соответствии с этим обязать прокуроров систематически проверять выполнение следственными органами всех установленных законом правил ведения следствия и немедленно устранять нарушения эти правил, принимать меры к обеспечению за обвиняемым предоставленных ему по закону процессуальных прав и т. п.

6. В связи с возрастающей ролью прокурорского надзора и возложенной на органы Прокуратуры ответственностью за аресты и проводимое органами НКВД следствие признать необходимым:

а) Установить, что все прокуроры, осуществляющие надзор за следствием, производимым органами НКВД, утверждаются ЦК ВКП (б) по представлению соответствующих обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий и Прокурора Союза ССР.

б) Обязать обкомы, крайкомы и ЦК нацкомпартий в 2-месячный срок проверить и представить на утверждение в ЦК ВКП (б) кандидатуры всех прокуроров, осуществляющих надзор за следствием в органах НКВД.

в) Обязать Прокурора Союза ССР тов. Вышинского выделить из состава работников центрального аппарата политически проверенных квалифицированных прокуроров для осуществления

надзора за следствием, проводимым центральным аппаратом НКВД СССР, и в 2-месячный срок представить их на утверждение ЦК ВКП (б).

7. Утвердить мероприятия НКВД СССР по упорядочению следственного производства в органах НКВД, изложенные в приказе от 23 ноября 1938 г.

В частности, одобрить решения НКВД об организации в оперативных отделах специальных следственных частей.

Придавая особое значение правильной организации следственной работы органов НКВД, обязать НКВД СССР обеспечить назначение следователями в центре и на местах лучших, наиболее проверенных, политически зарекомендовавших себя на работе, квалифицированных членов партии.

Установить, что все следователи органов НКВД в центре и на местах назначаются только по приказу народного комиссара внутренних дел СССР.

8. Обязать НКВД СССР и Прокурора Союза ССР дать своим местным органам указания по точному исполнению настоящего постановления»[\[10\]](#).

Через несколько дней после оглашения данного постановления по личному распоряжению Берии и при его непосредственном участии был подготовлен «Приказ НКВД № 00762 о порядке осуществления Постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 17 ноября 1938 года». Вот что он гласил:

«Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» вскрывает серьезные недостатки и извращения в работе органов НКВД и прокуратуры и указывает пути подъема работы нашей советской разведки в деле окончательного разгрома врагов народа и очистки нашей страны от шпионско-

диверсионной агентуры иностранных разведок, от всех предателей и изменников Родины.

Правильное проведение в жизнь этого постановления, требующее от всех работников НКВД Центра и его местных органов дружной, энергичной и самоотверженной работы, приведет к коренному улучшению агентурно-осведомительной и следственной работы, к решительному исправлению и устранению имевших место в работе НКВД ошибок и извращений.

В целях обеспечения неуклонного проведения в жизнь постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 17 ноября 1938 г. все органы НКВД при осуществлении этого постановления обязываются руководствоваться следующими указаниями:

1. Немедленно прекратить производство каких-либо массовых операций по арестам и выселению, понимая под массовыми операциями групповые аресты или выселение без дифференцированного подхода к каждому из арестуемых или выселяемых лиц и предварительно всестороннего рассмотрения всех имеющихся на него обвинительных материалов.

2. Аресты производить в строго индивидуальном порядке, вынося на каждое подлежащее аресту лицо специальное постановление, в котором должна быть подробно и конкретно обоснована необходимость производства ареста. Отменить практику составления так называемых справок или меморандумов на арест. Аресты должны быть предварительно согласованы с прокурором.

3. Начальники районных и городских отделений НКВД для производства ареста предварительно представляют начальникам соответствующих УНКВД или НКВД союзных и автономных республик мотивированное постановление и получают санкцию на арест.

4. Производство арестов в районах без предварительной санкции вышестоящих органов НКВД допускать лишь в исключительных случаях, когда есть опасение, что подлежащий аресту может скрыться или замести следы своего преступления, или в случае, если преступник застигнут на месте преступления. О каждом таком аресте начальник районного или городского отделения НКВД немедленно извещает вышестоящий орган.

Примечания: 1) Районные отделения НКВД, расположенные в местностях, отдаленных от областных, краевых или республиканских центров (список прилагается), имеют право производства арестов по согласованию с районным прокурором без предварительной санкции, но с последующим немедленным извещением вышестоящих органов НКВД о произведенном аресте.

2) Органы РК милиции производят аресты по своей линии по постановлению начальника районного или городского отделения РК милиции и с санкции районного прокурора.

5. Задержание лиц органами НКВД и РК милиции производится в строгом соответствии со ст. 100, 103 и 104 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР или соответствующими статьями Уголовно-процессуальных кодексов других союзных республик и с последующим должным оформлением ареста или освобождением задержанного в 48-часовой срок.

6. Считать утратившими силу приказы, циркуляры и распоряжения НКВД СССР: № 00439 от 25 июля 1937 г. (оперативный приказ), № 00447 от 30 июля 1937 г., № 00485 от 11 августа 1937 г., № 00593 от 20 сентября 1937 г., № 49990 от 30 ноября 1937 г., № 50215 от 11 декабря 1937 г., № С-74 от 13 января 1938 г., № 202 от 29 января 1938 г., № 326 от 16 февраля 1938 г., № 00606 от 17 сентября 1938 г., № 189 от 21 сентября 1938 г., и в

соответствии с пунктами 1 и 2 постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 17 ноября 1938 г. отменить ныне действующие приказы, циркуляры и распоряжения НКВД СССР: № 00486 от 15 августа 1937 г., № 00693 от 23 октября 1937 г., № 234 от февраля 1938 г., № С-835 от 31 марта 1938 г., № 63 от 31 марта 1938 г., № 860 от 23 апреля 1938 г., № 00319 от 21 мая 1938 г.

7. При разрешении вопроса о направлении законченных следствием дел руководствоваться следующим:

а) все дела, как правило, направлять через прокурора на рассмотрение суда в соответствии с законами о подсудности;

б) на Особое совещание при НКВД СССР направлять дела с заключением прокурора в случаях, когда имеются в деле обстоятельства, препятствующие передаче дела в суд... невозможность в судебном порядке использовать доказательства, изобличающие виновность арестованного, в то время как виновность арестованного несомненна, и т. д. Максимально сократить количество дел, направляемых на Особое совещание, подвергая эти дела тщательному отбору.

8. Установить, что дела, направляемые на Особое совещание при НКВД СССР, оформляются в полном соответствии с уголовно-процессуальными кодексами, в частности, со ст. 206 УПК РСФСР и соответствующими статьями УПК других союзных республик о предъявлении подследственному после окончания следствия всего следственного материала.

Примечание: Агентурные материалы в следственные дела не подшиваются, а хранятся особо, в отдельном деле, и подследственному не предъявляются.

9. Установить, что дела, направляемые на Особое совещание, докладываются на заседании Особого совещания лично народными комиссарами внутренних

дел союзных и автономных республик и начальниками краевых и областных УНКВД или их заместителями.

Обязать начальников соответствующих отделов и управлений НКВД СССР присутствовать при обсуждении дел на Особом совещании при НКВД СССР.

10. Организовать при Особом совещании Секретариат, на который возложить предварительную проверку и подготовку к заседанию дел, направляемых на Особое совещание.

Утвердить Положение о Секретариате Особого совещания при НКВД СССР, структуру и штаты (приложение № 1)^[11].

11. Следственные дела на иностранно-подданных расследуются на местах соответствующими органами НКВД и, как правило, через прокурора направляются в суды в соответствии с действующими приказами НКВД об арестах и порядке ведения дел на иностранно-подданных.

Дела об иностранно-подданных направлять на Особое совещание при НКВД СССР лишь в исключительных случаях.

Примечание: Пункт 5 приказа НКВД СССР за № 00606 1938 г. о представлении всех дел на иностранно-подданных в 3-й отдел ГУГБ НКВД отменен п. 6 настоящего приказа.

12. В отношении советских граждан, посещающих иностранные посольства и консульства, практиковать задержание и выяснение личности задержанных. Задержание не должно длиться больше 48 часов, в течение которых при наличии компрометирующих материалов необходимо оформлять арест задержанных с точным соблюдением соответствующих статей УПК или освобождать их, если нет необходимых оснований для ареста.

13. Все следственные дела, находящиеся ныне в производстве в органах НКВД, должны оформляться и в дальнейшем направляться в суды или на Особое совещание при НКВД СССР с точным соблюдением соответствующих статей постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 17 ноября 1938 г. и настоящего приказа.

Всем народным комиссарам внутренних дел союзных и автономных республик и начальникам областных и краевых УНКВД немедленно разработать конкретный план и сроки направления на рассмотрение ныне имеющихся следственных дел и приступить к их осуществлению.

Для обеспечения окончания этой работы в установленные сроки в случае необходимости создавать специальные группы квалифицированных работников оперативных отделов.

О принятых мероприятиях доложить НКВД СССР и каждую декаду информировать НКВД СССР о ходе выполнения настоящего пункта приказа.

14. Рассмотрению в установленном пунктом 13 настоящего приказа порядке подлежат также те следственные дела, которые уже были рассмотрены на Особом совещании или на тройках при НКВД и УНКВД и милиции, но по которым приговор еще не приведен в исполнение. Дела на этих лиц возвращаются в соответствующие НКВД и УНКВД и отделы НКВД СССР для доследования и дальнейшего направления в соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 17 ноября 1938 г.

15. Отменить практику продления наказания находящимся в ссылке и лагерях. Лица, отбывшие установленный для них срок наказания, освобождаются. Если в отношении лиц, отбывающих наказание, получены новые компрометирующие материалы за время их нахождения в лагере, то дела на них должны возбуждаться вновь с точным соблюдением

постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 17 ноября 1938 г.

16. Снабдить весь состав оперативных работников НКВД Центра и на местах экземплярами уголовных кодексов и уголовно-процессуальных кодексов.

Заместителю начальника 1-го Спецотдела НКВД СССР в декадный срок договориться с центральным юридическим издательством, а также с издательствами национальных республик о выделении (или переиздании) необходимого количества экземпляров УК и УПК.

17. Предложить лично народным комиссарам внутренних дел союзных и автономных республик и начальникам областных и краевых УНКВД по получении настоящего приказа провести с вызовом начальников районных и городских отделений НКВД специальные совещания оперативных работников НКВД, на которых зачитать постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 17 ноября 1938 г. и дать необходимые разъяснения.

Аналогичные совещания должны быть проведены в аппаратах районных и городских отделений НКВД лично начальниками этих отделений.

18. О порядке развертывания агентурно-осведомительной работы указания будут даны дополнительно.

Неуклонно осуществляя постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 17 ноября 1938 г., органы НКВД под руководством Партии и Правительства должны добиться скорейшего и решительного устранения всех недостатков и извращений в своей работе и коренного улучшения организации дальнейшей борьбы за полный разгром всех врагов народа, за очистку нашей Родины от шпионско-диверсионной агентуры иностранных разведок, обеспечив тем самым дальнейшие успехи социалистического строительства»^[12].

Выполняя приказ Берии

Много лет спустя, вспоминая и анализируя свою жизнь перед войной, в процессе написания книги, я понял, что был одним из тех, кого Берия выбрал для выполнения данной миссии – проверки соблюдения норм соцзаконности.

После этого я по-другому начал относиться к его первому поручению – наблюдению за Блохиным. Наркому было важно знать не политические взгляды коменданта (учитывая его многолетнее общение с троцкистами и другими антипартийными элементами), а его отношение к закону. Готов ли комендант поставить выше его над своими чувствами и эмоциями или нет. Ведь среди тех, кого расстреливали подчиненные Блохина, были и его приятели. Дружбой эти отношения назвать сложно – Блохин в наркомате общался со многими, но дружил только с теми, кто не имел отношения к НКВД и занимал скромное положение в советском обществе. Даже наши доверительные отношения сложно назвать дружбой. Я бывал у него дома, он иногда приходил ко мне в гости, но происходило это крайне редко. Возможно, из-за того, что до последнего дня службы Блохин подсознательно ощущал, что любой его коллега может в один миг превратиться во «врага народа» и тогда факт дружбы может сильно повредить ему. Поэтому у меня порой возникало ощущение того, что все «откровения» Блохина во время наших ночных «бесед за жизнь» предназначались не только мне, но и Берии. Тем самым комендант демонстрировал всесильному наркому (даже после того, как Берия перестал занимать этот пост), что он полностью соответствует установленным требованиям (соблюдения норм соцзаконности).

Коллеги Блохина – коменданты областных и республиканских управлений внутренних дел – предпочитали соблюдать «правила игры», установленные своими непосредственными начальниками, а не Берией. Фактически они стали участниками творимых на местах беззаконий. В процессе расследования их деятельности я увидел, к чему могло привести отсутствие дисциплины и грубое нарушение норм соцзаконности. Именно с этими явлениями, находясь во главе государства, боролись Сталин и Берия. Хотя об этом в своем докладе на XX съезде партии Хрущев ничего не сообщил.

Вернусь к разговору с Берией. Чем мне нравился нарком, так это умением четко и лаконично не только сформулировать задачу, но и объяснить, какими средствами ее можно решить. Это не говоря о том, что перед тем, как дать поручение сотруднику, он решал все организационные вопросы.

– Вам будет выделен отдельный кабинет с сейфом. Работать будете только там. В помещение, кроме вас, входить никто не имеет права – охрана предупреждена. Все необходимые материалы будете получать в моем секретариате. Отчеты будете сдавать ежедневно. Когда закончите, то подготовьте справки по отдельным областям и республикам, – произнес нарком. Помолчав, продолжил: – Меня интересуют только все случаи нарушения закона при расстрелах. Даже случаи избиений приговоренных и мародерств. – Заметив удивление на моем лице, он презрительно произнес: – Такое тоже бывает...

В тот момент я не поверил Берии. После возвращения из Ленинграда я уже знал, что должность коменданта мог занять человек с «темными» пятнами в биографии и, соответственно, любое нарушение норм соцзаконности для него было прекрасным способом навредить советской власти. Но чтобы при этом еще

присваивать вещи казненных, в это я не поверил. Просто все ценности (деньги, часы и т.п.) изымались во время обыска при заключении под стражу. Оформлялся соответствующий протокол. Если человека потом освобождали, то все ценности возвращались. Если отправляли в ГУЛАГ или расстреливали, то все вещи переходили в распоряжение государства. Расстреливали людей одетыми. Затем тела отправляли в морг, чтобы затем захоронить на территории кладбища – в погребении участвовали могильщики, или зарывали на территории полигона, как это происходило в Москве. Даже если допустить, что кто-то из стрелков решил снять с трупа пиджак или сапоги, то сделать он это без свидетелей не сможет. Поэтому если трупы и раздевали, то занимались этим исключительно могильщики. А они не были штатными сотрудниками НКВД. Свои мысли я не стал высказывать вслух, а лишь кивнул, тем самым соглашаясь с наркомом. На следующий день, когда я начал анализировать присланные в Москву из провинций материалы, то понял, что ошибались мы оба. Размах нарушений норм соцзаконности и падения дисциплины среди комендантов и палачей был огромным.

Одна из проблем, с которой я столкнулся, когда проверял процедуру организации расстрелов в провинции, – хронический алкоголизм большинства палачей. Исполнители напивались с раннего утра, и к вечеру многие из них с трудом стояли на ногах. Последствия были трагичными. Несколько «стрелков» были ранены или погибли в результате нарушения правил обращения с оружием.

Не буду скрывать, что даже подчиненные Блохина употребляли спиртное в больших, по моим оценкам, количествах. Правда, пили они после окончания процедуры расстрелов. Фактически после окончания рабочего дня. При этом никто из них не нарушал правил

обращения с оружием (например, не целился из него в коллегу или бегал с пистолетом в руке по коридорам). Хотя один из палачей застрелился из табельного пистолета, но это было самоубийство – человек сознательно пошел на этот шаг, а не несчастный случай.

В провинции палачи пили много и регулярно. Мне кажется, что основная причина этого явления – не необходимость в психологической разгрузке после расстрела (я общался со многими палачами – никого из них не мучили угрызения совести после того, как они лишили жизни другого человека), а низкий культурный уровень. Эти люди регулярно напивались вне зависимости от места службы и выполняемых служебных обязанностей. Для них это прекрасный способ организации собственного досуга. Другое дело, что, работая на заводе или служа в Красной Армии, они бы не могли напиваться с утра и в таком виде выполнять свои обязанности. А расстреливая людей по ночам – могли. Политико-воспитательной работы с ними никто не проводил, организацией досуга (выделить помещение, где они могли бы играть в различные настольные игры) начальство не озаботилось. В результате палачи были предоставлены сами себе.

К чему еще приводило пьянство? Было несколько случаев побегов приговоренных к расстрелу. Причем на свободу вырывались не осужденные по политическим статьям, а бандиты, чьи руки уже были обагрены кровью невинных жертв. В результате «амнистированные» преступники совершали новые преступления, в т.ч. и убийства. Как происходили побеги?

Если бы в провинции соблюдали все требования инструкции о порядке приведения в исполнение высшей меры наказания, то ничего бы не произошло. Вместо оборудованных для таких мероприятий помещений

(обычно подвал или камера тюрьмы) или огороженных глухим забором полигонов приговоренных вывозили за город – в лес или в степь. Доставив на место казни, конвой сдавал осужденных палачам. Последние отводили жертв к месту казни и расстреливали. Понятно, что если палачи находились в сильной степени опьянения, то преступник, понимая, что ему все равно терять нечего, пытался сбежать. Иногда ему это удавалось. Коменданты и руководство областного управления, где произошло такое ЧП, при Ежове старались сохранить в тайне от вышестоящего руководства такие инциденты. Часто это удавалось. Беглеца находили быстро и при задержании убивали. А потом «задним числом» оформляли акт о приведении приговора в исполнение. Такому грубейшему нарушению соцзаконности способствовало то, что во время расстрела отсутствовали представитель прокуратуры и врач.

Другое распространенное явление – мародерство. Происходило это по трем причинам. Во-первых, расстрелы происходили без названных выше свидетелей. Во-вторых, палачи сами производили захоронение тел. Коменданты объясняли это тем, что на месте захоронения не было могильщиков. Откуда им там взяться, если для братских могил использовали не кладбища, а специально выделенные территории, как это происходило в Москве, и каждый раз новую площадку. При этом ее точное местоположение не указывали в соответствующих документах, и поэтому каждый раз приходилось выбирать новое место для коллективного захоронения. В-третьих, в палачи попадали случайные люди, в большинстве своем беспартийные. Поэтому сложно говорить о высоких моральных качествах этих людей. Это у Блохина все стрелки имели партбилеты. А в партию перед войной принимали далеко не всех. Критерий отбора – не только

«чистая» биография, но и высокие моральные качества кандидата.

Отдельно нужно упомянуть проблемы с психикой, которые отмечались у отдельных комендантов и палачей. Многие из них были патологическими садистами, которые старались умертвить свою жертву изощренным и мучительным способом. Помнится, один из палачей старался убивать приговоренных с помощью веревки, мотивируя это тем, что так он экономит патроны. Другой предпочитал деревянную палку или полено. Несколько человек, перед тем как застрелить жертву, жестоко избивали ее. Еще один палач изнасиловал несколько приговоренных к смерти женщин. Обо всех этих случаях я доложил Берии. Все эти люди были расстреляны за свои злодеяния.

Глава 3

Западный форпост СССР

Берия остался доволен выполненной мною работой по выявлению фактов нарушения соцзаконности. Много лет спустя Блохин признался, что начал подыскивать мне замену. Он решил, что я уйду на повышение. Административная реформа правоохранительных органов, когда из наркомата внутренних дел было выделено несколько управлений и на их базе образован наркомат госбезопасности (3 февраля 1941 года), помешала моему карьерному «росту». Так, по крайней мере, считал комендант. Я придерживался другой точки зрения. Берии было важно, чтобы я в центральном аппарате занимал скромную должность. Благодаря этому мои перемещения по стране происходили незаметно, и только несколько человек на местах знали, что я выполняю личные поручения наркома внутренних дел. Я сам никогда не злоупотреблял оказанным мне доверием и не использовал его в личных целях.

Из-за разделения НКВД на два наркомата возникли проблемы определенного характера. Двум ведомствам постоянно приходилось согласовывать свою повседневную деятельность.

Комментарий Александра Севера

Справедливости ради отмечу, что Лаврентий Берия в результате реформы не только сохранил пост наркома внутренних дел, но и был назначен зам. председателя Совета Народных Комиссаров с поручением курировать работу НКВД, НКГБ, наркомата лесной

промышленности, цветной металлургии, нефтяной промышленности и речного флота^[13]. Поэтому в неофициальной «табели о рангах» он занимал более высокое положение, чем нарком госбезопасности Меркулов.

Вернемся к рассказу Петра Фролова.

Если в Москве или в столицах союзных республик эта процедура не занимала много времени, то на местах на решение того или иного вопроса могло потребоваться несколько дней. Причина не в том, что начальники райотделов не могли договориться между собой, они-то как раз наоборот, быстро находили общий язык, а в необходимости согласовывать любой вопрос наверху. Многие вопросы по обычному межгороду (позвонить по телефону в другой город. – *Прим. ред.*) не обсудишь. Ведь линия не защищена от прослушивания! Вот и приходилось ехать в областное управление и оттуда, с аппарата спецсвязи, звонить «большому» начальству.

В такой ситуации я, используя полномочия, которыми меня наделил нарком на время командировок, мог решить те или иные вопросы на месте. Чем я часто и пользовался, стараясь соблюсти интересы обоих ведомств. В результате я завоевал расположение к себе представителей НКВД и НКГБ. Когда началась война и я вместе с группой ленинградских чекистов пытался быстрее добраться до Москвы, то предвоенные связи мне очень помогли.

На самом деле налаживать взаимодействия между двумя ведомствами на местах – это побочная задача. Основная была связана с организацией расстрелов приговоренных к высшей мере наказания. Дело в том, что после присоединения Прибалтики, Бессарабии, Западной Белоруссии и Украины к СССР на новых территориях начали создаваться республиканские,

областные и районные управления и отделы НКВД и НКГБ. Кроме этого, начала действовать система судебных органов. Суды и военные трибуналы выносили приговоры, в т.ч. и смертные, не только врагам советской власти, но и бандитам. По закону расстреливать приговоренных к высшей мере наказания должны были члены спецгрупп (обычно комплектовались сотрудниками комендатур), а руководить процессом казни должны коменданты областных и республиканских управлений. Существовала специальная инструкция, где было все подробно и четко расписано. Вот только, например, при Ежове, в чем я сам лично убедился, она часто нарушалась. Поэтому Берия принял решение, чтобы не допускать случаев нарушений норм соцзаконности, периодически проверять работу палачей на местах. Именно этим и предстояло заниматься мне. Миссия специфичная и секретная, поэтому я и был наделен такими полномочиями.

Фильм «Щит и меч» - правда и вымысел

Довоенная ситуация в Прибалтике правдиво показана в первой серии советского фильма «Щит и меч»^[14]. Убийство агентами германской разведки инженера, который отказался выехать на историческую родину в Третий рейх и решил стать гражданином СССР, было придумано сценаристами. Хотя такое могло произойти в реальности. Оперативная обстановка накануне Великой Отечественной войны в Латвии была напряженней, чем это показано в картине.

Идея направить по каналу репатриации в Третий рейх советского разведчика принадлежала не автору романа «Щит и меч» Кожевникову^[15] (по мотивам этого произведения был снят фильм), а сотрудникам Первого управления (внешняя разведка) НКВД.

После войны я познакомился с человеком – назовем его Виктором, – который мог бы стать прообразом главного героя картины «Щит и меч» – советского разведчика Ивана Белова – Йогана Вайса. Он родился в царской России в семье немецкого инженера. До революции вместе с родителями он жил в Петербурге. Когда произошла Октябрьская революция, отец Виктора, как германский подданный (мать была русской), смог вывезти семью на свою родину в Германию. В середине двадцатых годов, когда в стране начался экономический кризис, Виктор вместе с родителями переехал в Латвию. Отцу предложили работу на одном из рижских заводов. В 1940 году Виктор был завербован сотрудниками советской разведки и в качестве репатрианта вернулся в Германию. Его дядя занимал высокий пост в НСДАП и помог племяннику поступить на службу в Абвер. В

отличие от сильно мифологизированного Йогана Вайса, который из простого шофера за годы войны превратился в высокопоставленного сотрудника, специализирующегося на выполнении деликатных поручений руководства, карьерный рост Виктора был скромный. Он всю войну проработал чиновником в одном из подразделений Абвера. Не было у него погонь, перестрелок, убийств и всего того, чем занимался на протяжении всей войны Йоган Вайс. В Абвер Виктор попал благодаря знанию русского языка и диплому юриста германского университета, а также протекции брата отца. Отдельно отмечу, что последний умер в 1937 году от рака легких, а не был убит агентами германской разведки, как это было показано в фильме.

Судьба Виктора сложилась благополучно. В 1946 году он вернулся в СССР и поселился в Клайпеде. К сожалению, как и его отец, он умер от рака.

Мы дружили все годы. Дело в том, что я сыграл важную роль в его судьбе. Когда на экраны страны вышел фильм «Щит и меч», то он очень переживал, что история его жизни показана в такой «извращенной форме».

Виктор написал письмо в КГБ с просьбой восстановить историческую справедливость. Как он мне потом рассказал, через две недели к нему приехали двое руководящих сотрудников из ПГУ (Первое главное управление – внешняя разведка) КГБ и беседовали с ним часа три. Гости из Москвы заявили, что сюжет картины придумал сам сценарист. Консультировавшие его сотрудники ничего не знали о Викторе и поэтому ничего сообщить бы Кожевникову не смогли. К тому же оперативное дело Виктора в ближайшие десятилетия рассекречивать не планируется. Поэтому пускай он относится к показанным в фильме событиям как к киносказке.

В процессе подготовки данной книги к печати я рассказал эту историю редактору. Тем более он после войны служил в немецком отделе внешней разведки и слышал о Викторе. «У него необычная и интересная судьба, – заявил тогда редактор. – Жаль, что руководство СВР (Служба внешней разведки) не хочет давать разрешение на рассекречивание его личного дела, а продолжает тиражировать запущенные еще в советское время мифы о разведке, выдавая их за подлинную историю. Пишете вы хорошо. Если есть желание, то можете сделать что-то вроде того, что написали о своей жизни и службе в органах госбезопасности. Уберите из текста все детали, по которым можно идентифицировать Виктора как агента советской разведки. И тогда у вас получится подлинный «Щит и меч», а не что-то из серии похождения советского Джеймса Бонда». Я послушался совета этого человека. Признаюсь, кое-что у меня было написано до нашего знакомства (с редактором. – *Прим. ред.*). Поэтому я намерен после издания данной книги опубликовать подлинную историю Йогана Вайса...

Комментарий Александра Севера

К сожалению, в переданной мне рукописи отсутствует данный текст. Я не знаю, сохранился этот документ или был утрачен после смерти Петра Фролова.

Вернемся к мемуарам этого человека.

На тайной службе у Гитлера

Накануне войны территория Советской Прибалтики была инкубатором для многочисленных агентов германской разведки. Например, «с июля 1940 г. по май 1941 г. органами НКГБ в Литовской ССР было вскрыто и ликвидировано 75 нелегальных антисоветских организаций и групп, созданных литовскими националистами, которые ставили своей задачей подготовку вооруженных антисоветских выступлений к моменту возникновения войны между Германией и СССР»^[16].

В отличие от Западной Украины, где большинство противников советской власти воевали с ней с оружием в руках или оказывали поддержку «бандеровцам», в Прибалтике выстрелы звучали крайне редко. Большинство антисоветских элементов затаилось в ожидании начала войны. «Лесные братья» понимали, что, вступив в вооруженную борьбу с органами госбезопасности, они обрекают себя на скорую смерть. При Сталине любые попытки бандитизма, неважно, политического или уголовного, пресекались быстро и жестко.

Когда началась война и советская власть в Прибалтике ослабла, вот тогда и появились многочисленные «лесные братья». Как шакалы, нападали они на небольшие группы военнослужащих Красной Армии, на перевозивший раненых автотранспорт, на представителей советской власти. Почувствовали свою безнаказанность и решили выслужиться перед новыми хозяевами...

Комментарий Александра Севера

Автор ничего не сообщил о многочисленных случаях захвата власти в отдельных населенных пунктах прибалтийскими националистами. Кратко расскажем о нескольких эпизодах.

В Риге 24 июня 1941 года латышские националисты попытались захватить здание ЦК компартии Латвии. На защиту был брошен мотострелковый полк Внутренних войск НКВД, который и отбил атаку. Потери атаковавших: 120 человек убитыми и 457 пленными^[17].

В провинциальных населенных пунктах, где не было частей Красной Армии и внутренних войск НКВД, операции по захвату власти прошли успешно. Вот пример такой «операции», которую националисты провели в небольшом литовском городке Можейкяй:

«В 1940 году были созданы в гор. Можейкяй и соседних деревнях подпольные националистические организации, ставившие своей целью свержение советской власти в Литве вооруженным путем, приурочивая восстания к моменту возникновения боевых действий между Германией и Советским Союзом».

Часть из них была ликвидирована чекистами, а остальные... за несколько дней до начала Великой Отечественной войны начали распространять антисоветские листовки с призывом к вооруженной борьбе. А дальше интересней. 22 июня 1941 года эти подпольщики захватили власть в городе и «начали расправляться с советско-партийным активом и гражданами еврейской национальности». Захватить власть в советском городе можно было только при двух условиях –

когда эта власть отсутствует (сбежала) или операция была подготовлена заранее и все ее участники знали про свои обязанности. В факт исчезновения из города милиционеров, чекистов, партийного и советского актива в первые часы войны верится с трудом. А вот в их аресты по месту жительства или службы, куда они должны были явиться, «узнав о том, что началась война», почему бы и нет?

«В повстанческих отрядах насчитывалось около 300 человек, преимущественно состоявших из кулацкого элемента, членов шаулистских организаций («Шаулист» – «Союз вольных стрелков» – военизированная организация бывших военнослужащих Литовской буржуазной армии. – *Прим. авт.*) и враждебно настроенных к советской власти лиц.

После захвата власти, по указанию штаба националистической партии, участниками повстанческих отрядов было арестовано около 200 лиц советско-партийного актива и около 2,5 тысячи граждан еврейской национальности»^[18].

Почти все советские активисты были казнены в июле-августе 1941 года. Тогда же лишлись жизни свыше четырех тысяч лиц еврейской национальности, проживающих в Можейкяе. Члены повстанческих отрядов не только участвовали в расстрелах, но и добивали раненых^[19].

Аналогичные события происходили и в других литовских городах. В них активно участвовали не только члены националистических подпольных организаций, но и те, кого Москва считала лояльными к

советской власти. Например, сразу же после начала Великой Отечественной войны в 29-м стрелковом корпусе Красной Армии, созданном на основе вооруженных сил независимой Литвы, началось массовое дезертирство, а также борьба с отступающими частями Красной Армии. Не истребленное до конца чекистами местное вооруженное подполье даже взяло под свой контроль покинутые отступающими советскими войсками Вильнюс и Каунас. Уже 24 июня 1941 года в Каунасе начала работу литовская комендатура (в октябре—ноябре ее переименовали в «Штаб охранных батальонов») во главе с бывшим полковником литовской армии И. Бобялисом и началось формирование вспомогательных полицейских «Батальонов охраны национального труда» (сокращенно «ТДА», от литовского «Tautos darbo apsaugas batalionas»). На 1 марта 1944 года в рядах литовской полиции порядка и полицейских батальонов служило восемь тысяч литовцев. Во время немецкой оккупации они «прославились» участием в карательных акциях по уничтожению мирного населения^[20].

Истребление земляков литовцы начали с первых дней Великой Отечественной войны, как только Красная Армия покинула города. Уже в июне 1941 года в Форте VII города Каунаса, который был превращен в концлагерь для евреев (вместимость 1500 человек), в качестве охраны служили члены «литовских охранных отрядов». При этом местные националисты, не дожидаясь прихода Вермахта, проявили инициативу.

«После отступления Красной Армии население Ковно (Каунас. – *Прим. авт.*) спонтанно уничтожило 2500 евреев. Еще одна большая часть была расстреляна службой вспомогательной полиции («партизанами»).

В общей сложности во время этих акций в Каунасе было уничтожено 7800 евреев^[21].

Это примеры последствий деятельности городских подпольных националистических организаций. А ведь были еще республиканские структуры! Например, «Союзу литовцев в Германии», чья штаб-квартира находилась в Берлине, подчинялся созданный на территории республики «Фронт литовских активистов» («ФЛА»)^[22].

Согласно данным чекистов:

«Уже во второй половине 1940 года (точнее, в октябре 1940 года. – *Прим. авт.*) при непосредственном участии гитлеровских спецслужб был создан «Фронт литовских активистов» (ФЛА), во главе с бывшим литовским послом в Берлине полковником Казисом Шкирпой^[23], который являлся агентом германской разведки. Для непосредственного осуществления боевых операций и совершения диверсионно-террористических акций против советских войск после начала войны между Германией и СССР ФЛА были созданы военизированные подразделения т.н. «Гвардии обороны Литвы», которые конспиративно размещались в различных городах Литвы и по заданию немецкой разведки занимались вербовкой и непосредственной подготовкой кадров диверсантов и террористов»^[24].

19 марта 1941 года руководство «ФЛА» направило во все подпольные группы директиву, в которой излагались подробные указания, как надо действовать с началом войны и, в частности, «занимать мосты, железнодорожные узлы, аэродромы, фабрики и др. Немедленно арестовывать местных коммунистов и других советских активистов. Передать евреям, что их судьба ясна. Заберите их имущество в свои руки»^[25].

К ее выполнению члены «ФЛА» и те, кто к ним примкнул, приступили на второй день Великой Отечественной войны. Резко возросла численность организации. По данным отдельных историков, она достигла ста тысяч человек^[26]. На улицах появилось множество людей с белыми нарукавными повязками. Они хватали евреев, коммунистов, комсомольцев, членов семей военнослужащих Красной Армии, сотрудников учреждений и др. – всех тех, кого они считали противниками независимости Литвы. Начались массовые самосуды. Фактически «ФЛА» захватил власть в республике и поспешил заявить о создании Временного правительства во главе с исполняющим обязанности премьер-министра Юозасом Амбразявичюсом. *Амбразявичюс Юозас* (1903—1974) – литовский литературовед, историк, коллаборационист и политический деятель. С осени 1940 г. участвовал в деятельности «ФЛА». После нападения Германии на СССР исполнял обязанности премьер-министра Временного правительства Литвы с 23 июня 1941 г. по 5 августа 1941 г., поскольку Казис Шкирпа, которого

первоначально планировали назначить премьером, находился под домашним арестом в Германии. С октября 1941 г. – глава подпольной организации Сопротивления «Литовский фронт». С ноября 1943 г. – председатель политической комиссии (фактически вице-президент) объединенной организации литовского подполья «Верховного комитета освобождения Литвы». В мае 1944 г., во избежание ареста Гестапо, выправил себе документы на имя Юозас Бразайтис, под которым с тех пор и жил до смерти. С наступлением советских войск бежал в Германию, где оставался после войны, будучи в 1946—1951 гг. зарубежным представителем сил антисоветского сопротивления в Литве. С 1952 г. до смерти в 1974 г. жил в США. Этот пост должен был занять Казис Шкирпа, но он находился под домашним арестом в Германии. Впоследствии члены «ФЛА» вошли в состав оккупационной полиции.

Первым актом Временного правительства была раболепно холуйская телеграмма Адольфу Гитлеру:

«...представители общественности свободной Литвы шлют Вам, Вождю Немецкой нации, глубочайшую искреннюю благодарность за освобождение Литвы от губительной еврейско-большевистской оккупации и за спасение литовского народа. Ваш гений обусловит участие литовской нации в возглавляемом Вами победном походе за уничтожение иудаизма, большевизма и плутократии... за сохранение западноевропейской культуры и за претворение в жизнь нового порядка в Европе».

Правительством был принят политический «Меморандум о правовом положении Литвы и фактических отношениях после окончания большевистской оккупации». В нем первой строкой была выражена благодарность «канцлеру рейха Великой Германии Адольфу Гитлеру и его доблестной армии, освободившей территорию Литвы». Далее излагалась программа деятельности правительства, на основе которой принимались правовые акты, в частности закон о денационализации евреев и другие^[27].

Казис Шкирпа так и не смог насладиться результатом своей деятельности. Немцы поместили его под домашний арест, а в начале августа 1941 года Временное правительство прекратило свое существование.

Адольф Гитлер никогда не обещал независимость Литве. Другое дело, что руководство «ФЛА» и других националистических организаций испытывало определенные иллюзии в этом вопросе, но это, как справедливо и цинично считали в Берлине, уже их проблемы.

В архивах сохранился один очень любопытный документ. Реакция руководства «ФЛА» на происходящее в Литве в первые недели оккупации.

«ФЛА просит разрешить изложить свои заботы вождю Великой Германии Адольфу Гитлеру и его смелой армии.

После начала борьбы с большевиками ФЛА создал правительство Литвы, которое выполнило ряд задач, не решив которые марш немецкой армии через Литву был бы

значительно затруднен. Несмотря на это, не предъявляя работе правительства Литвы никаких претензий, его работа против его воли была остановлена. Литве был назначен генеральный комиссар, который взял власть в свои руки. В своем послании к литовцам он объявил, что назначен «в область бывшего независимого литовского государства»...

Один из вопросов, очень взволновавший литовский народ, это вопрос высшего образования в Литве... Немецкая гражданская власть в Литве не только не разрешает прием новых студентов в высшие школы, но и останавливает деятельность высших семестров (курсов)...

- литовцам в Литве нельзя иметь ни одной газеты на литовском языке;

- с начала войны немецкая цензура не разрешила выпуск ни одной литовской книги в Литве (даже научный словарь литовского языка, отпечатанный перед войной, не мог показаться на книжном рынке);

- в радиофонах Литвы все более вытесняется литовский язык;

- в самом святом месте для всех литовцев, на горе Гедимина в Вильнюсе, снят литовский национальный флаг;

- не разрешается праздновать литовские народные праздники»^[28].

Не получив от немцев «самостоятельной Литвы», «Фронт литовских активистов» распался. Большинство членов и руководителей организации начали сотрудничать с оккупантами и своими кровавыми делами (геноцид в отношении местного населения)

добились права на сытную жизнь слуг «расы господ». По утверждению отдельных современных литовских историков, кто-то из членов «ФЛА» проявил непокорность и отправился в концлагеря. К сожалению, назвать хоть одно имя они не могут. Зато судьба лидера «ФЛА» сложилась относительно благополучно. Всю войну он прожил на свободе в Германии, а после мая 1945 года перебрался на Запад, где и умер собственной смертью. А вот большинство членов организации погибли во время войны (карательные акции против партизан, бои с частями Красной Армии и т.п.) или были арестованы и осуждены за расправы над мирными жителями.

Если в Латвии и Литве антисоветские выступления в первые дни и недели войны носили неорганизованный характер, то в Эстонии происходило все по-другому.

К лету 1941 года на территории республики были готовы к боевым действиям в тылу Красной Армии как немногочисленные отряды, например «рота Талпака» или «батальон Хирвелаана» (называвшиеся по именам своих командиров – бывших офицеров эстонской армии), так и довольно крупные – во главе с майором Фридрихом (Францем) Кургом, полковниками Антсом-Хейно Кургом и Виктором Кёрном. Эти люди перед войной жили в Финляндии и Германии. Когда Вермахт вторгся на территорию Советской Прибалтики, их спешно перебросили в тыл Красной Армии для активизации «пятой колонны».

Большинство этих группировок эстонских «лесных братьев» состояло из бывших офицеров эстонской армии и членов полувоенной

организации «Омакайтсе», которая представляла собой аналог латышских «айзсаргов» или литовского «Союза стрелков» («Шаулю саюнга»).

Один из этих полевых командиров, бывший полковник эстонской армии Антс-Хейно Кург, был агентом Абвера с многолетним стажем. Именно ему поручили возглавить диверсионную группу, укомплектованную проживавшими на территории Финляндии эстонцами.

Диверсионная группа полковника Антса-Хейно Курга получила кодовое наименование «Эрна». В нее вошло 14 человек, закончивших разведшколу в местечке Секе (Финляндия), включая радистов с двумя радиостанциями, и 70 бывших военнослужащих эстонской армии. 7 июля 1941 года первые 40 человек (28 нижних чинов и 3 офицера) во главе с самим Кургом отплыли с побережья Финляндии на трех катерах и благополучно достигли берегов Эстонии в районе села Кабернээме Харьюского уезда (окрестности Таллина). Они должны были организовать шпионско-диверсионную деятельность на шоссейных и железных дорогах в тылу Красной Армии. Позднее к группе присоединилось около 30 местных эстонских националистов.

Оставшийся в Финляндии личный состав группы «Эрна» был пополнен новыми людьми, разбит на подгруппы и заброшен в Эстонию вскоре после высадки «авангарда».

Группа «Эрна-А» была выброшена с самолета в районе Вирусского уезда (район г. Раквере) с задачей вести наблюдение за передвижениями Красной Армии.

Группа «Эрна-В» была выброшена в тот же день в районе волости Равила Харьюского уезда с задачей вести наблюдение за передвижениями частей советской 8-й армии и за работой железнодорожной магистрали Тапа – Таллин.

Группа «Эрна-С» была выброшена 21 июля в районе Таллина, получив задание наблюдать за работой на оборонительных рубежах Красной Армии вокруг Таллина. Все четыре группы были также снабжены радиостанциями для связи с Центром. Впоследствии к ним присоединились и участники местных националистических вооруженных формирований.

Помимо группы «Эрна», в конце июня 1941 года из Германии была заброшена самолетом в Эстонию (на территорию волостей Миссо и Руусмяэ Вырусского уезда) шпионская группа капитана Курта фон Глазенаппа. Глазенапп, прибалтийский немец, бывший владелец мызы Рогози в Эстонии, незадолго до начала войны выехал из Эстонии в Германию. Одной из его задач была организация деятельности националистического подполья в Выруском уезде и установление связи с вооруженными отрядами эстонских националистов на территории Тартуского уезда. По требованию Глазенаппа немцы организовали выброску оружия и боеприпасов для них.

Группировка майора Фридриха Курга действовала в окрестностях Тарту. Майор Фридрих (Франц) Кург не ограничился организацией повстанческих вооруженных отрядов, а с начала войны приступил к созданию своей администрации в уездах Эстонии, назначив сельского старшину

Тартуского уезда и бургомистра города Тарту. Известно, что Ф. Кург поддерживал связь с Юрием Улуотсом, последним премьер-министром независимой Эстонии и главным «претендентом на трон», который прибыл в Тарту несколько позже и, по некоторым сведениям, одобрил все эти меры. Позднее майор Фридрих Кург стал командиром отрядов «Омакайтсе» города Тарту и Тартуской провинции. Именно ему принадлежит приказ о создании Тартуского концлагеря и о назначении его первым комендантом капитана Юхана Юристе. (До сих пор неизвестно, была ли эта мера также одобрена Улуотсом.) 14 июля 1941 года Кург назначил также руководителей повстанческих отрядов в провинциях Тарту, Выру и Валга. Но его претензии простирались дальше – стать верховным главой гражданской и военной власти во всей Южной Эстонии, поэтому 17 июля 1941 года майор Кург «назначил» своего конкурента, полковника Виктора Кёрна, руководителем повстанческих отрядов в провинциях Вильянди и Пярну – причем без ведома последнего!

Германские военные власти, видимо, признавали «полномочия» самозваного правителя Южной Эстонии майора Курга. По крайней мере, так утверждалось в повседневных приказах Курга, публиковавшихся в газете «Postimees», которая начала печататься с 13 июля 1941 года. Все эти факты приводят к мысли, что Фридрих Кург, подобно своему однофамильцу, также сотрудничал с германской разведкой.

Группировка полковника Виктора Кёрна действовала в районе Пярну. Ее командир

параллельно с формированием вооруженных отрядов пытался восстановить довоенную административную структуру Эстонии. Есть основания подозревать в связях с германской разведкой и полковника Кёрна. Известно, что в первых числах июля 1941 года немцы выбросили диверсионно-разведывательную группу в волость Тали Пярнуского уезда, которая сразу же установила связь с местным националистическим подпольем (как раз в этом районе действовала группировка полковника Кёрна). По радию в Центр была отправлена просьба переправить оружие для эстонских националистов в волости Тали. В скором времени немцы с самолета сбросили им 27 винтовок, 2 легких пулемета, 2 снайперские винтовки и 7000 патронов. После захвата Вермахтом волости Тали националисты направили своих представителей в ближайший немецкий штаб в Ригу и получили еще 160 винтовок ^[29].

Местные националисты, не дожидаясь эмиссаров из-за линии фронта, сами начинали борьбу с советской властью. Вот цитата из подготовленного чекистами документа:

«Документальными материалами и показаниями арестованных установлено, что с начала возникновения советско-германской войны большинство антисоветских элементов в Эстонии, преимущественно бывшие участники фашистских и военно-фашистских организаций («Кайтселиит», «Вавс», «Исамаалиит»), образовали вооруженные банды, именовавшие себя «лесные братья», которые совершали налеты на мелкие войсковые части Красной

Армии и терроризировали низовой советско-партийный актив. Банды «лесных братьев», находившихся в непосредственной близости от фронта, совершали диверсионные акты: подрывали мосты, резали линии связи и собирали для немцев разведывательные данные, касающиеся советских войск...»^[30]

Процитируем фрагменты справки (перевод с эстонского, стиль как в оригинале) заместителя начальника Главного управления «Омакайтсе» Я. Ю. Майде о деятельности организации в 1941 году:

«Если в начале (Великой Отечественной войны. – *Прим. авт.*) «лесные братья» скрывались в лесах по чисто личным соображениям, чтобы уклониться от ареста или мобилизации, то позднее, по увеличению сил, пополнению оружия и с приближением фронта, их деятельность расширялась на более общие задачи. В области имеющихся возможностей старались дезорганизовать тыл фронта Красной Армии: разрушали линии связи, мосты, обстреливали и нападали на группыдвигающихся по дорогам команды Красной Армии, милиции и истребительных батальонов, мешали движению автомобилей на шоссе, арестовывали местных волостных исполкомов и препятствовали функционированию коммунистической власти... Скот угоняли в леса... Также выступали силою против групп истребительных батальонов и Красной Армии, являвшихся на места для совершения истреблений или облав на «лесных братьев», из которых некоторые развивались в продолжительные бои... По существующим

данным, имели «лесные братья» всего 450 вооруженных стычек, причем неприятель понес крупные потери. Так, сосчитали у него 946 мертвых, 146 раненых и 287 пленных... В вооруженных схватках имели потери также «лесных братьев». Известно 111 павших, 1 умерший от ран, 58 раненых и 40 без вести пропавших... Самостоятельно и вместе с немецкими военными и полицейскими частями «Омакайтсе» арестовало и передало всего 4119 коммунистических деятелей. Для ликвидации остатков Красной Армии, скрывающихся людей из истребительных батальонов и милиции, «Омакайтсе» провело на территории всего 5033 облавы... Посредством облав задержали 14 парашютистов, 5632 партизана и 20 989 красноармейцев. Всего 26 635 человек, действовавших в интересах Красной Армии...»^[31]

Справедливости ради отметим, что количество погибших во время боев между «лесными братьями» и истребительными батальонами, частями Красной Армии и милиции явно завышено. К тому же руководство «Омакайтсе» приписало себе чужие деяния.

Например, 6 июля 1941 года «на перегоне Пука—Палупере участка Валга—Тарту» Эстонской железной дороги произошло крушение «восстановительного поезда». В результате погибло и было ранено около 400 человек. Причина крушения – «подложенная мина под рельсы»^[32]. Найти и покарать диверсантов удалось только весной 1945 года. Перед Военным трибуналом Эстонской железной дороги предстало семеро местных

жителей, которые по собственной инициативе организовали крушение поезда^[33]. Все подсудимые были признаны виновными. Двоих приговорили к расстрелу, остальных к различным срокам (от 20 до 5 лет) заключения в ИТЛ^[34]. В 1957 году находящиеся в ИТЛ осужденные подали жалобу с просьбой пересмотреть их дело и признать жертвами политических репрессий. В этом им было отказано, и они продолжили отбывать наказание^[35].

Вернемся к рассказу Петра Фролова.

Накануне войны оперативная обстановка в прибалтийских республиках была специфичной. Ежемесячно руководители республиканских органов госбезопасности докладывали в Москву об изъятых во время обысков антисоветских элементов огнестрельного оружия и боеприпасов, которое предназначалось для вооружения националистов. При этом крайне редко кто-то пытался применить его. Хотя «миролюбивыми» были только городские жители. Прожившие на хуторах кулаки вели себя по отношению к сотрудникам госбезопасности очень агрессивно. Могли и собак натравить или оказать вооруженное сопротивление при задержании.

Кто и кого расстреливал

В Прибалтике, вопреки заявлениям современных «историков», количество смертных приговоров, вынесенных местными судебными органами, было незначительным. Расстреливали в специально оборудованных помещениях внутренних тюрем республиканских управлений НКВД. Исполнителями были командированные из других союзных республик

сотрудники комендатур. Работы у них было немного, и большую часть времени они, вместе с другими чекистами, участвовали в различных оперативно-разыскных мероприятиях.

Мною не было зафиксировано ни одного случая нарушения инструкции. К тому же исполнители были из разных районов СССР, и поэтому им было сложно договориться между собой. У них еще были свежи воспоминания о тех, кто при Ежове нарушал закон и теперь сам был расстрелян или попал в ГУЛАГ.

Комментарий Александра Севера

Понятно, что Петр Фролов, в силу своего служебного положения, не знал, за какие преступления казнили в Прибалтике. Из его мемуаров следует, что он проверял лишь соблюдение процедуры расстрела, чтобы все исполнялось согласно инструкции и другим ведомственным документам. Для него важно, чтобы приговор вынес судебный орган, а не лично начальник областного УНКВД. Чтобы приговоренных перед смертью палачи не избивали и не издевались. В виновности этих людей Петр Фролов не сомневался. Все сомнения у него развеялись во время ночных разговоров с Учителем – комендантом Блохиным.

Исправим этот недостаток. Например, в Эстонии с сентября 1939 года по июнь 1941 года расстреляли 184 человека. Из них 138 эстонцев и 46 русских. Какие тяжкие преступления совершили эти люди? Военные преступления в годы Гражданской войны – 42 человека. Шпионаж против СССР – 27 человек. Аресты и казни коммунистов – 56 человек. Остальные были расстреляны за бегство из СССР, участие в

белогвардейских организациях, дезертирство из Красной Армии и антисоветскую деятельность^[36]. Поясним, что большинство совершивших «военные преступления» были бывшими белогвардейскими офицерами, которые после окончания Гражданской войны поселились в буржуазной Эстонии. Они ведь не знали, что через двадцать лет им придется отвечать за расправы над мирным населением и другие деяния, которые в Уголовном кодексе СССР именовались как военные преступления. «Арестами и казнями коммунистов» занимались сотрудники правоохранительных органов буржуазной Эстонии. Учитывая то, что в тридцатые годы власти жестко подавляли попытку оппозиции участвовать в политической жизни страны, можно предположить, что коммунисты тоже пострадали. И советская власть решила сурово наказать виновных.

Вот несколько примеров того, за что расстреливали в 1940—1941 годах:

Александр Пилтер и Вело Весилоо служили в 22-м Эстонском территориальном корпусе РККА, но дезертировали из него и пытались убежать в Финляндию.

Владимир Лебедев – белогвардейский офицер, воевал в армии Деникина, с 1932 года – осведомитель эстонской тайной полиции в Петсери.

Арвед Лаане, командир 42-го стрелкового полка 22-го Эстонского корпуса. Похитил казенные деньги (5000 крон), пытался с ними скрыться, но был арестован в ресторане.

Питер Таранадо, бывший офицер царской армии, после революции – командир 2-го

Петроградского полка Красной Армии. Перешел на сторону белых, воевал в армии генерала Юденича, в Эстонии сотрудничал с местной политической полицией, а во время советско-финской войны 1939—1940 гг. собирался отправиться в Финляндию, чтобы воевать с большевиками.

Эвальд Мадиссон, секретный агент эстонской тайной полиции, а после присоединения Эстонии к Советскому Союзу – секретный сотрудник НКВД. О том, что служил в тайной полиции, он, естественно, от руководства НКВД утаил; кроме того, передавал начальству дезинформацию.

Ханс Педак, эстонский военный, кавалер Креста Свободы. Во время так называемой «войны за независимость» в 1919 году командовал подразделением, занимавшимся расстрелами военнопленных красноармейцев»[\[37\]](#).

Вернемся к рассказу Петра Фролова».

Документы свидетельствуют

В последнее время было рассекречено и опубликовано несколько документов, иллюстрирующих ситуацию в Прибалтике накануне войны. Вот, например, один из результатов деятельности чекистов:

«НКГБ Латвийской ССР в результате успешно проведенных агентурных мероприятий в марте 1941 г. вскрыта и ликвидируется резидентура германской разведки в Латвии и связанная с ней антисоветская организация латышских буржуазных националистов «Тевияс саргс» («Страж отечества»).

По делу арестовано 73 человека – агенты немецкой разведки, руководители и активисты организации «Тевияс саргс», ее филиалов и местных групп. В числе арестованных резидент немецкой разведки Шинке Ганс^[38], германский подданный, бывший владелец фирмы в Риге и представитель германских машиностроительных трестов...

При арестах изъято 18 боевых гранат «Мильса», 7 мелкокалиберных винтовок и немецкий карабин, 620 патронов, 3 револьвера, 2 флакона с препаратами для изготовления слезоточивых газов, шапирограф, ротатор, пишущая машинка, типографский шрифт и нелегальные издания («Тевияс саргс»), 200 фунтов стерлингов и 120 американских долларов (золотыми монетами), списки с адресами квартир членов правительства ЛССР.

У Шинке изъяты документы шпионского характера (секретные наставления РККА, карты Риги и Виндавы с нанесенными военными объектами, аэродромами и др.), списки «агентов НКВД», шифрованная переписка, а также копия донесения Шинке в Германию о

возможностях антисоветской работы через нелегальную организацию «Тевияс саргс».

Изъятыми документами и показаниями арестованных устанавливается, что созданная Клявиньшем^[39] в сентябре 1940 г. в Риге контрреволюционная организация под названием «Тевияс саргс»:

1) ставила своей задачей объединение всех националистически настроенных латышей и подготовку вооруженного восстания;

2) практически приступила к объединению под своим руководством ряда других антисоветских подпольных ячеек и групп как в Риге, так и в других городах и местечках (Двинск, Виндава, Либава, Елгава, Добеле, Екабпилс, Валмиера, Тукумс, Эргли, Зилупе, Лимбажи, Салдус, Цесис, Слока, Тобол, Салас и др.);

3) создала несколько нелегальных контрреволюционных ячеек в частях РККА («Латвийский национальный корпус») из числа бывших офицеров латвийской армии и развернула работу по скупке и похищению оружия;

4) организовала нелегальную типографию и за время с октября 1940 г. по февраль 1941 г. выпустила 6 номеров газеты «Зинётайс» («Вестник») и брошюру «Речь доктора Дитриха» (пересказ речи заведующего печатью Германии Дитриха^[40] о переделе мира после второй империалистической войны);

5) налаживала связи с аналогичными антисоветскими формированиями в Литве и Эстонии и взяла на себя инициативу подготовить созыв нелегальной конференции националистических организаций Прибалтики;

6) была связана и финансировалась «Латвийским национальным комитетом» в Швеции, возглавляемым

бывшим посланником Латвии в Швеции невозвращенцем Салнайсом^[41];

7) предоставила себя в распоряжение германской разведки, которую снабжала шпионскими материалами в обмен на получаемые от немцев денежные средства и нелегальную технику;

8) по указанию немцев подготавливала вооруженное выступление и действия диверсионных групп к моменту нападения Германии на СССР; для этой цели, в частности, руководство «Тевияс саргс» размножило фотопланы районов Риги, выделив в каждом районе организаторов выступления.

По показаниям арестованного Витиньша^[42], руководство организации «Тевияс саргс» было информировано через Шинке в феврале 1941 г. о том, что через 2 месяца политическая ситуация изменится, Латвия будет оккупирована Германией и после 25 марта, когда окончится репатриация и комиссия вернется в Германию, начнутся активные военные действия германских войск, которые предпримут одновременное наступление с юга (Украина) и с севера (Финляндия)...

Следствием установлено, что возглавляемая Шинке резидентура имела своими задачами:

1) сбор секретных сведений о дислокации частей РККА, их вооружении и политико-моральном состоянии;

2) сбор данных об экономическом и политическом состоянии Советского Союза;

3) контрразведывательную работу для выявления нашей агентуры, забрасываемой в Германию в связи с репатриацией немцев;

4) создание на территории Латвии после репатриации шпионской сети, связанной с местными антисоветскими повстанческо-диверсионными формированиями.

Помимо латышского националистического подполья, германская резидентура активно вербовала также агентов среди русских белоэмигрантов. Собранные резидентурой шпионские сведения пересылались в Германию через сотрудников немецкой репатриационной комиссии, с которой Шинке был тесно связан...»[\[43\]](#)

Также чекистами накануне войны было выявлено несколько радиофицированных (оснащенных радиопередатчиками. - *Прим. ред.*) резидентур германской разведки. Вот один из примеров:

«Оперативно-розыскной группой 4-го отдела НКГБ 3 мая 1941 г. техническими средствами радиослужбы установлено местонахождение нелегальной радиостанции, работающей на волне 60,2 м позывным Ифа.

Радиостанция находится в г. Каунасе, ул. Сейню, дом 9, и поддерживает связь с радиостанцией, находящейся в г. Штеттине (Германия).

Нами дано задание 3-му отделу об установке всех жильцов указанного дома.

Согласно перехваченному материалу, рация, находящаяся в Каунасе, будет также работать 4 мая в 16 час. 30 мин. по местному времени.

По данным радионаблюдения, указанная радиостанция принадлежит радиосети германской военной разведки, центр которой находится в Штеттине.

Радиостанция, находящаяся в Каунасе, начиная с 1 мая ведет активный обмен шифрматериалом со своим корреспондентом. За это время ею было передано в Штеттин 6 шифрограмм и принято от корреспондента 2 шифрограммы.

Дальнейшее наблюдение ведется»[\[44\]](#).

В комментарии к этому документу сказано:

«В г. Штеттин (ныне г. Щецин, Польша) дислоцировался «Абверштелле Штеттин».

В декабре 1940 г. при «Абверштелле Штеттин» была организована разведшкола разведчиков-диверсантов и радистов для проведения подрывной работы против СССР. Заброска агентов производилась главным образом в Прибалтику и Белоруссию. В процессе обучения (до 6 месяцев) агенты изучали разведывательное дело, структуру, построение, вооружение и снаряжение Красной Армии, географию СССР, топографию, радиодело, шифры, тайнопись, фото и подрывное дело, ядовитые бактериологические вещества и способы применения их для совершения диверсионных актов.

Германская разведка ставила перед своей агентурой следующие задачи: создавать в советском тылу сеть нелегальных радиостанций для связи в военное время; устанавливать ориентиры для бомбардировок объектов важного оборонного и государственного значения; подготавливать кадры сигнальщиков, облегчающих немецкой авиации бомбардировку советских объектов; организовывать опорные базы для германских парашютных десантов.

Для связи с разведорганом агенты снабжались портативными радиостанциями. Первая заброска агентов, окончивших Штеттинскую школу, была произведена в феврале 1941 г.

В начале мая радист и 3 связанных с ним агента были арестованы. В процессе следствия они признались в шпионаже в пользу германской разведки с середины марта 1941 г.

На допросе 6 мая один из обвиняемых, Друктейнис Эдмунтас, бывший лейтенант литовской армии, показал: «Резидентура германской разведки, возглавляемая мною, должна была сообщать в Германию дислокацию частей Красной Армии,

расположенных на территории Литовской республики, их количество, нумерацию воинских частей, фамилии командного состава, данные о вооружении и оснащении боевой техникой и из каких военных округов прибыли и будут прибывать воинские части в Литовскую ССР... Согласно заданию Клауса резидентура должна была собирать сведения о типах самолетов, их боевых качествах, об охране аэродромов и их расположении, в каком состоянии находится зенитная артиллерия и где. В мои обязанности также входило передавать информацию о состоянии железнодорожного транспорта, особенно в случае внезапного изменения расписаний движения поездов».

До ареста резидентуры в разведцентр было передано 27 радиосообщений.

С санкции руководства НКГБ СССР была завязана радиоигра с немецким разведцентром, которая продолжалась до нападения фашистской Германии на СССР»^[45].

Кроме радиофицированных резидентур германской разведки, чекистам удавалось ликвидировать и подпольные повстанческие организации. Вот один из примеров:

«НКГБ Литовской ССР располагал данными о существовании в Мажейкяйском уезде антисоветской повстанческой организации.

29—30 апреля были арестованы наиболее активные участники организации...

При обысках изъято: 4 гранаты с капсюлями, 65 см бикфордова шнура, 400 г аммонала, 500 г пороха, 2 винтовки, 564 винтовочных патрона, литовский национальный флаг, большое количество фашистских нарукавных повязок со свастикой, антисоветская литература, контрреволюционная листовка «Литовского информационного бюро в Берлине» и т. п. Арестованные

сознались, что являются участниками антисоветской повстанческой организации, именуемой «пятой колонной»...

Возникла эта организация в конце 1940 г. из бывших полицейских, шаулистов, отставных офицеров, кулаков и насчитывает в Мажейкяйском уезде до 25 участников.

Руководящие указания организация получала из Германии через учителя кретингской школы Жадвидаса – бывшего заместителя военного коменданта г. Кретинга, отставного капитана бывшей литовской армии (арестован), и немца Патиса, выехавшего в порядке репатриации в Германию.

Организация ставила перед собой задачу в случае войны между Германией и СССР совершать диверсионные акты на наиболее важных в стратегическом отношении сооружениях, захватывать в свои руки государственные учреждения, создавать повстанческие группы и руководить ими.

В марте сего года организацией была размножена и распространена в Мажейкяйском уезде листовка «Литовского информационного бюро в Берлине». В этой листовке дается перечень практических действий организации в военной обстановке, предлагается оказывать содействие воздушным десантам в случае высадки их на территории Литовской ССР.

НКГБ Литовской ССР предложено форсировать следствие и розыскные мероприятия с целью ареста всех участников организации»^[46].

Антисоветские подпольные организации действовали под чутким руководством германской разведки. Об этом свидетельствует такой документ:

«19 мая 1941 г. от агента «Упялиса» было получено агентурное сообщение о том, что он после непродолжительной обработки был завербован в контрреволюционную повстанческо-диверсионную

террористическую организацию «Гвардия обороны Литвы» торговцем лечебных трав Румбинасом Степанасом...

Агента «Упялиса» Румбинас ознакомил с уставом организации, в котором говорится следующее:

«Литовская гвардия обороны является объединением литовцев – беспартийной, культурной, политической, военной, тайной и дисциплинированной организацией...

Цели гвардии обороны: организация литовцев в ряды обороны; жертвовать собой в интересах Литвы; вести успешную и решительную борьбу против ассимиляции, покорения и уничтожения литовской нации; беспрерывно бороться за свободу и независимость литовской нации, за литовскую культуру, за католичество и частную собственность.

Обязанности члена гвардии обороны: быть смелым, дисциплинированным и настойчивым литовцем, готовым на любую жертву в пользу Литвы, не щадя своей жизни: разоблачать врагов Литвы – большевиков, и особенно евреев, следить за ними и бороться с ними всеми мерами...»

3 июня сего года на участке 107-го пограничного отряда при попытке нелегально перейти госграницу из Германии на территорию Литовской ССР были задержаны два нарушителя, которые при задержании оказали вооруженное сопротивление, вследствие чего один был убит, а второй два раза ранен в правую руку^[47]...

Из отобранной у нарушителей переписки установлено, что разрабатываемая КРО НКГБ ЛССР контрреволюционная повстанческая диверсионно-террористическая гвардия имеет связь с немцами и по их заданию подготавливает кадры на территории Литовской ССР для оказания вооруженного

сопротивления Красной Армии в период военных действий между Германией и СССР...

Сигналом к восстанию будет служить переход немецкими войсками границы с Литовской ССР. Члены организации в период военных действий между СССР и Германией должны будут выполнять следующие задания:

арестовывать всех комиссаров и других активных коммунистов; разоружать и арестовывать красную милицию и агентов ГПУ, в случае сопротивления ликвидировать; занять центры компартии, но не уничтожать архив; заставить евреев оставить страну; освободить политзаключенных, охраняя их от вывоза в глубь России; не допускать новых арестов; занять учреждения, предприятия, станции, почты, телеграфы и крупные склады товаров центра и провинции; охранять от отступающих большевиков имущество; обрывать телефонные, телеграфные и электрические провода, не трогая столбов; в тылу советских войск уничтожать железные дороги и шоссе, не уничтожая важных мостов; при отступлении советских войск эти же объекты по мере возможности охранять; при наличии крупных сил, например литовского корпуса, разоружать крупные части советских войск и создавать панику...

В целях ликвидации контрреволюционной повстанческой диверсионно-террористической организации, существующей на территории Литовской ССР, считаем необходимым всех участников указанной организации, которые выявлены в процессе следствия и на которых имеется ссылка как на членов контрреволюционной организации в изъятых записях у нарушителей госграницы, подвергнуть аресту^[48]...»^[49]

Немцы присылали не только инструкции, но и оружие. Вот что сказано еще в одном документе:

«Находящейся в Литве оперативной группой 2-го Управления НКГБ по агентурным делам «Диверсанты» и «Гвардия» вскрывается контрреволюционная повстанческая организация, действовавшая по заданиям так называемого правительства Шкирпы^[50] и бежавшего в Германию бывшего главнокомандующего литовской армией Раштикиса^[51].

Участники организации должны были во время военного выступления Германии против СССР оказывать вооруженную помощь немецким войскам.

Один из руководящих участников этой организации, Рудис, давший первичные показания о своей связи со «шкирповским» центром, рассказал, что из Германии разновременно переброшены транспорты с оружием (500 пистолетов) для организации. 3—4 июня сего года при переходе границы со стороны Германии был убит один нарушитель, другой ранен.

При раненом обнаружен обширный список преимущественно военнослужащих бывшей литовской армии, к которым были посланы указанные выше агенты.

Следствием установлено, что в настоящее время в Германии находится один из активных участников организации, разрабатываемой по делу «Гвардия», Румбинас, который оказывает закордонному литовскому центру услуги в деле организации повстанчества на территории Литовской ССР.

Румбинас должен на днях возвратиться в Каунас. К задержанию его меры приняты.

По делу арестовано 7 человек, намечено к аресту 24 человека.

В целях форсирования следствия и быстреего вскрытия контрреволюционного подполья на территории Литовской ССР прошу Вашего распоряжения

о командировании в Литву группы квалифицированных следователей»^[52].

Иногда в роли организаторов подпольных антисоветских организаций выступали немецкие дипломаты во время их пребывания на территории советской Прибалтики. Вот типичный пример:

«Народным комиссариатом государственной безопасности Эстонской ССР вскрыта и ликвидируется шпионско-повстанческая организация, созданная в марте 1941 г. германским разведчиком Матизеном, официально являвшимся членом германской комиссии по репатриации немцев из Эстонии.

Организация состояла из эстонских националистов и возглавлялась Тийтом Борисом Генриховичем, 1913 года рождения, эстонцем, юристом по образованию, в прошлом участником организации «Вабс» (фашистская организация)^[53], до ареста работал заместителем управляющего таллинской конторой Нарвской льнопрядильной мануфактуры.

По делу арестовано 18 человек.

При ликвидации организации изъяты: аппарат Морзе, радиопередатчик и приемник, коды, шифры, средства для тайнописи, 2 знамени, 117 нарукавных повязок для членов организации, 5 ручных гранат, 24 револьвера и 1121 патрон к ним, 13 винтовок и 4653 патрона, 7 ракет, 4 противогаза и 30 флажков.

Все арестованные по делу сознались в своей шпионско-повстанческой деятельности по заданиям германской разведки.

Арестованный Тийт Борис на допросах показал, что перед ним и возглавлявшейся им организацией германской разведкой были поставлены задачи:

создать антисоветское подполье для оказания вооруженной помощи немцам во время войны Германии с Советским Союзом;

собрать разведывательные данные о вооруженных силах Красной Армии, в частности, о местах расположения аэродромов (существующих и вновь строящихся), батарей зенитной артиллерии, бронетанковых парков, баз горючего, военно-морских баз и возводимых укреплений, а также вести наблюдение за находящимися и прибывающими в таллинский порт военными кораблями.

Для передачи собранных шпионских материалов в распоряжение организации были предоставлены радиопередатчик, коды и шифры для связи и обмена шифрорадиограммами с германской радиостанцией в Финляндии.

Руководитель организации Тийт был предупрежден Матизеном, что о начале военных действий организация будет заблаговременно извещена по радио передачей пароля: «Полярная ночь».

В начале мая сего года германский разведчик Бирк, работавший в германском доверительном управлении в Таллине, от имени Матизена установил связь с Тийтом и в здании бывшего германского посольства в Таллине вручил ему радиоприемник, передатчик, аппарат для подслушивания телефонных разговоров, миниатюрный фотоаппарат, 7 револьверов системы «Наган» с боепатронами и средства для тайнописи.

На расходы, связанные с проведением контрреволюционной и шпионской работы, Тийт от германской разведки получил до 30 тысяч рублей.

Следствие продолжается^[54].

Коды и шифры, изъятые у участников организации, НКГБ СССР используются для установления связи по эфиру с германской разведкой от имени «организации» в целях дальнейшего выявления агентуры германской разведки в Советском Союзе и подрывной работы немцев против СССР из Финляндии»^[55].

Глава 4

Дела дальневосточные

В конце мая 1941 года я приехал в Киев. Нужно было обсудить несколько важных вопросов с руководством органов военной контрразведки Киевского Особого военного округа. Мне в очередной раз приходилось выступать в роли посредника. Правда, теперь между НКВД и военными чекистами. Перед войной (с февраля по июль 1941 года. – *Прим. ред.*) они в течение нескольких месяцев подчинялись наркому обороны. С моей точки зрения, это было неправильно, т.к. основная задача 3-го Управления НКО (Наркомата обороны) – оперативное обеспечение частей и соединений Красной Армии – прерогатива органов госбезопасности, а не самих военных. Фактически получалось, что армия должна была сама следить за собой. В результате отдельные недобросовестные военачальники своим преступным бездействием снижали боеспособность РККА. Осенью 1941 года я участвовал в расследовании нескольких таких случаев. Виновные были расстреляны. При Хрущеве их непонятно за что пытались объявить невинными жертвами политических репрессий и реабилитировать.

Другая проблема, спровоцированная подчинением военных контрразведчиков наркому обороны, – это отсутствие эффективного взаимодействия между оперативными подразделениями наркоматов госбезопасности, внутренних дел и обороны. Если наверху – в центральных аппаратах – взаимодействие в большинстве случаев происходило в процессе издания совместных директив и проведения совещаний, то внизу – «на земле» – на уровне территориальных

органов (районных и городских отделов, областных управлений НКВД и НКГБ и 3-х отделений и отделов НКО) совместных оперативно-разыскных мероприятий. Все строилось на уровне личных контактов между начальниками трех подразделений.

Для решения отдельных вопросов приходилось встречаться не с непосредственным организатором и руководителем совместной операции, а с его начальником, который находился за тысячи километров. Это сейчас такие расстояния не помеха – сел на самолет и через несколько часов ты на месте, а перед войной основным средством передвижения на дальние расстояния был поезд. Дорога, с учетом того, что ходили они редко и не всегда получалось сразу взять билет, могла занять два или три дня в один конец. А ведь нужно еще было обратно вернуться. Большинство вопросов из-за их секретности нельзя было обсуждать по межгороду. Вот и приходилось ездить. Два последних предвоенных года я провел в командировках. Дома бывал наездами, по несколько дней, а потом снова уезжал. Зато я объездил почти весь Советский Союз. Тогда это мало кому удавалось. Это в шестидесятые-восемидесятые годы внутрисоюзный туризм активно развивался, и во время отпуска можно было съездить хоть на Дальний Восток, в Прибалтику или Среднюю Азию. А перед войной гостиницы и турбазы только начинали строить. Санаториев тоже было мало.

В здание, один из этажей которого занимал 3-й отдел НКО Киевского Особого военного округа, я вошел в конце рабочего дня. Меня встретили на вокзале и на служебной машине сначала привезли в гарнизонную гостиницу, чтобы я смог побриться, а затем к руководству военных чекистов. Фамилию начальника отдела не помню, да и общались мы с ним минут десять. Я доложил о цели своего визита, он внимательно

выслушал меня, написал необходимые распоряжения для подчиненных на местах, а потом заявил, что моим вопросом будет заниматься его заместитель – подполковник Кольцов. Тем более что его недавно назначили, и пускай познакомится с обстановкой на местах. Поэтому из Киева в Западную Украину мы поедем вдвоем.

– Все вроде. Идите, знакомьтесь с Кольцовым, а у меня дел много. Сейчас надо очередного германского агента допрашивать. Позавчера пограничники задержали. Важная птица. Радиостанцию с собой нес. Утверждает, что в Киеве должен был поселиться, – не по-военному закончил он и потер рукой красные от недосыпаний глаза. – Война у нас здесь, как и у вас там.

– Разрешите обратиться! Зачем агенту радиостанция? Ведь запеленгуют его в городе быстро, – осторожно спросил я.

– Вы правы, капитан. На связь с Абвером он выйдет, когда война начнется. До этого времени ему приказано ничего не делать. Сидеть и ждать сигнала. Сколько – он сам не знает. Кто его подаст – тоже непонятно. Скорее всего, кто-то из сотрудников консульства. Есть и другой вариант – ждать, когда у нас будет объявлена мобилизация. Может быть, данный ему приказ – начать действовать при нападении Германии на Советский Союз – провокация Берлина. Может, Гитлер готовит что-то вроде того, что в Польше произошло полтора года назад – 1 сентября. Ни вы на границе, ни я здесь не знаем ответа на этот вопрос...

Я не стал рассказывать ему о том, что происходило в это время в Прибалтике. Не имел права. Да и он сам, наверно, знал о том, что Абвер активизировал свою деятельность. Хотя это еще ничего не значило. Возможно, Берлин, пока мы еще полностью не «зачистили» территорию от антисоветских элементов, пытался выяснить состав и места дислокаций частей и

соединений Красной Армии, состояние железнодорожных и автомобильных магистралей и т.п. Через несколько месяцев эти районы будут недоступны для германской разведки. Точно так же, как и в середине тридцатых годов, мы сделали «мертвой зоной» для японской разведки Дальний Восток. И только один лишь Люшков сумел прорваться через все кордоны. Интересно, где он теперь? Наверно, где-нибудь в Японии живет в вечном страхе за свою жизнь.

– Поезд у вас ночью, – еще раз напомнил начальник отдела. – Кольцов о командировке уже предупрежден. Тревожный чемоданчик у него в кабинете прописался. Вчера только из Одессы приехал. Идите, обсудите план вашей поездки. Если чего, то меня через дежурного вызовите. Впрочем, Кольцов опытный чекист, на Дальнем Востоке служил, во время боев у озера Хасан. Там и находился все это время. Принимал непосредственное участие. Награжден он орденом Красного Знамени. Так что человек он у нас героический и самое главное – опытный.

Услышав слова «Дальний Восток», «озеро Хасан» и «Кольцов», я вздрогнул. Уверен – знаю этого Кольцова! Именно ему три года назад я написал рапорт о странном поведении начальника заставы и офицера разведотдела штаба погранотряда. На следующий день после побега Люшкова, когда меня допрашивал, цитировал этот документ. Тогда он сказал, что этой бумагой я себе смертный приговор подписал, так как сообщники Люшкова сделают все, чтобы меня уничтожить. И почти прав оказался. Попал я в камеру смертников, из которой живым вышел только благодаря тому, что Ежова арестовали, а новому наркому внутренних дел Берии нужны были свои люди. Сначала за Блохиным присматривать, а теперь узнавать, что в приграничных районах происходит. Не верил нарком официальным докладам с мест. И правильно делал!

Хуже всего то, что с Кольцовым мне предстояло вместе работать. Он ведь во время тех событий не только уцелел, но и орден получил, и на повышение пошел. Странно все это. Как он отнесется к тому, что отправленный под конвоем в Москву лейтенант-пограничник через три года перед ним снова появится, но теперь с чужой биографией, в звании капитана и с особыми полномочиями от наркома внутренних дел. А что, если Кольцов – неразоблаченный сообщник Люшкова? Сейчас ведь доверять никому нельзя! Вдруг он решит, что я за ним приехал, а командировка на Западную Украину лишь предлог, чтобы его бдительность притупить. Даже если я сейчас потребую «прямой провод» для связи с Москвой, то с Берией меня все равно не соединят. Да и что я скажу наркому? Дескать, есть подозрительный тип, который сначала прозевал побег Люшкова, а потом занял пост замначальника отдела контрразведки одного из ключевых военных округов. И поэтому он «враг народа». Но и я ведь ничем не лучше Кольцова! Но при этом мне доверяют. Может, и с военным чекистом аналогичная ситуация? Вдруг он тоже задание Берии выполняет? Теоретически и такое возможно.

Все эти мысли стремительно пронеслись в моей голове, когда вместе с дежурным я шел по коридору. Внезапно офицер остановился перед одной из дверей и стукнул по ней несколько раз кулаком.

– Войдите! – через несколько секунд слышалось из кабинета. Спутник приоткрыл массивную, обитую изнутри толстым слоем войлока дверь и перешагнул через порог. Четко доложив о моем прибытии, он вернулся в коридор и произнес негромко:

– Проходите, вас ждут.

Я переступил порог огромного кабинета. Лепнина на потолке. Огромные окна за тяжелыми портьерами. Массивный письменный стол. Люстра над головой. В

углу огромный кожаный диван. Стулья, правда, были скромными и разномастными. Да и два платяных шкафа с поцарапанными дверцами смотрелись странно в этом интерьере. Наверно, до революции здесь трудился крупный чиновник или купец жил. Да и пахло тогда по-другому. Это сейчас дешевым табаком, несвежей одеждой и казенными учреждениями, а тогда – дорогим одеколоном и ароматом заграничных сигар. Знал я запах богатства. Надышался в Прибалтике, когда участвовал в обысках у местных фабрикантов и высокопоставленных чиновников, служивших в различных учреждениях буржуазных республик.

Четко, по-военному, доложил о своем прибытии.

– Присаживайтесь, капитан! – Кольцов вышел мне навстречу из-за стола. – Сесть вы всегда успеете. Не ожидал увидеть вас, Петр. Фамилия знакомая, но сколько Фроловых служит в наркомате внутренних дел – много. Думал, что сгинете в Москве. Из-за своей бдительности. Не надо было вам рапорт писать...

Я напрягся. Рука судорожно потянулась к кобуре. Похоже, что прав был я – Кольцов все же всех нас переиграл. Интересно, дежурный в коридоре или у себя? Шум борьбы он вряд ли услышит, а вот выстрелы – да. Тогда меня и самого могут пристрелить. Попробую скрутить Кольцова в одиночку.

– Сообщники Люшкова решили вас «стрелочником» назначить. Остальные смогли доказать свою непричастность, – все так же спокойно продолжал говорить Кольцов. – Мы ведь за начальником краевого управления месяц следили. Ждали, пока он всех своих подельников покажет. Слаб он оказался в вопросах конспирации. Всех выдал. Думали, что на границу он отправился, чтобы с эмиссаром от белогвардейцев встретиться, а он всех обманул и сам сбежал. Его сообщники уже день операции назначили и ждали сигнала из-за границы. Они поверили, что начальник

отряда и начальник заставы с ними заодно были. Кто бы Люшкова одного к границе подпустил. Может, из-за вас и сбежал. Спугнули вы его. Так, может быть, все и обошлось. А так рапорт вы написали и передали его по команде. А это очень серьезная улика. Впрочем, может, он изначально планировал уйти и никто его не ждал в Маньчжурии. Встречу с эмиссаром он придумал, чтобы собственную шкуру спасти. – И буднично добавил: – Оружие можете не трогать, оно вам в другой ситуации пригодится. Когда в приграничные районы приедем.

Я растерянно посмотрел на Кольцова. О таком варианте я даже не думал. В том, что Люшков – «враг народа», я не сомневался. А вот о заговоре на Дальнем Востоке с участием начальника УНКВД я услышал впервые. Действительно, накануне бегства этого человека я не только высказал свои подозрения, но и написал рапорт. Остальные – начальник заставы, офицер разведотдела и, скорее всего, начальник погранотряда – промолчали. При этом двое из них после бегства продолжали служить. Об этом я из газет узнал, когда искал любую информацию о боях в районе озера Хасан. Возможно, что приказ пропустить Люшкова в погранзону пришел из Москвы от самого Берии...

Комментарий Александра Севера

Здесь Фролов сознательно или по какой-либо еще причине допустил грубейшую ошибку в своих рассуждениях. Берия был назначен на пост заместителя наркома внутренних дел СССР в конце августа 1938 года. До этого момента он находился в Закавказье на партийной работе и даже не предполагал, что его назначат на высокий пост в НКВД. А Люшков сбежал в июне того же года.

Вернемся к рассказу Петра Фролова.

Только он знал все детали операции по нейтрализации заговора на Дальнем Востоке. Все остальные были лишь исполнителями, каждый из которых выполнял свою часть плана. Меня в этом плане не было. Вот я и попал в камеру смертников, откуда меня Берия и вытащил. А может быть и другой вариант – сообщники Люшкова решили, что пограничники, кроме меня, на их стороне (раз позволили Люшкову сбежать), и поэтому оставили их на своих постах. Свои люди на границе нужны всегда. А потом всех сообщников Люшкова арестовали и расстреляли, а пограничники продолжали служить.

– Ужинали? – внезапно спросил Кольцов. – Сейчас организуем. Когда в следующий раз поедим! Заодно и расскажу, что после бегства Люшкова на Дальнем Востоке произошло. Чувствую, не верите мне. Это правильно, сейчас никому верить нельзя!

Хозяин кабинета снял трубку телефона, набрал номер, распорядился об ужине. Положил трубку на рычаги и продолжил:

– Много чего там случилось. Ребят жалко. Погибли все они из-за Блюхера^[56]. Из-за его амбиций и стремления сделать карьеру Наполеона – занять пост наркома обороны. Ведь он сделал все для ослабления боеспособности Красной Армии. И, надо сказать, весьма преуспел в этом.

По наркомату действительно циркулировали слухи о том, что из-за Блюхера Красная Армия была на грани военного поражения. Правда, связывали это не с антисоветской деятельностью маршала, а с его личными качествами. Говорили, что во время боев у озера Хасан военачальник впал в прострацию, целыми днями лежал на постели и даже отказался разговаривать по телефону с самим товарищем Сталиным!

Комментарий Александра Севера

В июле 1938 года, во время боевых действий у озера Хасан, Блюхер возглавлял Дальневосточный фронт. В результате допущенных ошибок советские войска понесли *большие* потери и смогли добиться успеха лишь к 10 августа. Главный военный совет (К.Е. Ворошилов, С.М. Буденный, В.М. Молотов, И.В. Сталин и другие) отметил, что у озера Хасан выявились «огромные недостатки в состоянии Дальневосточного фронта».

Процитируем любопытный документ: «Приказ о результатах рассмотрения Главным военным советом вопроса о событиях на озере Хасан и мероприятиях по оборонной подготовке Дальневосточного театра военных действий». Этот документ был подготовлен по результатам совещания Главного военного совета РККА, на котором обсуждались «события у озера Хасан». Вот к каким выводам (имевшим непосредственное отношение к Блюхеру) пришли участники встречи:

«...2. События этих немногих дней обнаружили огромные недочеты в состоянии ДВФронта. Боевая подготовка войск, штабов и командно-начальствующего состава фронта оказалась на недопустимо низком уровне. Войсковые части были раздерганы и небоеспособны; снабжение войсковых частей не организовано. Обнаружено, что Дальневосточный театр к войне плохо подготовлен (дороги, мосты, связь).

Хранение, сбережение и учет мобилизационных и неприкосновенных запасов как фронтовых складов, так и в войсковых частях оказались в хаотическом состоянии.

Ко всему этому обнаружено, что важнейшие директивы Главного военного совета и Народного комиссара обороны командованием фронта на протяжении долгого времени преступно не выполнялись. В результате такого недопустимого состояния войск фронта мы в этом сравнительно небольшом столкновении понесли значительные потери – 408 человек убитыми и 2807 человек ранеными. Эти потери не могут быть оправданы ни чрезвычайной трудностью местности, на которой пришлось оперировать нашим войскам, ни втрое большими потерями японцев.

Количество наших войск, участие в операциях нашей авиации и танков давало нам такие преимущества, при которых наши потери в боях могли бы быть намного меньшими.

И только благодаря расхлябанности, неорганизованности и боевой неподготовленности войсковых частей и растерянности командно-политического состава, начиная с фронта и кончая полковым, мы имеем сотни убитых и свыше тысячи раненых командиров, политработников и бойцов. Причем процент потерь командно-политического состава неестественно велик – около 40%...

Таким образом, основная задача, поставленная Правительством и Главным военным советом войскам ДВФронта – обеспечить на ДВ полную и постоянную мобилизационную и боевую готовность войск фронта, – оказалась невыполненной.

3. Основными недочетами в подготовке и устройстве войск, выявленными боевыми действиями у озера Хасан, являются:

а) Недопустимо преступное растаскивание из боевых подразделений бойцов на всевозможные посторонние работы.

Главный военный совет, зная об этих фактах, еще в мае с.г. своим постановлением (протокол № 8^[57]) категорически запретил разбазаривать красноармейцев на разного рода хозяйственные работы и потребовал возвращения в части к 1 июля с.г. всех бойцов, находящихся в таких откомандировках. Несмотря на это, командование фронта ничего не сделало для возвращения в свои части бойцов и командиров, и в частях продолжал существовать громадный некомплект в личном составе, части были дезорганизованы. В таком состоянии они и выступили по боевой тревоге к границе...

б) Войска выступили к границе по боевой тревоге совершенно неподготовленными. Неприкосновенный запас оружия и прочего боевого имущества не был заранее расписан и подготовлен для выдачи на руки частям, что вызвало ряд вопиющих безобразий в течение всего периода боевых действий. Начальники управлений фронта и командиры частей не знали, какое, где и в каком состоянии оружие, боеприпасы и другое боевое снабжение имеются... Несмотря на громадные запасы вещевого имущества, многие бойцы были посланы в бой в совершенно изношенной обуви, полубосыми, большое количество красноармейцев было без шинелей. Командирам и штабам не хватало карт района боевых действий.

в) Все рода войск, в особенности пехота, обнаружили неумение действовать на поле боя, маневрировать, сочетать движение и огонь, применяться к местности, что в данной обстановке, как и вообще в условиях ДВ, изобилующего горами и сопками, является азбукой боевой и тактической выучки войск.

Танковые части были использованы неумело, вследствие чего понесли большие потери в материальной части.

4. Виновными в этих крупнейших недочетах и в понесенных нами в сравнительно небольшом боевом столкновении чрезмерных потерях являются командиры, комиссары и начальники всех степеней ДВ Фронта, и в первую очередь командующий ДВФ маршал Блюхер.

Вместо того чтобы честно отдать все свои силы делу ликвидации последствий вредительства и боевой подготовки ДВ Фронта и правдиво информировать Наркома и Главный военный совет о недочетах в жизни войск фронта, т. Блюхер систематически, из года в год, прикрывал свою заведомо плохую работу и бездеятельность донесениями об успехах, росте боевой подготовки фронта и общем благополучном его состоянии. В таком же духе им был сделан многочасовой доклад на заседании Главного военного совета 28—31 мая 1938 г., в котором он скрыл истинное состояние войск ДВФ и утверждал, что войска фронта *хорошо* подготовлены и во всех отношениях боеспособны.

...Под флагом особой бдительности он (Блюхер. - *Прим. ред.*) оставлял, вопреки указаниям Главного военного совета и Наркома, незамещенными сотни должностей командиров

и начальников частей и соединений, лишая таким образом войсковые части руководителей, оставляя штабы без работников, не способными к выполнению своих задач. Такое положение т. Блюхер объяснял отсутствием людей (что не отвечает правде) и тем самым культивировал огульное недоверие ко всем командно-начальствующим кадрам ДВ Фронта.

5. Руководство командующего ДВ Фронта маршала Блюхера в период боевых действий у озера Хасан было совершенно неудовлетворительным и граничило с сознательным пораженчеством... Заранее зная о готовящейся японской провокации и о решениях Правительства по этому поводу, объявленных т. Литвиновым послу Сигемицу, получив еще 22 июля директиву Народного комиссара обороны о приведении всего фронта в боевую готовность, т. Блюхер ограничился отдачей соответствующих приказов и ничего не сделал для проверки подготовки войск для отпора врагу и не принял действительных мер для поддержки пограничников полевыми войсками. Вместо этого он совершенно неожиданно 28.08 подверг сомнению законность действий наших пограничников у озера Хасан. Втайне от члена Военного совета т. Мазепова, своего начальника штаба т. Штерна, зам. Наркома обороны т. Мехлиса, зам. Наркома внутренних дел т. Фриновского, находившихся в это время в Хабаровске, т. Блюхер послал комиссию на высоту Заозерная и без участия начальника погранучастка произвел расследование действий наших пограничников. Созданная таким подозрительным порядком комиссия обнаружила «нарушение» нашими

пограничниками маньчжурской границы на 3 метра и, следовательно, «установила» нашу «виновность» в возникновении конфликта на оз. Хасан.

Ввиду этого т. Блюхер шлет телеграмму Наркома обороны об этом мнимом нарушении нами маньчжурской границы и требует немедленного ареста начальника погранучастка и других «виновников в провоцировании конфликта» с японцами. Эта телеграмма была отправлена т. Блюхером также втайне от перечисленных выше товарищей.

Даже после получения указания от Правительства о прекращении возни со всякими комиссиями и расследованиями и о точном выполнении решений Советского правительства и приказов Наркома т. Блюхер не меняет своей пораженческой позиции и по-прежнему саботирует организацию вооруженного отпора японцам. Дело дошло до того, что 1 августа с.г. при разговоре по прямому проводу тт. Сталина, Молотова и Ворошилова с т. Блюхером т. Сталин вынужден был задать ему вопрос: «Скажите, т. Блюхер, честно, есть ли у вас желание по-настоящему воевать с японцами. Если нет у вас такого желания, скажите прямо, как подобает коммунисту, а если есть желание, я бы считал, что вам следовало бы выехать на место немедленно».

От всякого руководства боевыми действиями т. Блюхер самоустранился, прикрыв это самоустранение посылкой наштафронта (начальник штаба фронта. – *Прим. авт.*) т. Штерна в район боевых действий без всяких определенных задач и полномочий. Лишь после неоднократных указаний Правительства и

Народного комиссара обороны о прекращении преступной неразберихи и устранении дезорганизации в управлении войсками и только после того, как Нарком назначил т. Штерна командиром корпуса, действующего у озера Хасан, специального многократного требования применения авиации, от введения в бой которой т. Блюхер отказывался под предлогом опасения поражений корейского населения, только после приказа т. Блюхеру выехать на место событий т. Блюхер берется за оперативное руководство. Но при этом более чем странным руководством он не ставит войскам ясных задач на уничтожение противника, мешает боевой работе подчиненных ему командиров, в частности, командование 1-й армии фактически отстраняется от руководства своими войсками без всяких к тому оснований; дезорганизует работу фронтового управления и тормозит разгром находящихся на нашей территории японских войск. Вместе с тем т. Блюхер, выехав к месту событий, всячески уклоняется от установления непрерывной связи с Москвой, несмотря на бесконечные вызовы его по прямому проводу Народным комиссаром обороны. Целых трое суток при наличии нормально работающей телеграфной связи нельзя было добиться разговора с т. Блюхером.

Вся эта оперативная «деятельность» маршала Блюхера была завершена отдачей им 10.08 приказа о призыве в 1-ю армию 12 возрастов. Этот незаконный акт явился тем непонятней, что Главный военный совет в мае с.г. с участием т. Блюхера и по его же предложению решил призвать в военное время на ДВ всего лишь 6 возрастов. Этот приказ т.

Блюхера провоцировал японцев на объявление ими своей отомобилизации и мог втянуть нас в большую войну с Японией. Приказ был немедленно отменен Наркомом...»^[58]

Процитированный документ был рассекречен только в начале девяностых годов, и Петр Фролов не был знаком с ним. Поэтому он избегает называть Блюхера «врагом народа». Для него маршал лишь подозреваемый, который умер во время следствия собственной смертью, а не в результате тяжких телесных повреждений (жестоко избит следователями). Статус «врага народа» или «жертвы сталинских репрессий» Василий Блюхер «получил» только при Никите Хрущеве.

Впрочем, Петра Фролова больше интересовала связь Блюхера с Люшковым.

Вернемся к рассказу чекиста.

– А при чем тут Люшков? – Я немного успокоился, но все равно в любой удобный момент был готов нейтрализовать собеседника, но прежде все же хотел внимательно выслушать Кольцова.

– Так они действовали сообща! – Эти слова хозяин кабинета произнес так, словно что-то пытался объяснить ребенку. – Они оба были заинтересованы в отделении Дальнего Востока от Советского Союза и создании на этой территории отдельного государства, вроде Дальневосточной республики времен Гражданской войны. Блюхер в новой республике занял бы пост главнокомандующего вооруженными силами, а Люшков со своими сообщниками – все остальные посты. На службу взяли бы тех, кто уцелел после организованных Люшковым репрессий.

– Это как? – растерянно вымолвил я. Странно все это звучало. Группа «врагов народа» – а в их вине я не

сомневался – решила начать процесс разделения Советского Союза. Это сейчас развалившего СССР Горбачева многие у нас считают героем, а тогда любые сепаратистские настроения жестко пресекались. Непонятно, как Люшков и его сообщники могли в течение нескольких лет скрывать от органов госбезопасности свои преступные намерения. Чтобы «развалить» СССР, Горбачеву и руководителям бывших союзных республик потребовалось несколько лет, чтобы внушить населению, что Советский Союз – это «тюрьма народов». Зато если каждая из республик получит свободу, то все ее жители заживут богато и счастливо. Республиканские лидеры «забыли» предупредить, что райские условия жизни в независимых от Москвы государствах гарантированы лишь политической элите, а всех остальных ожидают нищета, голод и холод. И на заработки нужно будет ездить в Россию, т.к. вся местная промышленность в течение нескольких лет прекратит свое существование. Правда, ничего этого в конце тридцатых годов я еще не знал. Сама идея отделения Дальнего Востока или любой другой части страны от Советского Союза казалась мне тогда абсурдной и достойной места лишь на страницах антисоветской литературы.

Заметив на моем лице удивление, Кольцов продолжал свое объяснение таким тоном, словно перед ним сидел ребенок:

– Зачем Люшкову была нужна «чистка» на Дальнем Востоке? Чтобы уничтожить всех, кто был лоялен советской власти. Этим он ничем от Ежова не отличался. Вот почему вас арестовали, а начальника заставы на свободе оставили. Для подельников Люшкова вы были врагом, а он – сочувствующим. Потом, правда, восстановили справедливость. «Люшковцев» расстреляли, а вас не только на свободу выпустили, но и повысили. Теперь в Москве служите. Хотя в звании

капитана, но выполняете задания самого наркома внутренних дел. Такое мало кому доверят. Меня тоже бы не назначили на этот пост, – при этих словах Кольцов обвел взглядом кабинет, – если бы партия мне не доверяла. Почему наш военный округ называется Особым? Потому что расположен он в стратегически важном районе страны – на границе с Германией. И от нас (военных чекистов. – *Прим. авт.*) зависит уровень боеготовности армии.

В это время принесли ужин. На несколько минут разговор прекратился, и мы приступили к трапезе.

Узнать подробности у Блохина о Блюхере я смог только после войны. Из Киева мы с Кольцовым выехали на территорию Западной Украины, там я и находился до 22 июня 1941 года. Затем вместе с группой ленинградских чекистов с большими трудностями добрался до Москвы. Через две недели после моего возвращения – нам повезло, что мы не попали в окружение, и поэтому проверка заняла всего лишь несколько дней, – меня перевели, а вернее, откомандировали в центральный аппарат военной контрразведки, где я прослужил всю войну.

Однажды я беседовал со старшим офицером, который в конце тридцатых годов служил на Дальнем Востоке. В ходе разговора он очень нелестно отозвался о Блюхере. Вроде того, что последний ничего не сделал для укрепления обороноспособности этой территории, хотя и находился на посту командующего лет восемь. Поэтому перед войной пришлось в режиме аврала за месяцы делать то, на что обычно требовались годы. Я вспомнил довоенную беседу с Кольцовым в Киеве. И решил узнать больше о Блюхере.

Признаюсь честно, ответ Блохина относительно Блюхера меня разочаровал. Комендант заявил: «Темная и непонятная история с этим маршалом. Ходят слухи, что в конце двадцатых годов он был замешан в

заговоре против товарища Сталина, но по непонятной причине вместо ареста и нахождения под следствием был отправлен командовать армией на Дальний Восток. В 1938 году арестован, начал сотрудничать со следствием, но внезапно умер. Возбужденное против него дело пришлось закрыть».

Много лет спустя я узнал, что Блюхер еще в начале тридцатых годов был замешан в антисоветском заговоре. Произошло это после его триумфального возвращения из Китая.

В мае 1929 года председателем Совнаркома РСФСР был назначен Сырцов^[59]. Заняв этот пост, он начал критиковать проводимую руководством страны политику в сфере проведения индустриализации. Он утверждал, что процесс создания тяжелой промышленности в Советском Союзе идет слишком быстро и требует слишком много ресурсов. Также он утверждал, что проводимая Сталиным политика ведет страну к гибели.

В сентябре 1930 года Сырцов вместе с группой сторонников планировал организовать «дворцовый переворот», аналогичный тому, что совершил Брежнев, когда устранил от руководства страной Хрущева. На заседании Политбюро Сырцов планировал поднять вопрос о смещении Сталина с поста Генсека. Заговорщики не смогли реализовать свой план, так как об их коварных планах узнало руководство партии.

Вот что об этом написал историк Роман Гуль^[60] в своей книге «Красные маршалы»:

«Пользуясь положением председателя совнаркома, осторожно вербовал сообщников среди верховников, которые мгновенно могли бы свалить диктатора. Сырцов понимал и то, что первую скрипку в дворцовых переворотах должна играть армия, и вступил в сношения с красными маршалами.

Главой армии и флота заговорщики выставили популярнейшего Блюхера. Связался ли Сырцов с Блюхером заранее, посылал ли к Блюхеру на Дальний Восток своих эмиссаров или сошлись они уже в Москве, об этом хранит еще тайну история...

Заговорщик Резников, один из сырцовского «комитета пяти», кому больше других доверял Сырцов, в последнюю минуту выдал заговор Сталину.

На последнем заседании «комитета пяти» (руководители заговора. – *Прим. ред.*) у Сырцова присутствовало только четверо. Отсутствовал Резников. Во время совещания в комнате затрещал телефон. У аппарата оказался Сталин, экстренно вызывавший Сырцова на заседание в Кремль, в Политбюро, Сырцов выехал, не подозревая, что заговор вскрыт.

– Какое у вас сейчас было заседание, товарищ Сырцов? – спросил вошедшего в кремлевский зал председателя совнаркома РСФСР Генеральный секретарь партии Сталин.

– О тракторизации колхозов.

В этот момент из другой двери вошел Резников. Сырцов понял, что скрывать бессмысленно. Да и человек он был не слабого десятка. На этом же заседании произнес речь о губительности антикрестьянского курса Сталина, о перерождении коммунизма в крепостническую эксплуатацию страны, о необходимости возврата к нэпу, о создании второй крестьянской партии и о ликвидации диктатуры Сталина. Не одно драматическое заседание знавали кремлевские стены. Был момент, когда читалось завещание Ленина перед старой гвардией большевизма. Был суд над Троцким, когда, играя параллелями с Французской революцией, отыгравший роль опальный вождь кричал: «Мы знаем, что вы, сталинцы, будете завтра нас расстреливать!» И все ж такого напряжения, как во время речи Сырцова, в этом

зале, говорят, не было. Напряжение стало совсем трагическим, когда к замолчавшему Сырцову Сталин обратился с вопросом:

- У вас был намечен состав Совнаркома?
- Был.
- Кого вы намечали наркомвоенном?
- Блюхера...

Председатель Совнаркома РСФСР Сырцов темной ночью отбыл под конвоем из Москвы на Урал. А вокруг «красного маршала» Блюхера споры загорелись еще страстней. Ворошилов вступился за Блюхера изо всех сил. Никаких снижений! Никаких смещений! Чего стоит это имя в армии! Судьба Блюхера Сталиным была решена: немедленно назад, на Дальний Восток.

После вызова Блюхера для объяснений, о которых когда-нибудь расскажет еще история, таинственный, знаменитый, окруженный легендами, небылицами и действительной тайной человек отбыл назад по хорошо знакомому пути на Дальний Восток и там принял снова в командование Особую Дальневосточную армию»^[61].

Комментарий Александра Севера

Живший до 1933 года в Германии, а затем во Франции, Роман Гуль не знал, что Сырцова арестовали и расстреляли в 1937 году. В ноябре 1930 года Сырцова действительно сняли с должности председателя Совнаркома РСФСР за «фракционную деятельность», вывели из состава Политбюро и ЦК ВКП (б) и направили на партийную работу на Урал. Туда он уехал свободным человеком, а не был этапирован, как утверждает Роман Гуль. С 1931 года Сырцов занимал пост заместителя председателя правления акционерного общества «Эксполес», управляющего трестом. В 1935—1937 годах – директор завода в г. Электросталь (Московская

область). Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к расстрелу и расстрелян 10 сентября 1937 года. Посмертно реабилитирован в декабре 1957 года.

Вернемся к рассказу Петра Фролова.

- Вкусно здесь готовят, - заметил я, когда собеседник внезапно прекратил свой монолог.

- Стараются. Столовая не только отдел обслуживает, но и штаб округа. А там есть несколько любителей вкусно поесть, - последнюю фразу он произнес презрительно. - Считают, что если мебель казенная, то хотя бы еда должна быть домашней. Как ни боремся, все равно происходит обуржуазивание отдельных военачальников. Хотя здесь это мелочовка. Что на Дальнем Востоке творилось, когда после Блюхера начали все расчищать! Страшно даже вспомнить. Только все это между нами.

- А там где они могли деньги украсть? - в очередной раз удивился я. В Москве понятно - где и как. С одной стороны - доступ к государственным деньгам, с другой - во время НЭПа заработали за счет взяток. А на Дальнем Востоке - там ведь скромно все жили. Блюхер в армии служил. В Китае был, но там, говорят, полная нищета. Вареная курица на обед - это роскошь, которую могли позволить себе очень богатые жители Китая.

- Коммерцией занимались и у государства украли, - лаконично заявил Кольцов. - Слышал я, что на нужды военной разведки золото тоннами отпускалось. Как оно расходовалось - неизвестно. Тратили его не только на оплату агентуры - это понятно, но и на другие цели. Например, подкуп военачальников противника. Что царская власть была продажна - все знают, да и то, мелочовка по сравнению с тем, что в Китае происходило. Сколько золота ушло на подкуп, сколько у

Блюхера с Люшковым осталось – никто не знает. Первый умер во время следствия, второй сбежал. Думается мне, сейчас он живет где-нибудь в Америке и ни в чем себе не отказывает. Так и это еще не все. Допрашивал я нескольких разведчиков, что в тридцатые годы в Китае жили. Так они все утверждают, что коммерцией, а не шпионажем занимались. Поэтому про них японская контрразведка ничего не знала и завербовать не могла. Сначала я думал, что они так свою вину отрицают. Начал внимательнее этот вопрос изучать, и действительно, торговые дома организовали, куплей-продажей занимались. Хотя что им мешало еще один источник доходов организовать, начать работать на японскую разведку. Самое интересное дальше началось. Когда я о своем открытии начальству доложил, то оно приказало в этом направлении больше не «рыть», а продолжать расследовать лишь «шпионскую» линию. Удивился я такому странному распоряжению, а когда через пару недель начальство само арестовали – выяснилось, что оно пособничало Люшкову, и тогда понял я, почему коммерческую линию мне запретили развивать. И тут мне твой опыт пригодился. Я рапорт подал в Москву о том, что выявил. Через несколько месяцев меня повысили...

Признаюсь, что тогда я отнесся к рассказу Кольцова о коммерческих деяниях Блюхера скептически. Не верил я, что маршал и легендарный военачальник Гражданской войны мог так деградировать и допустить хищения ценностей у государства в таких размерах. После войны я узнал, что за время жизни на Дальнем Востоке (с 1930 по 1938 год) Блюхер из грозного военачальника превратился в губернатора спокойного и сытого края. Женился в третий раз на 17-летней девушке. Супруга была младше его на 25 лет. При этом были живы две предыдущие жены Блюхера, которые воспитывали его детей! Превратил свой дом в светский

салон, где регулярно собиралась местная политическая и военная элита. О необходимости укрепления обороноспособности края он не думал! Одна из проблем Дальневосточного края – дороги. Единственная магистраль, которая проходила через весь регион, – Транссибирская железная дорога. Достаточно было организовать на ней диверсию, и все, переброска войск была бы блокирована. Что для решения этой проблемы сделал Блюхер? Ничего. После войны я разговаривал с генералом, не помню его фамилию, который в 1941 году служил на Дальнем Востоке. Он утверждал, что тогда японцы не напали на нас только из-за того, что боялись получить сокрушительный отпор от Красной Армии. Благодаря построенным перед войной автострадам войска можно было оперативно перебрасывать не только железнодорожным, но и автомобильным транспортом.

Комментарий Александра Севера

К сожалению, Петр Фролов ничего не написал о том, что на самом деле произошло с Василием Блюхером после ареста. Согласно «официальной» версии, во время одного из допросов его сильно избили (вытек глаз), и от полученных травм он скончался.

Вот как она звучит в изложении историка Андрея Почтарева:

«Один из первых пяти советских маршалов, первый кавалер почетных боевых орденов Красного Знамени и Красной Звезды, Василий Константинович Блюхер скончался от жестоких пыток (по заключению судмедэксперта, смерть наступила от закупорки легочной артерии тромбом, образовавшимся в венах таза; был вырван глаз. – *Прим. А. Почтарева*) в Лефортовской тюрьме НКВД 9 ноября 1938 года.

По приказу Сталина его тело отвезли для медосвидетельствования в печально известную Бутырку и сожгли в крематории. И только через 4 месяца, 10 марта 1939 года, судебные инстанции приговорили мертвого маршала к высшей мере наказания за «шпионаж в пользу Японии», «участие в антисоветской организации правых и в военном заговоре»^[62].

Действительно, в заключении судмедэксперта указано, что «...смерть наступила внезапно от болезненных причин: от закупорки легочной артерии тромбом, образовавшимся в венах таза. Тромб этот образовался в результате недостаточной деятельности сердца на почве общего атеросклероза...» Ничего не сказано о наличии на трупе следов телесных *повреждений* (побоев), а тем более вырванного глаза. Ниже мы полностью процитируем этот документ. Кроме этого, Блюхер умер не в Лефортовской, а во внутренней тюрьме НКВД.

Станным звучит заявление историка о том, что «10 марта 1939 года судебные инстанции приговорили мертвого маршала к высшей мере наказания за «шпионаж в пользу Японии», «участие в антисоветской организации правых и в военном заговоре»^[63]. Дело в том, что «11 ноября 1938 года постановлением Народного комиссариата внутренних дел СССР дело по обвинению Блюхера В.К. за смертью обвиняемого было отменено»^[64]. Непонятно, как можно было приговорить к расстрелу человека, уголовное дело которого было прекращено, а он сам умер за четыре месяца до вынесения смертного приговора.

Автор книги «Измена маршалов» Николай Великанов подробно рассказал о процессе реабилитации Василия Блюхера:

«В сентябре 1955 года в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС обратился с заявлением М.И. Губельман, бывший член Военного совета ДВР (в 1921 году), который возглавлял В.К. Блюхер. Он просил КПК разобраться в деле Блюхера, считая, что легендарный маршал был необоснованно репрессирован. Такое же заявление подал Генеральному прокурору СССР заместитель министра автомобильного транспорта и шоссейных дорог СССР генерал армии А.В. Хрулев.

В октябре Главная военная прокуратура и следственный отдел КГБ при Совете министров СССР занялись, по решению ЦК КПСС, проверкой «дела» Блюхера. Группа во главе с заместителем Главного военного прокурора полковником юстиции Я.П. Тереховым провела комплекс следственных мероприятий: было допрошено несколько десятков людей, проанализирована масса уголовных дел, различных документов из центральных и местных архивов.

Рассмотрев материалы этой дополнительной проверки и архивно-следственного дела на Блюхера, руководствуясь ст. 221 УПК РСФСР, Терехов 9 марта 1956 года постановил: «Решение НКВД СССР от 11 ноября 1938 года о прекращении дела по обвинению Блюхера Василия Константиновича за смертью обвиняемого отменить. Дело по обвинению В.К. Блюхера прекратить по ст. 4 п. 5 УПК РСФСР, т.

е. за отсутствием в его действиях состава преступления»...»

Говоря другими словами, возбужденное в отношении Василия Блюхера уголовное дело было прекращено не по причине смерти подсудимого, а на основании отсутствия у следствия доказательств его вины.

По поводу избиений на допросах Блюхера тоже не все понятно. В документах, датированных ноябрем 1938 года (были подготовлены в рамках проведения служебного расследования), об этом нет ни слова. Зато о том, что к подсудимому применялись меры физического воздействия, как и то, что сосед по камере (внутрикамерный агент НКВД) регулярно угощал Блюхера коньяком, подробно сообщалось в документах, датированных 1955 годом.

Подробно о нахождении Василия Блюхера под следствием рассказано в книге Николая Великанова «Измена маршалов», поэтому мы не будем останавливаться на этом вопросе [\[65\]](#).

Глава 5

Кровавая граница

Когда я впервые поехал в командировку на территорию Западной Украины, то не знал, что попаду на войну. Мне казалось, что перестрелки и погони остались в прошлой жизни. Когда я служил на погранзаставе на Дальнем Востоке, далекую и таинственную Москву видел только на фотографиях в газете «Правда» и на белой простыне киноэкрана. Раз в две недели к нам приезжал киномеханик и привозил коробки с пленкой. Для нас это был праздник. Тогда я и не мог представить, что когда-нибудь не только смогу пройти по Красной площади и посетить Мавзолей, но на всю оставшуюся жизнь поселюсь в этом прекрасном городе.

На Дальнем Востоке было понятно, кто друг, а кто враг. Большинство нарушителей мы задерживали в пограничной зоне. Поэтому, если отъехать от границы километров на сорок в глубь страны, начиналась относительно мирная жизнь. Большинство местных жителей были настроены лояльно к советской власти. Более того, многие из них принимали активное участие в поиске и задержании незваных гостей.

В Западной Украине доверять можно было представителям местного партактива, председателям колхозов и сельским активистам. Всем тем, кто доказал свою лояльность советской власти. Ото всех остальных можно было ожидать любой подлости. Я сам был свидетелем такого случая. Трагедия произошла накануне моего приезда. Председатель сельсовета, преследуемый бандитами, спрятался в избе у своего брата. Родственник подсказал украинским буржуазным

националистам, где нужно искать «москаля». Преступники ворвались в дом, вытащили на улицу представителя местного самоуправления и закололи его вилами. После совершения этого злодеяния они скрылись. Через несколько часов брата убитого задержали и доставили для допроса в областное управление УНКВД.

Я присутствовал при беседе следователя с этим человеком. Сложно сказать, на самом деле его так запугали бандиты или он так ненавидел родного брата, но имена убийц назвать отказался. В течение нескольких часов чекист пытался убедить его, что, отказавшись сотрудничать со следствием, он автоматически становится пособником преступников со всеми вытекающими для него последствиями. Бесполезно. Родственник погибшего раз за разом продолжал монотонно и глухо заявлять: никого не знаю, ничего не слышал, видел впервые...

Через две недели убийц задержали, но не всех. Двое погибли в перестрелке. Состоялся суд. Бандитов приговорили к расстрелу. На их совести были и другие преступления: убийства, поджоги, хранение и ношение огнестрельного оружия. А брата погибшего как соучастника суд приговорил к многолетнему тюремному заключению. Как сложилась дальнейшая судьба этого человека, я не знаю.

Задержание украинских буржуазных националистов было сопряжено со смертельным риском. При этом нельзя было рассчитывать на помощь местных жителей. Часто они, как только начиналась перестрелка, в панике разбегались. Хотя предварительно их всех предупреждали, что без «шума» взять преступников вряд ли получится.

Помнится, однажды нужно было в селе захватить прибывшего из-за границы эмиссара. Незванный гость на ночлег остановился у своих дальних родственников.

Оперуполномоченный НКВД узнал об этом от своего информатора. Вызвал подкрепление из уездного отдела. Дело было вечером. Пока по темноте приедут – времени много пройдет. Вдруг гость почувствует неладное или кто-то из местных его предупредит. Решил чекист тогда самостоятельно провести задержание. Собрал человек семь из числа тех, кто за советскую власть жизнь был готов отдать. Все тогда с оружием постоянно ходили и пользоваться им умели. Объяснил им задачу – кто и где стоять должен и что делать нужно. Подошли они к избе. Один из местных в окошко постучал и что-то у хозяйки попросил: соль или чай. Как только женщина дверь приоткрыла, чекист внутрь ворвался. Эмиссар проворным оказался. Сразу керосиновую лампу загасил и в сотрудника НКВД выстрелил два раза. Местные испугались и все затаились. Бандит перепрыгнул через распластанное на полу тело и выскочил на улицу. Побежал в сторону леса. Никто вслед ему не стрелял и даже не попытался преследовать! Чекисту повезло – он был всего лишь ранен. Месяц в больнице пролежал. А когда выписался, то начальство ему разнос устроило – почему он не дождался приезда коллег и в одиночку пошел на задержание. Знал ведь, что эмиссары живьем стараются не сдаваться, отстреливаются до последнего.

Хотя участие в операции группы сотрудников правоохранительных органов не гарантировало успех. Мне рассказывали, как в феврале 1941 года две группы милиционеров и чекистов обстреляли друг друга, приняв за украинских буржуазных националистов. Во время проведения операции в одной из деревень началась сильная метель. Засевшие в доме бандиты воспользовались плохой видимостью и вырвались на улицу. Участвовавшие в штурме избы сотрудники НКВД начали преследовать «бандеровцев», но из-за плохих

погодных условий быстро потеряли их из виду. Находившиеся в засаде на дороге милиционеры увидели фигуры нескольких вооруженных людей и открыли огонь на поражение. Чекисты решили, что в них стреляют украинские буржуазные националисты, ответили. Результат: трое раненых сотрудников правоохранительных органов и сумевшая уйти банда. Последствия могли быть трагичнее, если бы не метель. Она мешала целиться.

В ходе служебного расследования выяснилось, что при планировании операции руководство местных органов НКВД и НКГБ не обсудило вопросы взаимодействия своих подчиненных. В частности, не были назначены пароли и специальные знаки (например, белые повязки), позволяющие во время операции опознавать друг друга.

Чаще всего сотрудники правоохранительных органов получали ранения или гибли в результате невнимательности, неоправданного риска и грубого нарушения инструкций. Несколько человек погибли из-за того, что недостаточно тщательно обыскивали задержанных. Бандитам удалось скрыться.

Нужно признать, что даже соблюдение всех требований инструкций не гарантировало безопасности. Было несколько случаев, когда при попытке захвата бандиты подрывали себя гранатами. Несколько сотрудников правоохранительных органов погибли или были ранены. Впрочем, к категории самоубийц относились только тайно проникшие из-за границы украинские буржуазные националисты.

Очень опасные были эти «незванные гости». Большинство из них сначала тайными тропами из Советской Украины в оккупированную немцами Польшу перебрались. Там они прошли спецподготовку в германских разведывательных школах, где их обучили методам террора и диверсий. А затем обратно в СССР

вернулись. Многих, правда, пограничники смогли задержать или уничтожить, но не всех. Выжившие в результате такого «естественного отбора» украинские буржуазные националисты были очень опасны и коварны. Они понимали, что в случае задержания им грозит смертная казнь, даже если они будут активно сотрудничать со следствием. Поэтому сопротивлялись они до последнего, стремясь вместе с собой захватить на тот свет как можно больше чекистов и мирных жителей. К тому же выросли они в этих местах и лес знали, как свои пять пальцев. Имели многочисленных родственников, часть из которых успешно скрывала от правоохранительных органов свои антисоветские взгляды.

Признаюсь, что сначала меня шокировало распоряжение местного руководства НКВД и НКГБ при захвате банд за пределами населенных пунктов активно использовать гранаты и ручные пулеметы. Странно это было слышать. Огневой контакт с группой нарушителей госграницы – с этим мне не раз на Дальнем Востоке приходилось сталкиваться, но там мы гранат не применяли. Обычно обходились без них. Пулеметы у нас были, они ребят во время боев у озера Хасан выручили, когда пришлось отражать атаки японской армии, но чтобы использовать их во время задержания – не было такого. Правда, после того, как я поговорил с местными оперативниками, я радикально изменил свое мнение. Действительно, без гранат не обойтись. Там были бои между чекистами и «бандеровцами». Причем последние прошли достаточно хорошую военную подготовку в немецких разведцентрах, расположенных на территории оккупированной Третьим рейхом Польши.

В Западной Украине я впервые увидел схроны – замаскированные в лесу землянки. В таких жилищах, при наличии запасов еды, можно было жить неделями и

даже месяцами. Если такое убежище хорошо замаскировано, рядом нет следов пребывания человека (различный мусор, пепелище костра, сломанные ветки и т. п.), то обнаружить его без помощи собак очень трудно. Еще хуже, если оно имеет несколько выходов. Мне довелось участвовать в операции по захвату обитателей такого схрона.

Может, из-за того, что сотрудники НКВД, участвующие в этой операции, решили продемонстрировать свою удачу перед гостем из Москвы или они еще не успели отработать технику захвата, но операция закончилась провалом. Двое чекистов было ранено, один из бандитов убит, а трое остальных смогли скрыться. Потом этот эпизод несколько раз упоминался в документах, как пример неудачно спланированной операции. Лучше бы они, вместо того чтобы меня усиленно охранять, разместили оперативников ближе к схрону. Хотя и руководителей операции можно понять – не дай бог со мной что-нибудь случится. Проблем потом не оберешься. Лучше, чтобы бандиты ушли. Все равно рано или поздно их поймают или убьют.

После войны я узнал, что действительно большинство предвоенных украинских буржуазных националистов из числа тех, кто с оружием в руках сражался против советской власти, не дожили до 1945 года.

Западноукраинские националисты – кто они?

Лучше всего украинские буржуазные националисты охарактеризованы в документах советской военной контрразведки довоенного периода. Процитируем один из них:

«...Антисоветская украинская эмиграция сосредоточена в основном в сопредельных с СССР странах: Германии, в том числе генерал-губернаторстве и Чешско-Моравском протекторате, Румынии, Балканских странах, Финляндии, Маньчжоу-Го, а также в Италии, Канаде и США.

Руководящую роль в эмиграции играет та ее часть, которая бежала с Украины после разгрома интервентов.

Наиболее активными формированиями являются: «Организация украинских националистов» (ОУН), «Украинское национальное объединение» (УНО), «Гетманцы» – сторонники бывшего гетмана Украины Павла Скоропадского^[66].

1. «Организация украинских националистов» (ОУН) создана в 1920 г. полковником Евгением Коновальцем. После убийства его в 1938 г. ОУН возглавляет полковник Андрей Мельник (живет в Берлине), бывший начальник штаба корпуса «сечевых стрельцов» на Украине в 1918—1920 гг.

Руководящий центр ОУН – главный провод – находится в Берлине, а многочисленные филиалы организации – во всех странах, где проживают украинцы.

С самого начала своего существования ОУН действует под руководством немецкой разведки^[67]. Непосредственным исполнителем ее указаний по ОУН

является член главного провода Рыко-Ярый^[68], постоянно проживающий в Берлине.

ОУН политически руководит всеми другими украинскими организациями на территории собственно Германии, протектората и генерал-губернаторства. Все филиалы ОУН используются в разведывательных целях в пользу Германии. Особое внимание при этом уделяется созданию резидентур в странах, граничащих с СССР, – Румынии, Турции, Маньчжоу-Го, Финляндии – для ведения разведывательной работы против СССР...

2. «Украинское национальное объединение» (УНО) является легальной массовой организацией украинской эмиграции и служит широкой базой людских резервов для ОУН.

УНО организовано летом 1933 г. и официально зарегистрировано берлинскими властями 1 декабря 1933 г.

В уставе УНО цели его определены так:

- а) борьба за независимость Украины;
- б) защита украинских национальных интересов;
- в) осуществление единого руководства украинской эмиграцией;
- г) разработка и осуществление соответствующих духу времени методов хозяйства и административных управлений в момент освобождения страны и захвата власти».

До 1939 г. вся работа УНО велась под руководством и по указанию «Бюро Розенберга» (Альфред Розенберг – руководитель внешнеполитического отдела германской фашистской партии). За последние годы УНО развернуло большую активность под прямым руководством главного провода ОУН. Количество членов УНО с 550 чел. в 1938 г. возросло до 18 000 в 1941 г. Центр УНО – в Берлине, а филиалы его имеются во всех

населенных пунктах Германии и оккупированных ею территориях, где проживают украинцы.

3. «Гетманиев» возглавляют Павел Скоропадский и его сын Данила (проживают на своей вилле в Банзее около Берлина). Действуют «гетманцы» под прикрытием общественно-политической организации «Украинская громада», которая официально разрешена немцами в 1940 г. и имеет свои филиалы, кроме собственно Германии, также в Австрии, протекторате и генерал-губернаторстве.

Возглавляет «Украинскую громаду» бывший петлюровский генерал Вовк^[69].

Скоропадский и его организация субсидируются германским правительством и, кроме того, получают материальные средства из Канады и США, где гетман и его организации в Чикаго, Детройте и других индустриальных центрах Америки пользуются покровительством Форда.

В бывшей Польше ОУН была на нелегальном положении и за 20 лет накопила большой опыт подпольной работы, имела широко разветвленную сеть своих филиалов и ячеек.

На оккупированной немцами территории Польши повсеместно создана легальная сеть организаций ОУН с центром в Кракове»^[70]. Возглавляет этот центр Степан Бандера (бывший организатор убийства польского министра внутренних дел Перацкого^[71], до войны с Германией сидел в тюрьме)

В конце 1939 г. С. Бандера был освобожден немцами из-под ареста. В 1940 г., получив от Абвера большую сумму денег для финансирования оуновского подполья и организации разведывательной деятельности против Советского Союза, пытался их присвоить и перевел в один из швейцарских банков. В связи с этим в августе 1941 г. он был снова арестован немцами и содержался

на даче (в пригороде Берлина) под домашним арестом. Деньги были изъяты из банка и снова возвращены С. Бандере для проведения подрывной работы против СССР.

В Кракове находятся также уполномоченные А. Мельника, члены главного провода ОУН полковник Роман Сушко, Ярослав Барановский и Осип Бойдуник^[72].

Членами Краковского центра являются: Дмитрий Грицай^[73] – начальник штаба, созданного для подготовки вооруженного восстания против советской власти; Роман Шухевич – бывший руководитель «партизанских отрядов» Карпатской Украины, ведает военным обучением членов ОУН; Николай Лебедь^[74] – участник убийства Перацкого, возглавляет отдел разведки Краковского центра.

В Западной Украине до установления советской власти всей работой ОУН руководила краевая экзекутива во Львове.

Ей подчинялись окружные организации, затем шли уездные, надрайонные, районные и, наконец, сельские во главе с сельскими комендантами, которые непосредственно руководили низовыми ячейками, построенными по принципу «пятерок» и «троек».

С приходом Красной Армии часть руководящего состава ОУН бежала за кордон.

Эти кадры, а также активные оуновцы, осужденные в свое время польскими властями и освобожденные из тюрем во время военных действий, и сосредоточились в Кракове.

Кроме оуновского центра, в Кракове существуют «Украинский центральный комитет» (УЦК) и «Украинский комитет помощи беженцам-украинцам» (УКПБ), созданные в целях организации новой украинской эмиграции (до 45 тыс. человек).

Во главе УЦК – профессор Краковского университета Кубийнович^[75]. Фактически администрирует в УЦК и руководит военной подготовкой украинской молодежи капитан немецкой разведки Гицнер.

УЦК подчинены местные комитеты, имеющиеся во всех городах и местечках. Помещение, руководящие указания и специальные ассигнования УЦК получает от немецких властей через Краковское губернаторство.

Немцы широко демонстрируют поддержку украинского националистического движения. Украинцам переданы помещения клубов, театров. Польские костелы, а также знаменитый Холмский православный собор превращены в украинские церкви. Холмским архиепископом по рекомендации немцев избран бывший министр просвещения правительства Петлюры^[76] профессор Огиенко^[77].

Идея создания «самостийной Украины» продолжает и в настоящее время культивироваться и поощряться немцами, которые материально, организационно и политически поддерживают контрреволюционные организации украинских националистов и используют их в разведывательных и диверсионных целях против СССР.

Краковский центр ОУН, действующий при поддержке и по указаниям немцев, до настоящего времени непосредственно руководит всей нелегальной антисоветской работой ОУН в западных областях УССР, где ОУН является основной подпольной организацией украинских националистов.

С первых же дней освобождения Западной Украины ОУН развернула борьбу против советской власти под лозунгом создания «самостийной Украины». На первых порах тактика оуновского подполья по директиве главного проводы из Берлина заключалась в том, чтобы, не проявляя открыто своей враждебности к советской

власти и Красной Армии, «обязательно всем членам ОУН занять руководящие места во всех учреждениях и организациях, с тем чтобы всюду у власти были члены ОУН, имеющееся оружие не сдавать, запрятать и сохранить, всему оружию сделать строгий учет по линии ОУН».

В ряде мест украинским националистам действительно удалось проникнуть в местные комитеты, рабочую гвардию и даже в состав делегатов Народного собрания Западной Украины и использовать свое положение для антисоветской работы.

Однако мероприятия советской власти (введение украинского языка в госучреждениях, создание сети украинских школ и университета во Львове, наделение земель бедняков и др.) в известной мере подрывали массовую базу ОУН.

Оуновское подполье переходит ко все более острым формам борьбы и в декабре 1939 г. в ряде мест попыталось организовать вооруженные выступления с целью захвата власти.

После провала этих выступлений... в руководстве ОУН за кордоном возникли разногласия по вопросу о тактике и методах антисоветской работы в западных областях УССР. Актив ОУН разделился на сторонников Бандеры и сторонников Мельника.

Бандеровцы стоят за активные методы борьбы с советской властью и немедленную организацию восстания, независимо от теперешнего состояния и развития советско-германских отношений.

Бандеру, который называет Краковский центр «революционным проводом», поддерживает главным образом молодежь, сидевшая в польских тюрьмах за активную националистическую работу, и большинство оуновских организаций в генерал-губернаторстве и Западной Украине.

Мельниковцы, согласуя свою позицию с интересами германской внешней политики и состоянием советско-германских отношений, придерживаются выжидательной тактики и выступают против активных и немедленных антисоветских действий. Они считают, что «украинский вопрос» будет разрешен лишь в рамках германских планов на востоке Европы. Мельниковцы убеждены, что, как только Германия покончит с Англией, на очередь будет поставлена реализация восточных планов Гитлера и создание «самостоятельной Украины». Мельника поддерживает большинство членов довоенного руководства, члены ОУН старшего поколения, а также американские и канадские оуновцы.

В январе 1940 г. совещание центра ОУН в Кракове высказалось против директивы Андрея Мельника о том, чтобы временно, во избежание ненужных потерь, воздержаться от активных действий на территории западных областей УССР, а подготовку вооруженного восстания вести с расчетом приурочить его к моменту немецкого вторжения в СССР.

Совещание под влиянием Степана Бандеры решило не подчиняться уполномоченному Мельника в Кракове Роману Сушко, а всю работу ОУН направить на подготовку вооруженного выступления против советской власти весной 1940 г.

После этого Краковский центр с помощью немцев организует переброску в западные области УССР специально отобранных и обученных групп («пробоеви кадри»). Эти кадры нелегалов восстановили львовскую краевую экзекутиву и ряд областных и окружных проводов.

Практическая работа нелегальных организаций ОУН в 1940 г. сосредоточилась на подготовке вооруженного выступления. Наряду с этим по директиве Краковского центра деятельность оуновского подполья была

направлена на сбор шпионских сведений в пользу немцев.

Оуновские организации разрабатывали конкретные планы захвата правительственных учреждений и физического уничтожения партийных и советских работников, командного состава РККА, сотрудников НКВД и милиции, выделяли для этой цели специальные группы, проводили в лесах нелегальные занятия по военной подготовке оуновского актива.

Наряду с этим по указанию закордонного центра из нелегалов-оуновцев создавались бандитские группы, задачей которых было путем террористических и диверсионных актов запугать население и дезорганизовать работу местных органов власти.

Оуновцы располагали оборудованными еще при польской власти подпольными убежищами, тайными типографиями и радиостанциями, большим количеством оружия. Оуновцы-нелегалы представляют собой хорошо обученные в смысле нелегальной техники, закаленные и весьма агрессивные кадры. Как правило, при арестах оуновцы оказывают вооруженное сопротивление, пытаются покончить самоубийством. Оуновцы, заподозренные в сотрудничестве с советской властью, физически уничтожаются членами организации.

В своей антисоветской работе ОУН широко использует помощь и влияние униатского духовенства. Руководство ОУН прямо связано с львовским митрополитом Шептицким^[78].

Большое внимание оуновское подполье уделяет работе среди молодежи, особенно среди школьников и студентов, выделяя наиболее опытные кадры нелегалов для создания и руководства группами «юннатства».

После нанесенных в 1940 г. ударов по оуновскому подполью и ареста большинства его руководителей

Краковский центр дал директиву – коренным образом изменить практику нелегальной работы, для чего:

а) «отстранить от активной работы всех нелегалов и лиц, попавших в поле зрения органов НКВД»;

б) «в каждом округе оставить по два начальника (способных организаторов), а всю остальную работу возложить на членов ОУН, находящихся на легальном положении»;

в) «нелегальщиков организовано, применяя все активные меры, вплоть до вооруженного прорыва, перебросить за кордон» (чтобы сохранить эти кадры от репрессий и подготовить их к обратной переброске в УССР для активных действий весной 1941 г.);

г) «соблюдать строгую конспирацию, физически уничтожая каждого участника организации, допустившего нарушение этого правила».

Руководство оуновского подполья в Западной Украине, выполняя эту директиву, в каждом округе оставило по два опытных нелегальщика, в уездных же надрайонных и районных организациях руководителями назначены новые кадры оуновцев, находящиеся на легальном положении.

Была предпринята попытка перебросить за кордон значительное число нелегалов, однако подавляющее большинство оуновцев при попытке прорваться через границу задержано.

Агентурно-следственными материалами за последнее время устанавливается, что оуновцы вновь активизировали работу, несмотря на проведенные значительные изъятия оуновских кадров, во всех западных областях УССР все еще продолжают действовать нелегальные организации ОУН...»^[79]

О событиях, происходивших в стане украинских буржуазных националистов, прекрасно рассказано в

документе из архива наркомата госбезопасности УССР. Процитируем этот документ:

«...Имеющиеся в распоряжении НКГБ УССР агентурно-следственные материалы свидетельствуют о том, что в настоящее время созданы благоприятные условия для глубокой разработки оуновского подполья и его руководящих центров.

Для ориентировки сообщая содержание этих данных:

До августа 1939 г. «Организацией украинских националистов» руководил так называемый «провод украинских националистов» (ПУН) во главе с бывшим управляющим имениями митрополита графа Шептицкого полковником Андреем Мельником, который занял этот пост после смерти «вождя» украинских националистов полковника Коновальца.

В момент распада Польши немцами из польской тюрьмы был освобожден видный украинский националист, организатор убийства министра внутренних дел Польши Перацкого и участник судебного процесса по этому делу С. Бандера.

Как это видно из ряда полученных нами документов, в частности из так называемой «Белой книги ОУН», изданной мельниковцами в апреле 1941 г., Мельник по прибытии в Краков Бандеры предлагал последнему занять руководящую роль в главном проводе «Организации украинских националистов».

Будучи большим карьеристом, Бандера пожелал возглавить провод указанной организации лично и в связи с этим отказался от предложения Мельника.

Вскоре после освобождения Бандера сколотил вокруг себя группу активных националистов, организовал новый, так называемый «революционный ПУН», с тем чтобы скомпрометировать Мельника и подчинить своему влиянию «Организацию украинских националистов».

Бандера начал обвинять Мельника в ряде «упущений» и «преступлений». В частности, Бандера обвинял Мельника в том, что он не смог использовать благоприятную для создания «самостийной Украины» ситуацию в Закарпатской Украине и в момент падения Польши.

Кроме того, Бандера обвинял Мельника в засорении ПУН конфидентами^[80] польской полиции, указывая, в частности, что агентом польской полиции являлся член мельниковского провода Ярослав Барановский.

Бандера обвинял Мельника также и в том, что последний якобы ослабил борьбу за создание «самостийной Украины», и в противовес тактике Мельника выдвинул новую тактику подготовки вооруженных выступлений на территории СССР и осуществления террористических актов против партийно-советского и сельского актива.

Широко пропагандируя изложенные выше тактические установки, Бандера сумел подчинить своему влиянию значительную часть организации, состоящей в основном из молодежи, создав, таким образом, так называемую «новую генерацию ОУН».

Будучи неплохим организатором и имея хорошо поставленную, работающую против Мельника разведку, Бандера сумел создать на территории западных областей УССР широко разветвленную организацию и перехватить в западных областях Украины почти все организации, находившиеся ранее под влиянием Мельника.

Мельник не сдает своих позиций в ОУН без сопротивления. Он также выдвинул против Бандеры ряд обвинений, которые сводятся в основном к следующему:

1. Бандера создает раскол в «Организации украинских националистов» и этим действует на руку

врагам ОУН. Таким образом, Бандера является, по словам Мельника, диверсантом в ОУН и агентом советской разведки.

2. Всю борьбу против главного провода ОУН Бандера затеял в карьеристских целях, имея намерение стать «вождем» украинских националистов. Бандера действует не на пользу украинскому народу, а в своих собственных интересах. Поэтому, как говорит Мельник, он является «амбиционером».

3. Немцами, по настоянию мельниковцев, был арестован член бандеровского провода некий Горбовой, который дал показания о том, что он является агентом НКВД. На основании этого Мельник обвинил Бандеру в том, что он якобы действует по заданию советской разведки и его провод создан НКВД.

[...]

Таким образом, «Организация украинских националистов» за кордоном разбилась на два враждующих лагеря, всячески компрометирующих друг друга и компрометирующих, по существу, всю «Организацию украинских националистов».

Поэтому Бандера, который имеет, как указано выше, почти безраздельное влияние на нашей территории, всячески старается скрыть от оуновских организаций, действующих в западных областях УССР, как существо противоречий между ним и Мельником, так и сам факт наличия этих противоречий.

Следует указать, что драка между двумя лагерями ОУН привела к отколу некоторой части организации от обоих проводов и созданию за кордоном так называемой «Украинской национал-коммунистической армии», выступающей одновременно против Бандеры и Мельника.

Эта организация в апреле 1941 г. выпустила в Кракове листовку, в которой освещала конфликт между Мельником и Бандерой как беспринципную драку за

власть, приносящую вред «Организации украинских националистов».

Листовка произвела большое впечатление на широкие круги украинских националистов, и Бандера вынужден был бросить все силы разведки на ее изъятие.

Агентурными материалами и рядом следственных дел, имеющих во всех управлениях НКГБ западных областей, устанавливается, что как мельниковцы, так и бандеровцы работают в тесном контакте с германской разведкой и создание так называемой «великой соборной Украины» мыслят себе не иначе, как с помощью немцев.

Разница между мельниковцами и бандеровцами в этой части заключается только в том, что мельниковцы считают целесообразным сохранить силы и кадры «Организации украинских националистов» до того момента, когда Германия начнет войну против СССР, с тем чтобы во время этой войны выступить против Советского Союза и с помощью немцев создать «самостоятельное украинское государство» под протекторатом Германии.

Бандеровцы же считают целесообразным помогать немцам уже в настоящее время путем саботажа мероприятий советской власти, активной шпионской работой, диверсионной деятельностью и организацией террористических актов, которые, по их расчетам, должны деморализовать население западных областей УССР.

Мельниковцы открыто поддерживают связь с гестапо. Немцы сами переправляют эмиссаров Мельника на нашу сторону.

Бандеровцы же не разрешают своим членам, помимо провода, связываться с немцами. Все разведывательные данные и задания диверсантам,

шпионам и террористам, перебрасываемым на нашу сторону, немцы передают через бандеровский провод.

Немцы в отличие от мельниковцев не перебрасывают бандеровцев на нашу территорию, а лишь открывают для них границу в заранее обусловленном месте.

Необходимо указать, что низовка ОУН и некоторая часть среднего руководящего звена не знают о шпионской деятельности Бандеры и Мельника, не знают, что, по существу, работают на немцев.

Имеющиеся в НКГБ СССР данные свидетельствуют о том, что и внутри Советского Союза за последнее время начинается раскол ОУН.

Объясняется это, с одной стороны, работой мельниковцев, а с другой стороны, проведенной за последнее время операцией – по изъятию актива и руководящего состава организации и выселению семей нелегалов.

Некоторые крупные националисты заявляют, что НКГБ за последнее время нанес чувствительные удары «Организации украинских националистов», и обвиняют в этом тактику бандеровцев, которая вызвала со стороны советской власти массовые репрессии против ОУН.

Это веяние, исходящее от националистов «старой генерации», постепенно начинает проникать в среду организаций, находящихся под влиянием Бандеры.

Подтверждением изложенного выше обстоятельства является, в частности, тот факт, что за последнее время многие нелегалы, представляющие собой основную базу организации, убедившись в бесполезности борьбы с советской властью, являются с повинной.

За короткое время, прошедшее с момента последней операции по выселению семей нелегалов, в

западных областях УССР явились с повинной 252 нелегала...

Составленный НКГБ УССР и утвержденный народным комиссаром госбезопасности СССР план оперативных мероприятий по линии ОУН ставит перед чекистами западных областей три основные задачи:

1. Оперативная ликвидация руководящего состава и актива ОУН.

2. Глубокая разработка руководящих оуновских центров и внедрение в эти центры наших проверенных источников.

3. Перехват в свои руки руководства отдельными организациями ОУН и, в частности, краевой экзекутивы ОУН, с тем чтобы таким образом парализовать активную работу этой организации.

Операция, проводимая с начала апреля текущего года, хотя и разворачивается успешно, однако до настоящего времени полностью не обеспечила выполнения первой задачи, поставленной перед нами, так как за все время операции не было изъято ни одного члена краевой экзекутивы или областных центров ОУН.

Что же касается остальных двух задач, поставленных НКГБ СССР, то хотя в ряде областей (Дрогобычская, Львовская, Волынская) и имеются некоторые успехи, однако в целом выполнение их нами не обеспечивается.

Значительное количество произведенных оуновцами террористических актов свидетельствует о том, что с задачей предупреждения террористических проявлений районные отделения НКГБ и руководящие ими областные управления не справляются...»^[81]

Антисоветские восстания

С поздней осени 1939 года до весны 1941 года украинские буржуазные националисты неоднократно пытались организовать восстания в приграничных с оккупированной немцами Польшей областях СССР...

Комментарий Александра Севера

Петр Фролов в своих мемуарах почему-то не сообщил подробности о масштабах готовящихся антисоветских восстаний. Возможно, что спустя много лет он просто позабыл статистические данные. Мы исправим этот «пробел» в его рукописи.

Первая попытка организовать антисоветское восстание была предпринята ОУН в конце 1939 года. Чекисты сорвали ее, арестовав 900 потенциальных повстанцев^[82].

Первые группы «боевиков» попытались тайно проникнуть на территорию СССР в середине января 1940 года. Произошло это в районе Кристинополя около села Бендюги. Перейдя замерзшую реку Буг, двенадцать «боевиков» во главе с С. Пшеничным должны были уйти на Волынь. До бывшей советско-польской границы их сопровождали еще четверо, которые благополучно вернулись обратно. А вот нарушителям не повезло. Восемь человек погибли в бою, остальные были задержаны позднее. По версии историков из ОУН, в том бою погибло до тридцати советских пограничников^[83].

Позже было предпринято множество попыток тайного проникновения в Советский

Союз. К весне 1940 года на территорию СССР сумели проникнуть до тысячи человек. Повышенная активность ОУН легко объяснима. На конец весны – начало лета 1940 года было назначено антисоветское восстание на территории Западной Украины.

В начале 1940 года Краковский центр (провод) ОУН начал подготовку восстания. 10 марта 1940 года был сформирован Повстанческий штаб во главе с Д. Грицаем. Для подготовки восстания через границу в Галицию и на Волынь было тайно переправлено шестьдесят организаторов. Первая группа во главе с В. Тимчием пересекла границу в конце февраля, вторая группа (40 человек) – в начале марта, третья – 12 марта. Повстанческий штаб начал действовать во Львове 24 марта 1940 года. Стала формироваться система управления. В крупные города (Львов, Станислав, Дрогобич, Тарнополь и Луцк) были направлены руководители – окружные проводники. Каждому из них подчинялось 3—5 межрайонных. Последним подчинялись подрайонные проводники.

Каждый окружной – районный провод включал в себя:

- начальника повстанческого штаба;
- инструктора по военной подготовке;
- референта по разведке;
- референта безопасности;
- референта связи;
- референта по пропаганде;
- референта по работе с молодежью.

Подрайонная организация включала 4—5 станичных организаций (в населенных пунктах). На эти организации возлагались задачи:

подбор 40—70 повстанцев;
организация военной подготовки;
разведка.

Нижнее звено включало 3—5 повстанцев.

Кроме этого, существовали молодежный резерв «Юношество» и женская секция.

По данным, полученным в ходе допроса начальника референтуры связи Гриця в сентябре 1940 года украинскими чекистами, в регионе было 5,5 тысячи повстанцев и 14 тысяч сочувствующих им.

О готовящимся весной 1940 года восстании узнали чекисты и нанесли упреждающий удар: арестовано 658 оуновцев, большинство из них руководители различного уровня. Максимальный удар был нанесен львовской, тернопольской, ровенской и волынской организациям^[84]. С 1939 года по июнь 1940 года было изъято семь гранатометов, двести пулеметов, восемнадцать тысяч винтовок и семь тысяч гранат^[85].

Справедливости ради отметим, что весной 1940 года чекисты арестовали далеко не всех членов ОУН. Так, в Станиславской области в 1939 году их было 1200 человек, через год их количество превысило 9600 человек^[86]. Аналогичная картина наблюдалась и в других областях.

29 октября 1940 года в Львове состоялся суд над одиннадцатью руководителями ОУН. Десятерых приговорили к расстрелу. Вопреки тогдашней практике приговор привели в исполнение только 20 февраля 1941 года^[87].

Руководство ОУН перенесло восстание на осень 1940 года. И снова чекисты нанесли

упреждающий удар! В августе – сентябре 1940 года было «ликвидировано» 96 подпольных групп и низовых организаций, арестовано 1108 подпольщиков (среди них 107 руководителей различного уровня). В ходе обысков изъято 2070 винтовок, 43 пулемета, 600 револьверов, 80 тысяч патронов и другое вооружение^[88].

Это – о внутренних врагах советской власти. Непокойно было и на советско-польской границе. В течение 1940 года в результате боев между пограничниками и оуновцами последние потеряли: убитыми – 82, ранеными – 41 и арестованными – 387 повстанцев. Однако большая часть нарушителей границы все же сумела уйти от пограничников. Было зафиксировано 111 случаев прорыва на Украину и 417 – за кордон.

Чекисты были вынуждены тогда признать:

«Оуновцы-нелегалы прекрасно владеют навыками конспирации, подготовлены к боевой работе. Как правило, при аресте оказывают вооруженное сопротивление и пытаются покончить жизнь самоубийством»^[89].

Отметим, что в течение 1940 года советским правоохрнительным органам, благодаря упреждающим ударам, удалось не допускать всплеска бандитизма на территории Западной Украины. «По Волынской области за 1940 год зарегистрировано 55 «бандпроявлений», при этом убито и ранено 5 работников милиции и 11 человек из советско-партийного актива. Ликвидировано 5 групп с количеством участников 26 человек и 12 отдельных оуновцев. По Львовской области на 29 мая 1940 года значились 4 политические банды

(числилось 30 человек) и 4 уголовно-политических (27 человек), в Ровенской области политических банд на учете не было (только уголовные), в Тарнопольской – 3 уголовно-политических (численность – 10 человек)...»^[90]

Зимой 1940/41 года чекисты нанесли очередной удар по львовской, станиславской, дробовицкой областным организациям. Так, лишь за 21—22 декабря 1940 года было арестовано 996 человек (в Львовской области – 520, Станиславской – 235, Тарнопольской – 133)^[91].

Вернемся к рассказу Петра Фролова.

Повстанцы планировали уничтожить всех представителей советской власти и объявить о создании нового государства «самостийной Украины». Зная, что им не удержать власть в своих корявых и слабеньких ручонках, они планировали сразу же заключить договор с гитлеровской Германией и фактически стать генерал-губернаторством, как соседняя Польша. При этом Варшава оказалась под властью Берлина насильственно, в результате оккупации страны Вермахтом, а Западная Украина – добровольно – из-за политических амбиций украинских буржуазных националистов. Последних мало волновало, что Гитлер причислял живущих на этой территории представителей различных национальностей (поляков, украинцев, белорусов, русских, евреев и др.) к представителям низшей расы, которых следовало истребить или поработить. Предоставление суверенитета или хотя бы автономии для «самостийной Украины» в планах фюрера не было. Впрочем, об этом проживавшим в эмиграции лидерам украинских буржуазных националистов их хозяева – руководители германской разведки – ничего не сообщали. Наоборот,

хвалили «бандеровцев» за их стремление уничтожить всех коммунистов на территории Западной Украины и свергнуть советскую власть.

Поддержка Берлина украинских буржуазных националистов не ограничивалась лишь одними словами. Руководители и активисты ОУН, проживавшие в Германии и Финляндии, регулярно получали «зарплату» из кассы Абвера (военная разведка, контрразведка и диверсии). Немецкие инструктора в специально созданных учебных центрах обучали украинских буржуазных националистов методам ведения разведки, организации диверсий и террора. Полученные навыки выпускники «курсов» применяли на практике, когда тайно проникали в Советский Союз. Уровень подготовки «курсантов» был столь высок, а желание выслужиться перед хозяевами так велико, что их услугами начала пользоваться японская разведка.

Планы Токио были скромнее, чем у Берлина. Руководство Японии понимало, что организовать восстание на Дальнем Востоке – именно этот регион интересовал разведку Страны восходящего солнца – очень сложно. Во-первых, большинство населения было настроено лояльно к советской власти. Во-вторых, высокая концентрация частей и соединений Красной Армии. В-третьих, выше я рассказал о том, что заговорщики, планировавшие отделить Дальний Восток от СССР, были разоблачены еще в 1938 году. Поэтому Токио для установления контроля над этой территорией было необходимо захватить эту территорию в результате военного конфликта с Москвой. Для этого нужно было выяснить численность, вооружение и места дислокации всех частей и соединений Красной Армии на Дальнем Востоке. Узнать состояние и пропускную способность всех автомобильных и железнодорожных магистралей на этой территории. Места нахождения аэродромов, баз горюче-смазочных материалов, складов

боеприпасов и продовольствия, мест нахождения штабов и т.п. Только на основе этих исходных сведений можно было начинать планировать военную операцию против Советского Союза.

Добыть их можно было двумя способами: вербуя местных жителей и военнослужащих Красной Армии или направляя в регион своих эмиссаров.

Основной недостаток первого способа – велик риск того, что агенты будут «подставой» советской контрразведки. Собственно, так оно и произошло. Служа во время войны в центральном аппарате военной контрразведки, я узнал подробности нескольких таких операций.

Помнится, в одном случае «тайным информатором Токио» был «поручик Кижэ». На самом деле в документах он фигурировал как офицер штаба Краснознаменной Дальневосточной армии, а именем киноперсонажа называл его я. Очень мне нравилась одноименная кинокомедия^[92]. Впервые я увидел ее, когда учился в пограничном училище, потом несколько раз во время службы на заставе, а затем перед войной несколько раз в кинотеатрах, в т.ч. и во время командировок на Украину, когда удавалось выкроить несколько часов на отдых. В реальности этого офицера не существовало. Его придумали военные чекисты и от его имени готовили донесения, которые передавал в Токио наш агент. Японцы так и не раскрыли обман...

Комментарий Александра Севера

Вероятно, Петр Фролов назвал «поручиком Кижэ» офицера Красной Армии Ивана Горелова, который принимал активное участие в операции «Маки Мираж». Частично она была рассекречена лишь в конце прошлого века, поэтому автор не сообщил в своих мемуарах подробности.

Операция «Маки Мираж» была проведена амурским окружным управлением ОГПУ в начале тридцатых годов прошлого века и направлена против японской разведки. Ее цель расшифровывалась в названии. Маки – от слова «макаки», которым после интервенции называли японцев. Мираж – дезинформация противника^[93].

Поздним вечером 20 января 1925 года в Кремле в кабинете у Иосифа Сталина состоялось внеплановое совещание. На нем присутствовали: председатель ОГПУ Дзержинский, его заместитель Менжинский и начальник ИНО ОГПУ Трилиссер. На Дальнем Востоке сложилась критическая ситуация. Япония планирует напасть на Советский Союз. Единственный способ предотвратить вооруженное столкновение между Москвой и Токио – убедить Японию в боевом превосходстве Красной Армии. Для этого необходимо через японскую агентуру на Дальнем Востоке передать в Токио завышенные данные о численности и вооружении дислоцированных в этом регионе частей и соединений Красной Армии. Тогда же назвали имя ключевого агента в планируемой операции – сотрудник ОГПУ Иван Иванович Горелов.

Непосредственно к самой операции удалось приступить лишь в начале тридцатых годов прошлого века. До этого времени, в течение пяти лет, сотрудники ОГПУ занимались выявлением и нейтрализацией японской агентуры на Дальнем Востоке.

В июне 1930 года в Маньчжурию в город Сахалин (сейчас китайский город Хайхэ) был

направлен сотрудник ОГПУ Лазарь Хаимович Израилевский («Летов»). Выбор этого города *был не случаен. Именно здесь дислоцировалась резидентура японской разведки.* Чекисту предстояло внедриться в ее агентурную сеть. В город он прибыл с документами на имя сотрудника Дальгосторга Островского. Провинциальный городок Сахалин находился на берегу реки Амур. В нескольких сотнях метров от него, на противоположном берегу, находился советский город Благовещенск. Жители обоих населенных пунктов активно использовали это соседство, регулярно пересекая государственную границу между двумя странами и ведя бойкую торговлю. Фактически Сахалин стал местом, где представители иностранных разведок добывали информацию о Советском Дальнем Востоке. А учитывая то, что граница тогда почти не охранялась, это позволяло японской разведке активно засылать свою агентуру на территорию Советского Дальнего Востока.

Из официального сообщения управления полиции города Сахалина:

«Господин Островский.

Подданный России. Торговец.

Снимает в Благовещенске квартиру по адресу улица Торговая, дом 17. Семья находится в Хабаровске. Как официальное лицо может беспрепятственно пересекать советско-китайскую границу в обоих направлениях».

По плану операции «Маки Мираж» чекисту предстояло ввести в игру Ивана Горелова, человека, который сыграл ключевую роль в поединке советских и японских спецслужб. Согласно разработанной легенде, Иван Горелов

– высокопоставленный офицер Красной Армии. Он якобы занимал важный пост в штабе Особой Дальневосточной армии (ОДА)^[94] и имел доступ к совершенно секретным документам.

А в это время Токио активно разрабатывал планы крупномасштабного военного нападения на Советский Союз. Была даже определена дата начала агрессии – ноябрь 1934 года. После поражения Российской империи в русско-японской войне, когда небольшое островное государство одержало победу над огромной державой и захватило остров Сахалин, японским генералам захотелось расширить еще больше границы страны и захватить Советский Дальний Восток. Попытка провести эту операцию во время Гражданской войны в Советской России закончилась неудачей. В начале тридцатых годов прошлого века началась подготовка к новой военной операции.

Для Москвы ситуация на Дальнем Востоке была критической. Численность ОДА в начале тридцатых годов прошлого века – 42 тысячи военнослужащих, отсутствие развитой системы железных дорог, что не позволяло оперативно перебросить резервы из других регионов, а также обеспечить бесперебойное снабжение армии боеприпасами, продовольствием, горюче-смазочными материалами. Да и боеспособность Красной Армии в целом, об этом рассказано выше, была на низком уровне. Выход был один – создать для Токио «потемкинскую деревню», говоря другими словами, продемонстрировать Японии наличие на Дальнем Востоке многотысячной хорошо экипированной, прекрасно обученной и боеспособной армии.

В июле 1931 года японская разведка организовала вербовочный подход к Островскому через своего агента – владельца ресторана «Рион», потомка грузинских князей, эмигранта Григория Перетинава. Чекист понимал – это только начало и вскоре его ждет встреча с резидентом японской разведки в Сахалине Садаичиро Кумазавай. В этом городе самурай «тайной войны» находился с 1918 года. Официально он владел гостиницей «Сибирь» и занимался нелегальной переброской людей и грузов через советско-китайскую границу. Хорошее «прикрытие» для профессионального разведчика.

Через несколько дней такая встреча состоялась – в ресторане гостиницы «Сибирь». Кузамава после предварительной беседы на тему перспектив советско-китайской торговли внезапно предложил Островскому стать агентом японской разведки. Чекист обещал подумать, но согласился выполнить простое задание – передать половинку рублевой купюры человеку Кумазава в Благовещенске. После первого задания последовало второе, затем третье... К моменту их знакомства у японского резидента почти не осталось ценных агентов на территории Советского Дальнего Востока. Все они были ликвидированы чекистами. И Островский должен был их заменить. Однако он не мог предоставить совершенно секретную информацию о местах дислокации частей и соединений ОДА и их численности, о строительстве оборонительных сооружений, о принимаемых в ЦК ВКП (б) и Генштабе решениях относительно Дальнего Востока и т.п. Требовался высокопоставленный офицер

Красной Армии, которому вся перечисленная выше информация была доступна. Таким человеком был Иван Горелов.

Известна официальная биография этого человека (ее Летов сообщил японцам). Родился в 1897 году в селе Шишки Новгородской губернии в семье торговца. Окончил реальное училище. С 1919 года – по мобилизации в Красной Армии. Беспартийный.

Кумазава познакомил Островского с Дорой Михайловной Чуриковой, представив ее как своего ближайшего помощника. Сначала они встречались исключительно по работе – она выступала в роли связника, но вскоре они стали друзьями. Произошло это, скорее всего, по инициативе ОГПУ. Дело в том, что тридцатилетняя дама была любовницей японского резидента. Она тосковала по России, и общение с Островским стало для нее возможностью, хотя бы мысленно, побывать на родине. Круг ее общения и информированности был очень широкий. На жизнь она зарабатывала, оказывая интимные услуги клиентам гостиницы «Сибирь». Она была болтливой, поэтому Летову из бесед с ней удавалось узнавать много нового о работе японской разведки.

Однажды Дора Чурикова случайно назвала имена самых доверенных лиц японского резидента цирюльника Сагаваре и его жены Миязаки. Она в течение часа убеждала Островского, что парикмахер – кадровый офицер японской армии – профессиональный военный топограф. В другой раз она совершенно случайно проболталась о японской агентурной сети в Благовещенске, с которой

Кумазава связывался через китайца Антошку, занимавшегося контрабандой. Для ОГПУ это было неожиданностью. Дальневосточные чекисты были уверены, что ликвидировали всех японских агентов, а тут выяснилось, что возглавляемая китайцем Антошкой агентурная сеть активно работает. Чуть позже выяснилось, что на Кумазаву работало порядка 200 агентов. Понятно, что большинство из них не имели доступа к секретной информации, но они могли найти лиц, владеющих ею^[95]. К тому же не следует забывать, что 90% интересующих разведку данных добывается из «открытых» источников. А еще неотвратимо приближался ноябрь 1934 года – дата начала крупномасштабной военной операции Японии против Советского Союза.

Справедливости ради отметим, что часть японской агентуры была оперативно ликвидирована. Так, информация только одного агента советской внешней разведки, поставляемая в Хабаровск из-за рубежа, позволила ОГПУ в течение 1933 года раскрыть 76 агентов японской разведки на территории Советского Союза. При этом чекисты очень удивлялись, как такая результативность не привела к «провалу» сотрудника. Вычислить его методом исключения представлялось делом несложным. Одна из причин почти безразличного отношения японцев к своей агентуре, возможно, кроется в традиционном самурайском пренебрежении ко всяким там китайцам, корейцам и белоэмигрантам, из которых прежде всего и состояли резидентуры. К подготовке таких агентов в военных миссиях

Страны восходящего солнца подходили формально. Многие японские шпионы попадались уже при переходе границы. Так, чекисты и пограничники в приграничных районах Дальнего Востока в 1932 году задержали 627 агентов иностранных разведок, в 1933 году – 500 и в 1934 году – 541. А в 1940 году чекистами на территории Дальнего Востока было задержано 245 японских агентов^[96]. В два раза меньше, чем в начале тридцатых годов прошлого века, но все равно много.

Процитируем одно из многочисленных спецсообщений руководства ОГПУ руководству страны, где чекисты докладывали об очередной ликвидированной резидентуре японской разведки:

«В результате продолжительной агентурной разработки ЭКУ ОГПУ раскрыта крупная шпионско-диверсионная организация японского Генерального штаба, по всем данным являющаяся центральным нелегальным аппаратом японцев на территории Союза.

Арестовано 25 человек – членов организации, в прошлом быв. белых офицеров, быв. торговцев, быв. кулаков и проч.; из них уже сознались в шпионской и диверсионной деятельности 11 человек, в том числе и глава организации МОЛГАЧЕВ.

Организация непосредственно руководилась японскими консулами во Владивостоке – вначале консулом ВАТАНАБЕ, а затем ЯМАГУЦЦИ и военным агентом в г. Сахалина – КУМАЗАВА, а также начальником 2-го Отдела Японского Генштаба – полковником КАНДА МАСАТАНЕ.

Организация действовала под флагом частной строительной конторы изобретателя МОЛГАЧЕВА по механизации трудоемких процессов, заключая договора с хозорганами на устройство подвесных дорог, прокладывание трасс и просек в непосредственной близости к границам. По предварительному подсчету руководителем организации – МОЛГАЧЕВЫМ – заключено договоров на сумму до 150 миллионов рублей. Договоры выполнены на 15—20%.

Организация распространила свою работу почти по всей маньчжурской границе, в приграничной полосе Казахстана, на города: Ленинград, Москву, Астрахань, Баку, Майкоп, район Кузбасса, часть Украины, а также на ряд районов у польской границы. Центральным плацдармом деятельности организации являлся Дальний Восток, на котором шпионской и диверсионной работой охвачен 21 пункт.

Работа организации представляет важнейшую составную часть японских планов по подготовке интервенции против Союза и должна была непосредственно обеспечить осуществление при открытии военных действий широко задуманного стратегического плана нападения японских войск на Советский Дальний Восток со стороны трех районов: Южного Сахалина, Северной Кореи и Северной Маньчжурии.

В диверсионный план действия организации входило разрушение железнодорожных путей и мостов, в частности мостов крупнейшего стратегического значения: Амурский мост, Зейский мост, Уссурийский мост, Бурейский мост через реку Лавуха, мост через реку

Раковку. Были намечены к разрушению тоннели в районе Владивостока, Дальзавод с доками, портовые сооружения, аэродром, электростанции Владивостока, радиостанции.

При открытии военных действий диверсанты имели прямые поручения прервать всякую связь Владивостока с Хабаровском и другими пунктами.

Членами организации осуществлено два диверсионных акта: поджог в 1929 г. складов Госрыбтреста во Владивостоке и поджог в 1930 г. большого склада машинных частей Госпароходства в гор. Благовещенске-на-Амуре, причинивших миллионные убытки.

Эти акты были произведены в виде пробного испытания для определения действенности низовой ячейки организации и проверки, удастся ли произвести диверсионные акты безнаказанно.

Члены организации проводили в самых широких размерах, по непосредственным заданиям японского Генштаба, военный, политический и экономический шпионаж, непосредственно связанный с подготовкой военных мероприятий Японии против СССР. Членами организации были добыты и переданы японцам совершенно секретные географические карты (одноверстки, двухверстки) приграничных районов. По заданиям японцев производились топографические съемки важнейших стратегических пунктов, были составлены карты наиболее крупных промышленных пунктов, с расположенными вблизи заводами, доками, портами. Членами организации производилось фотографирование мостов и сооружений военного значения.

Организация широко собирала сведения о политических настроениях рабочих, о положении спецпереселенцев, продовольственном положении, положении с зарплатой, сведения о конском составе, мясном и тягловом поголовье, об обеспеченности предприятий оборонного значения металлом, ходе выполнения промфинплана на предприятиях военного значения.

Кроме этого, организация осуществляла под предлогом проведения строительных работ для хозорганов прокладку трасс, устройство просек в пограничных районах, что делало проходимыми для японских войск ряд важных стратегических пунктов (районы Сидими, Суражевка, Гродеково и проч.).

Произведенной Штабом РККА экспертизой сведений, переданных членами организации японцам, установлено, что шпионаж, осуществлявшийся организацией, причинил огромный ущерб делу обороны ДВК, а осуществление диверсионного плана должно было создать исключительные затруднения при отражении нападения японских войск.

Кроме этого, Штаб РККА указал на совпадение с его данными показаний обвиняемых о главных направлениях движения японских войск на ДВК при начале военных действий в СССР.

Приводим выдержки из экспертизы Штаба РККА:

«Характер уже переданных японцам материалов по району Суражевка - г. Свободный Уссурийской ж.д. и подготовленных диверсионных актов в этом районе имеет исключительно важное военное значение в

обороне ДВК для нас, так как с выходом японцев по Сунгари на Тихонькая – актом диверсии обеспечивается левый фланг действующих войск на коммуникациях Сунгари. Взрыв величайшего в СССР Амурского моста у Хабаровска создает чрезвычайные затруднения в операциях Красной Армии».

И далее: «План шпионско-диверсионной организации по ДВК разработан с таким расчетом, что приведение его в исполнение ставит Д.В. край, благодаря его географическим особенностям, в своей большей части (Уссурийский край, часть Амурской области и Сев. Сахалин) в положение военной добычи японцам».

Следствие продолжается форсированным темпом»^[97].

Внимательный читатель обратил внимание на то, что японскую резидентуру ликвидировали сотрудники Экономического управления ОГПУ, а не Особый отдел. В этом нет ничего удивительного. Основная нагрузка по противодействию японской разведке (в первую очередь выявление ее агентуры) легла на территориальные органы госбезопасности. А военные чекисты в то время занимались вопросами обеспечения режима секретности и боеготовности частей и соединений Красной Армии и Военно-Морского Флота. Также они занимались контролем за ситуацией на военных объектах. Так, в мае 1933 года военные чекисты задержали на аэродроме 110-й авиаэскадрильи японского агента, который талантливо играл роль глухонемого инвалида. Он собирал данные о тактико-технических данных самолетов, их

численности и боеготовности, состоянии объектов наземного обслуживания^[98]. Разумеется, военные чекисты принимали активное участие в проведении операций «Мечтатели», «Маки Мираж» и других.

11 января 1932 года начался новый этап операции «Маки Мираж». В игру решили ввести Ивана Горелова. Согласно «легенде» он:

«Помощник начальника 6-го отдела штаба Особой Дальневосточной армии, ведает всем командным составом армии. Бывший прапорщик царской армии, холост, любит выпить, девочек...»

Теперь оставалось лишь придумать вескую причину, заставившую офицера согласиться сотрудничать с японской разведкой. «Легенда» звучала так:

«Иван Горелов – сотрудник штаба армии, ведает наградами, продвижениями и перемещениями командного состава армии. Из наградных фондов он якобы растратил 3 тысячи рублей и теперь опасается проверки. Выхода у него два: как-то погасить истраченную сумму или попасть под суд и скомпрометировать себя в глазах офицеров Штаба и как царскому офицеру пустить себе пулю в лоб».

После этого Летову лишь осталось сообщить японскому резиденту о нуждающемся в деньгах Иване Горелове. Камазава приказал Островскому установить с проштрафившимся офицером контакт. Прошло еще несколько недель, и Иван Горелов начал активно работать на Токио. В документах японской разведки он фигурировал как «Большой корреспондент».

Первая информация, которую Горелов через Островского передал японцам, была о больших лагерных сборах нескольких соединений ОДА в 1930—1931 годах. Вот фрагмент этого сообщения:

«Имеются сведения, что в одном из полков каждой дивизии вместо колесных машин будут применены гусеничные тракторы-транспортёры.

По-видимому, речь идет о тракторах, образцы которых демонстрировались в Кремле правительству в ноябре прошлого года, сведения о чем были опубликованы в печати.

В артиллерийском полку стрелковой дивизии реорганизация свелась к формированию четвертого дивизиона полевых тяжелых гаубиц и пушек на тракторной тяге и переводу всех батарей на шестиорудийный состав. Таким образом, общее количество орудий артиллерийского полка дивизии вместе с противотанковой батареей достигло 58 вместо прежних 34.

Артиллерийские полки закончили перевооружение на новую модернизированную материальную часть, но снятую хранят у себя, частично используя ее для выходов в поле, по-видимому, в целях сохранения новой».

Понятно, что после прочтения такого документа в Токио справедливо решили, что в ОДА начался процесс ее усиления за счет артиллерии, а также за счет использования для транспортировки орудий гусеничной техники вместо колесной. Объяснять преимущества от применения последней в регионах, где отсутствует сеть трасс с бетонным и асфальтным покрытием, не надо.

Другие абзацы цитируемого документа также содержали неприятные для Токио сведения:

в каждом батальоне создана рота тяжелого оружия, состоящая из взвода 76-мм батальонных мортир и взвода минометов, в каждом по четыре орудия;

в стрелковые роты введены противотанковые взводы, состоящие из двух крупнокалиберных минометов;

каждому взводу выделено по 15—20 полутоннотных машин.

5 февраля 1932 года после непродолжительного боя с китайской армией японские войска вошли в Харбин. Маньчжурия оказалась полностью оккупированной Японией. Один из китайских генералов поднял мятеж против оккупантов. Кумазава, опасаясь расправы со стороны китайцев, бежал в Благовещенск, где укрылся в стенах японского посольства. Теперь он надеялся лично познакомиться с Гореловым, уже без посредничества Островского. Однако это ему никак не удавалось. Как разведчик он бездействовал. В начале 1933 года, когда Японии удалось навести порядок в Маньчжурии, Кумазава вернулся в Сахалин и занялся привычным делом – организацией разведки против Советского Дальнего Востока. Он восстановил связь с Островским и потребовал от последнего активизировать деятельность Горелова. В Токио с нетерпением ждали новых документов из штаба ОДА. До начала советско-японской войны оставалось всего лишь полтора года. Японский генералитет с помощью «Большого корреспондента» надеялся найти

слабые места в обороне Советского Дальнего Востока.

Одновременно начал готовиться план проведения серии диверсий в регионе. В подготовленном в Токио списке значилось 26 объектов, перечислим некоторые из них:

- железнодорожный мост через реку Амур;
- железнодорожный мост через реку Зей;
- железнодорожный мост у Читы;
- хабаровская электростанция;
- владивостокская электростанция;
- водонапорная башня на станции Облучье;
- завод «Металлист» в Благовещенске;
- завод «Восток» во Владивостоке;
- кипарисовский тоннель на Уссурийской железной дороге.

Плацдармом для начала наступления была выбрана Маньчжурия. Она большим клином входила в территорию Советского Дальнего Востока от Владивостока до Забайкалья. Несколькими ударами японская армия могла нанести серьезные удары по основным военно-стратегическим пунктам на Советском Дальнем Востоке – Владивостоку, Благовещенску, Уссурийску, Хабаровску и Чите.

В декабре 1933 года Горелов через Островского передал Кумазава секретную схему советских оборонительных сооружений. Это была последняя разработка инженеров Красной Армии. Кроме этого, от «Большого корреспондента» были получены данные по реформе ОДА, поступлению новых вооружений и т.п. Материалы на самолете переправили в Харбин, такими ценными были они, по мнению японцев. А спустя несколько суток уже изучали в Токио. Среди них следует отметить «Боевой

состав стрелкового батальона». Согласно ему в состав этого подразделения входили:

- артиллерийский взвод (минометы и 37-мм пушки);

- четыре стрелковые роты;

- взвод связи;

- штаб батальона.

Получив эту схему от Горелова, японцы смогли подсчитать общее количество советских войск на Дальнем Востоке. Результат получился ошеломляющим. По всем параметрам советская армия превосходила квантунскую. Начни Токио войну с Москвой, поражение Страны восходящего солнца было бы гарантировано. Подготовка к войне была остановлена. А осенью 1934 года начался процесс сокращения японских боевых подразделений на границе с Советским Союзом.

Операция «Маки Мираж» была внезапно прекращена по приказу из Москвы в начале 1936 года. До сих пор точно неизвестно, что послужило этому причиной. Сама операция была на взлете. Оба участника операции, Горелов и Островский, не были репрессированы в 1937 году. Известно лишь, что после 1935 года Островский переехал в Москву и был передан на связь посольской резидентуре. В 1938 году его арестовали по сфабрикованному обвинению в шпионаже, но через несколько месяцев освободили. Умер в 1955 году. Об Иване Горелове ничего не известно. Его имени нет в списках репрессированных. Также не состоял он в кадрах НКО. В этом нет ничего удивительного. Ивана Горелова, как живого человека, просто не

существовало. Был, говоря современным языком, «виртуальный» офицер штаба ОДА^[99].

Вернемся к рассказу Петра Фролова.

Другой способ получения японцами информации о Дальнем Востоке – засылка своих эмиссаров. Предполагалось, что украинские буржуазные националисты смогут незаметно для советских органов госбезопасности проникнуть на территорию Дальнего Востока, где будут собирать интересующие Токио сведения. Попасть туда было относительно нетрудно, т.к. началось массовое строительство предприятий тяжелой промышленности, электростанций, железнодорожных и автомобильных магистралей и был дефицит кадров. Кроме этого, накануне войны с Западной Украины были депортированы в Казахстан, Сибирь и на Дальний Восток «бандеровцы», совершившие преступления, которые карались согласно Уголовному кодексу ссылкой, а не заключением в ГУЛАГ. Вместе с этими людьми на новое место жительства отправились члены семей и ближайшие родственники осужденных за бандитизм, убийства и разбои украинских буржуазных националистов, а также поддерживающие этих бандитов. Например, те, кто предоставлял им кров, еду, выполнял отдельные поручения (курьера, наблюдателя и т.п.). Поэтому японская разведка планировала из этого контингента с помощью эмиссаров создать разветвленную и многочисленную агентурную сеть на Советском Дальнем Востоке.

Эти коварные планы Токио реализовать не удалось. Во-первых, благодаря результативной деятельности советских органов госбезопасности. Во-вторых, из-за того, что Германия крайне неохотно делилась с Японией этим ценным ресурсом. Ведь количество радикально настроенных и готовых умереть за

мифическую «самостийную Украину» западноукраинских националистов было не очень большим. И все эти люди нужны были Берлину для будущей войны с Советским Союзом. Ведь не случайно весной 1941 года по приказу германских спецслужб ОУН не пыталась организовывать массовые антисоветские восстания, а полностью сконцентрировалась на агитации и тактике индивидуального террора. Украинские буржуазные националисты готовились к тому, чтобы в первые дни советско-германской войны нанести серию коварных ударов в тылу обороняющейся Красной Армии и тем самым помочь Вермахту в его наступлении на Москву...

Комментарий Александра Севера

В реальности снижение боевой активности ОУН на территории Западной Украины было связано не с приказом Берлина, а с жесткой деятельностью советской власти.

С одной стороны, правоохранительные органы и пограничники провели серию успешных акций по задержанию и ликвидации «боевиков» ОУН. При задержании чекистам, милиционерам и пограничникам разрешалось применять огнестрельное оружие на поражение. Говоря другими словами, не нужно было сначала стрелять в воздух, а только потом, если преступник будет продолжать сопротивляться, стрелять на поражение. Более того, рекомендовалось применять гранаты и пулеметы при проведении спецопераций.

С другой стороны, советская власть применяла тактику «кнута и пряника». В частности, рядовые члены ОУН, которые не совершили тяжких преступлений (убийства, грабежи и т.п.), могли добровольно сдаться и

тем самым избежать наказания. Понятно, что в обмен на амнистию чекисты требовали от них сведений о структуре подполья, именах руководителей и т.п. Если человек соглашался на такое условие, то он «сжигал мосты» и не мог вернуться обратно в ОУН. А вот тех, кто не хотел добровольно сотрудничать с советской властью, ждала депортация. Это мероприятие преследовало две цели. Первая цель – покарать бандпособников (реальных или тех, кого сотрудники НКВД такими считали) и членов их семей (если нельзя задержать скрывающегося в лесу и занимающегося бандитизмом отца семейства, то наказание должны понести его супруга и дети). Вторая цель – ослабить поддержку бандподполья со стороны местного населения. Известно, что скрывающиеся в лесах *повстанцы могут* эффективно действовать только при поддержке легально проживающего в населенных пунктах населения. Последние снабжают антиправительственные формирования продуктами питания, одеждой, медикаментами, сведениями о планах властей, предоставляют жилье, лечат раненых и т.п. Без поддержки местных жителей повстанцы стремительно деградируют до обычных уголовников, которые вынуждены добывать все необходимые ресурсы силой (кражи, разбои, убийства и т.п.). Понятно, что мирное население будет активно помогать властям в ликвидации бандитов.

Несмотря на все принимаемые Москвой меры, оуновцы весной 1941 года продолжали активно терроризировать мирное население Западной Украины.

С 1 января по 15 февраля 1941 года было ликвидировано 38 групп ОУН (273 повстанца), арестовано 747 человек, убито 82 и ранено 35 повстанцев. Погибло 13 и ранено 30 чекистов^[100].

ОУН попыталась компенсировать потери, прислав новых эмиссаров. Так, в течение зимы 1940/41 года было предпринято свыше ста попыток прорваться через государственную границу. Из них 86 закончились неудачей для ОУН. При этом порой численность отряда нарушителей доходила до 120—170 «боевиков»^[101].

Большинство «боевиков» предпочитали умереть в бою, чем сдаться. Они знали, что суд наверняка приговорит их к расстрелу.

15—19 января 1941 года во Львове прошел судебный «процесс над 59-ю». 42 подсудимых были приговорены к расстрелу, 17 – к десяти годам тюремного заключения и пяти годам ссылки.

12—13 мая 1941 года в Дрогобичах состоялся суд над 39 повстанцами. Итог: 22 расстрелянных, восемь подсудимых получили десять лет лагерей, четверо – пять лет и пятеро высланы в Казахстан.

7 мая 1941 года в Дрогобичах судили 62 повстанца. 30 человек приговорили к расстрелу, 24 получили по десять лет лагерей, дела восьмерых суд вернул на дополнительное расследование. Верховный суд изменил приговор. К расстрелу приговорили 26 человек, 13 человек – к десяти годам лагерей, остальных – от 7 до 8,5 года^[102].

В начале 1941 года началась подготовка нового восстания. Одновременно было совершено 65 терактов, начали активно распространяться антисоветские листовки и проводиться акты саботажа. Кроме этого, в каждом районе от 5 до 20 человек занималось сбором информации разведывательного характера. В апреле 1941 года было убито 38 низовых представителей советской власти^[103].

«В апреле 1941 года было зарегистрировано 47 террористических актов, убито: 8 председателей сельсоветов, 7 председателей правления колхозов, 3 комсомольских работника, 5 работников районного советского аппарата, 1 учительница, 1 директор школы и 16 колхозников-активистов...

В мае учтено 58 террористических актов, в результате которых убито 57 и ранено 27 человек: председателей и секретарей сельсоветов – 10, председателей колхозов и колхозных активистов – 30, партийно-комсомольских работников – 2, школьных и клубных работников – 9, работников советского аппарата – 7, работников милиции – 4, военнослужащих – 2, членов семей сельского актива – 16...

На 1 мая 1941 года... в республике значилось всего 22 бандгруппы с числом участников – 105 человек, на 1 июня 1941 года – 61 с 307 участниками и на 15 июня 1941 года – 74 и 346...»^[104].

С 1 января по 15 июня 1941 года было «ликвидировано 38 политических и 25 уголовных банд с общим числом 273 активных

участников. Арестовано также 212 пособников и укрывателей бандитов.

Кроме того, выявлено и задержано 747 нелегалов и только за апрель—май т. г. (текущего года, 1941-го. - *Прим. авт.*) арестовано и выселено 1865 активных членов украинской контрреволюционной националистической организации («ОУН»).

Во время операций убито 82 и ранено 35 бандитов – оуновцев, нелегалов и уголовников.

У участников ликвидированных бандгрупп, а также оуновцев и нелегалов изъято большое количество оружия. В том числе:

- Станковых пулеметов – 3;
- Ручных пулеметов – 14;
- Винтовок и карабинов – 314;
- Револьверов – 296;
- Обрезов – 29;
- Гранат – 114;
- Холодного оружия – 7;
- Патронов – 46 452.

Ликвидированные бандитские группы совершали террористические акты над советскими и партийными работниками, занимались поджогами и грабежами. Как правило, бандгруппы были связаны с контрреволюционными формированиями («ОУН» и др.). Некоторые участники банд являлись агентами иностранных разведок»^[105].

В течение 1940—1941 годов было арестовано 400 прибывших из-за рубежа эмигрантов, ликвидировано 200 разведывательно-диверсионных групп, пытавшихся пересечь границу^[106].

Вернемся к рассказу Петра Фролова.

Расстреливая бандитов

На территории Западной Украины палачи соблюдали «сухой закон». Для меня это было непривычно и странно. Убивать безоружных людей, глядя в глаза жертвам, и при этом не мучиться от ночных кошмаров. Они не употребляли спиртного даже после расстрелов! Один из стрелков объяснил мне:

– Война у нас здесь. Если напьешься, то тебя самого прикончат. Враг он един, что в лесу, что в подвале тюрьмы. Где его убьешь – неважно. Главное, уничтожить гада!

Произнося последнюю фразу, собеседник с силой сжал кулаки, в его глазах появилась звериная злоба, казалось, еще мгновение – и он накинется на меня.

В этот момент я вспомнил свой разговор с Блохиным во время нашего знакомства. Когда комендант рассказал о том, что один из членов спецгруппы едва не застрелил присутствующего при процедуре смертной казни сотрудника наркомата. Если в Москве неконтролируемую агрессию можно было объяснить особенностями психического состояния палача и садистскими наклонностями, то здесь – спецификой оперативной обстановки. Здесь чекисты ощущали себя солдатами на передовой! Для них «врагами народа» были не сломленные следствием и признавшие свою вину троцкисты, вредители и агенты иностранных разведок, а матерые убийцы и диверсанты, чьи руки по локоть были в крови невинных жертв из числа местных жителей. Для членов спецгрупп расстрелы были всего лишь разновидностью схватки с врагом. И неважно, где и как его уничтожить: застрелить во время боя или расстрелять после его окончания.

В одном из областных городов Западной Украины обязанности палача исполнял сотрудник уездного отдела НКВД, а не комендатуры областного управления НКВД, как предписывалось секретным приказом. Узнав об этом грубейшем нарушении, я возмутился и потребовал немедленно исправить ситуацию.

– У него «бандеровцы» три месяца назад невесту изнасиловали, а потом убили. Сельской учительницей она работала. Приехала сюда из Киевской области. Дети ее обожали... – глухо произнес начальник УНКВД, глядя куда-то в сторону. – Вот я и разрешил...

Документы свидетельствуют

Недавно было рассекречено несколько документов из архива органов госбезопасности, содержащих примеры деятельности украинских буржуазных националистов.

«14 октября 1939 г. нами в Белостоке задержан резидент германской разведки Маняк Иван Иванович, который показал, что вместе с ним в качестве резидента германской разведки завербован Клымышин Иван, в октябре направляется во Львов.

По показаниям Маняка, 25 сентября немецкой разведкой завербовано еще 6 агентов, которые направлены во Львов. Фамилии их неизвестны. Готовится также к переброске на нашу территорию полковник петлюровской банды Чеботарев...»^[107]

Большинство тайно проникших на территорию СССР украинских буржуазных националистов специализировались на убийствах мирных граждан. Ведь именно этому их обучали германские инструктора.

Прочитую сообщение начальника УНКВД Львовской области Краснова в НКВД СССР:

«Доношу: 3 декабря в 23 часа совершен террористический акт над председателем местного комитета д. Черлены Грудекского уезда Львовской области Трушем Михаилом. В окно дома Труша были брошены две ручные гранаты. Тяжело ранены Труш и его жена. Террористов на месте задержать не удалось. Выброшенной опергруппой арестованы Фалькевич Иосиф, агент полиции, его сыновья Фалькевич Казимир, член фашистской организации, доброволец польской армии, и Фалькевич Войтек, руководитель фашистской организации «Стрельцы».

Пострадавший Труш опознает террористов Фалькевичей. Следствие по делу продолжаем, результат сообщим дополнительно»^[108].

К сожалению, я не был лично знаком с Красновым. Когда я впервые приехал во Львов, он уже служил в другом месте. Сменивший его на этом посту Сергиенко отзывался о своем предшественнике как о профессионале, сумевшем на «голом месте» сформировать не только эффективно работающий коллектив, но и нейтрализовать большинство «бандеровцев» и агентов германской разведки, проживавших на территории Львовской области до ее присоединения к СССР.

Сейчас сложно назвать точное число находящихся на территории Западной Украины «бан-деровцев». Только активная деятельность чекистов и милиционеров минимизировала ущерб от их преступной деятельности. Прочитываем очередной документ:

«Задержанный 97-м ПО в пограничной полосе поляк Краевский Ян Юзефович сознался в том, что он является членом повстанческой организации, существующей в западных областях УССР, и по этому вопросу показал:

В г. Львове существует контрреволюционная повстанческая организация, насчитывающая 2 тысячи человек, вооруженная 6 пулеметами. Ответвление этой организации имеется в городах Станиславе, Коломые, Перемышле и Тарнополе.

Руководство организацией возглавляет полковник бывшей польской армии Пругер, который 24—26 декабря 1939 г. должен прибыть из Румынии в г. Львов для встречи с членами организации в ресторанах «Атлас» и «Жорж».

Приметы Пругера: 45 лет, выше среднего роста, брюнет, волосы редкие, зачесывает назад, крепкого

телосложения, лицо круглое, бороду бреет, одет в коричневый костюм.

По данному делу ориентировано УНКВД Львовской области»[\[109\]](#).

От себя добавлю, что в результате серии оперативно-разыскных мероприятий большинство украинских буржуазных националистов было задержано или ликвидировано.

Выше я рассказал о попытках организации украинскими буржуазными националистами антисоветских восстаний на территории Западной Украины. Вот пример того, как чекисты предотвращали вооруженные выступления, организованные по заданию Берлина:

«В соответствии с приказом народного комиссара внутренних дел Союза ССР тов. Берию оперативно-чекистская группа НКВД СССР совместно с начальником Управления НКВД проверила все имеющиеся агентурно-следственные материалы, выявила лиц, ведущих активную контрреволюционную работу, из числа которых было в течение 22—23 марта сего года арестовано 242 человека.

Агентурно-следственным путем было установлено, что существовавшие на территории Тарнопольской области контрреволюционные повстанческие организации готовили вооруженное восстание против советской власти в западных областях Украины и Белоруссии. Руководители этих повстанческих организаций сознались и выдали ряд новых своих соучастников.

Таким образом, за время с 22 марта по 25 апреля 1940 г. арестовано 540 человек.

Материалами следствия вскрыто, что в Тарнопольской области существовал областной повстанческий центр, начало которого относится к

ноябрю 1939 г. Этот центр имел непосредственную связь с повстанческой организацией Львовской области, с ее руководителем, работающим под кличкой «Эмиль». Указанная повстанческая организация была создана главным образом из числа младшего и среднего комсостава быв. польской армии и учащихся старших классов средних учебных заведений.

Для вооруженного восстания ликвидированная антисоветская повстанческая организация располагала необходимым оружием, а именно: револьверов разных систем – до 70, винтовок – до 20, патронов к ним – 3500—4000, станковых и ручных пулеметов – 3.

Путем произведенных обысков на еврейском кладбище изъято 3 винтовки, 1875 винтовочных патронов, 13 гранат, отравляющие и взрывчатые вещества.

У члена областного центра Самбура изъят один револьвер, 25 винтовочных патронов и взрыватель к гранате.

У руководителя районной повстанческой организации капрала Белецкого изъято 4 револьвера и 44 боевых патрона к ним.

У одного из членов польской молодежной повстанческой организации Раубо также изъят большой маузер.

Вскрыта и ликвидирована польская националистическая повстанческая молодежная организация, в состав которой входила учащаяся молодежь старших классов средних школ г. Тарнополя в количестве 17 человек.

Из числа учащихся украинских националистов была вскрыта и ликвидирована организация в количестве 9 человек.

Руководитель этой организации Майко на следствии показал, что он изготовил контрреволюционные листовки, направленные против советской власти, а

также готовил в день выборов в Верховные Советы контрреволюционные воззвания к населению не являться на голосование.

Кроме этого, вышеупомянутая антисоветская организация вела подготовку к вооруженному выступлению в контакте с польскими националистами при поддержке буржуазных государств.

Для успешного проведения следствия по ликвидированным антисоветским организациям были созданы четыре следственные группы в Тарнополе, Чорткове, Кременце и Бережанах из числа оперработников районных отделений.

В результате по состоянию на 25 апреля 1940 г. закончено:

- в Бережанах – 45 дел на 45 человек;
- в Чорткове – 133 дела на 147 человек;
- в Кременце – 133 дела на _____^[110].

Следственной частью УНКВД совместно с оперработниками райотделений окончено 174 дела на 242 человека.

Оперативно-чекистской группой закончено 27 следственных дел на 60 человек...»^[111]

Вот другой документ:

«Поступившие за последнее время в НКГБ СССР материалы свидетельствуют о том, что ОУН по заданию Краковского проводя ведет на территории западных областей СССР усиленную работу по подготовке к вооруженному выступлению против Советского Союза, намечаемому на весну 1941 г.

По имеющимся в УНКГБ Дрогобычской, Тарнопольской и Ровенской областей данным, вооруженные выступления намечены на период между 20 апреля и 1 мая сего года.

В связи с этим деятельность оуновских организаций во всех областях значительно активизировалась: проводится усиленная вербовка и подготовка новых кадров, развернута работа по приобретению оружия, боеприпасов, санитарного имущества, отрабатываются мобилизационные планы, увеличилось количество террористических актов против советских и партийных работников, распространяются листовки и воззвания, призывающие население к вооруженной борьбе, и т. д.

Для руководства вооруженным выступлением на территорию СССР из-за кордона нелегально перебрасываются руководящие кадры ОУН с заданием возглавить вооруженное восстание.

Так, в селе В. Гнилицы Тарнопольской области руководитель местной оуновской организации Процик Ярослав на инструктивном совещании участников организации заявил, что вооруженное выступление намечено на 22—25 апреля сего года, и предупредил присутствующих, чтобы они были на своих местах и готовились к этому выступлению.

Процик поставил в известность участников организации, что 16 апреля из-за кордона должны прибыть активные члены ОУН Савчук Ярослав^[112] и Гевко Иван^[113], которые дадут дополнительные указания о подготовке к выступлению и проведут обучение партизанской войне, направленной на ослабление тыла и затруднение продвижения частей Красной Армии.

В селе Соколов Тарнопольской области подрайонный руководитель ОУН Демида С. П. получил от районного руководителя указания о подготовке к тайной мобилизации оуновской организации, которая должна состояться весной 1941 г.

В порядке подготовки к этой мобилизации, как это установлено агентурными материалами, каждый член

организации должен иметь в запасе несколько пар белья, продукты питания, медикаменты и перевязочные средства.

Арестованный активный оуновец Водвуд Иван в беседе с камерным источником сообщил последнему о том, что 20 апреля сего года оуновская организация готовит вооруженное восстание в западных областях УССР, но ожидает дополнительных указаний от руководства ОУН, которые будут даны в зависимости от выступления Германии.

Водвуд также сообщил, что организации ОУН получили ряд указаний от заграничного провода ОУН о подготовке продуктов и оружия, а также «манифест», призывающий население к выступлению.

23 марта сего года источник УНКГБ по Дрогобычской области «Хмурый» представил полученное им для размножения от надрайонного руководителя Тебенко оуновское воззвание, призывающее население к вооруженному выступлению против советской власти.

Аналогичное воззвание было найдено в Жидачевском районе Дрогобычской области.

Ведя подготовку к вооруженному выступлению, ОУН мобилизует все враждебные нам силы, устанавливает контакты с другими контрреволюционными украинскими и польскими националистическими организациями и остатками антисоветских политпартий.

Исходя из этого, основная задача УНКГБ состоит сейчас в том, чтобы использовать все средства и возможности по вскрытию и ликвидации оуновского подполья с тем расчетом, чтобы предотвратить попытку вооруженного выступления со стороны ОУН, прекратить ее террористическую деятельность и максимально усилить агентурно-оперативную работу по разложению организации.

ПРЕДЛАГАЮ:

1. Усилить работу по выявлению членов ОУН, находящихся на нелегальном положении...

3. Розыск и изъятие нелегалов возложить на отделения СПО по борьбе с политбандитизмом. Для этой же работы использовать оперативные бригады НКГБ УССР, командированные мною в УНКГБ.

(...)

8. Операции подготавливать и проводить в точном соответствии с приказом НКГБ СССР...»^[114]

Весной 1941 года, после того как чекистам удалось разгромить большинство подпольных организаций, украинские буржуазные националисты начали проявлять повышенную активность в сфере индивидуального террора. Вот что сказано в документе:

«Анализ антисоветских проявлений и важнейших происшествий, имевших место в апреле сего года, показал, что наибольшая активность антисоветских элементов и контрреволюционных формирований выразилась в основном в совершении террористических актов и других форм расправы над низовым советским активом и в выпуске листовок и анонимных писем террористическо-повстанческого содержания.

В апреле было зарегистрировано:

террористических актов – 47;

бандитских проявлений оуновцев-нелегалов – 21;

выпуск анонимных антисоветских документов – 417.

Преобладающее большинство активных антисоветских проявлений, как и в марте, имело место в западных областях УССР.

Усиление активности оуновцев-нелегалов и их бандитских формирований в апреле выразилось в совершении 38 террористических актов против советского актива, 3 поджогов, 7 налетов на кооперативы и сельсоветы с целью ограбления. При

этом было убито: 8 председателей сельсоветов, 7 председателей правлений колхозов, 3 комсомольских работника, 5 работников районного совпартаппарата, 1 учительница, 1 директор школы и 16 колхозников-активистов. Ранено: 5 работников районного совпартаппарата, 2 комсомольских работника, 1 председатель кооператива и 11 колхозников-активистов.

Основные очаги террористических и бандитских проявлений украинских националистов находятся в Тарнопольской области, на территории которой в апреле имели место 22 террористических акта и 16 случаев бандитских проявлений.

В ночь на 1 апреля в селе Козивка Тарнопольской области 4 вооруженных оуновца, выждав момент выхода председателя сельсовета Гороховского Н.Ф. из здания сельсовета, бросились за ним. Гороховский успел вбежать в квартиру своего брата и закрыть за собой дверь. Один из бандитов, взломав окно, ворвался в квартиру и тремя выстрелами убил Гороховского. Труп его бандиты вытащили на порог дома, где отрубили голову и унесли с собой.

Дальнейшими мерами убийцы были установлены, при задержании оказали вооруженное сопротивление. В перестрелке убит организатор теракта, руководитель районной организации ОУН Венрик Степан, остальные три участника теракта арестованы и сознались.

7 апреля в селе Мужилон Подгаецкого района Тарнопольской области оуновец-нелегал Дума Михаил ранил топором местного комсомольца-активиста Бугая Н.Г. Бандит Дума арестован и сознался.

Несмотря на значительный рост в апреле случаев убийств и бандпроявлений со стороны украинских националистов, большинство террористических актов остаются нераскрытыми. Вследствие слабой работы в районах и селах с агентурой почти отсутствуют факты

своевременного предупреждения намерений оуновского подполья к совершению террористических актов и бандитских проявлений.

Органами НКГБ УССР из 69 случаев террористических актов и бандитских проявлений в апреле было вскрыто только 16 случаев...»^[115]

Правоохранительные органы делали все для предотвращения актов индивидуального террора. Одна из мер – оперативное выявление и ликвидация банд и одиночек. Прочитую очередной документ:

«Органами НКВД УССР в 1941 г. проведена значительная работа по ликвидации политического и уголовного бандитизма в западных областях Украины.

С 1 января по 15 июня 1941 г. в западных областях ликвидировано 38 политических и 25 уголовных банд общим количеством 273 активных участника. Арестовано также 212 пособников и укрывателей бандитов.

Кроме того, выявлено и задержано 747 нелегалов и только за апрель—май арестовано и выселено 1865 активных членов украинской контрреволюционной националистической организации (ОУН).

Во время операций убито 82 и ранено 35 бандитов-оуновцев, нелегалов и уголовников.

У участников ликвидированных бандгрупп, а также оуновцев и нелегалов изъято большое количество оружия...

Ликвидированные бандитские группы совершали террористические акты над советскими и партийными работниками, занимались поджогами и грабежами. Как правило, бандгруппы были связаны с контрреволюционными формированиями (ОУН и другими). Некоторые участники банд являлись агентами иностранных разведок...

В результате недочетов в борьбе с бандитскими проявлениями, а также вследствие неудовлетворительного выполнения указания НКВД УССР № 2 от 10 марта в Львовской, Ровенской и Дрогобычской областях продолжает оперировать значительное количество политических и уголовных банд.

Важнейшим условием успеха борьбы с бандитизмом является правильная организация мероприятий, направленных на ликвидацию пособничества и укрывательства бандитов...

Правильно организованные мероприятия по выселению социально опасного элемента и проведенная агентурная разложенческая работа среди нелегалов и бандитов в ряде мест привели к самоликвидации целых бандгрупп, продолжительное время терроризировавших сельский советский актив...

Наиболее ощутимыми отрицательными моментами в организации работы по борьбе с бандитизмом в западных областях являются: неподготовленность проводимых операций по изъятию бандэлемента, беспечность и слабая боевая подготовка оперативных работников, приводящие в ряде случаев к провалам операций, безнаказанному уходу и скрыванию бандитов, а также к убийствам и ранениям работников органов НКВД (с 1 января по 15 июня сего года в западных областях УССР убито 13 и ранено 30 оперработников).

Потери в результате неорганизованных и неподготовленных операций составили 40% от общего числа потерь работников НКВД...

Неустанное повышение боевой подготовки оперативного состава должно стать одной из основных задач систематической, настойчивой работы, направленной к успешному осуществлению операций по ликвидации бандитизма и избежанию впредь бесцельных жертв и потерь в работниках.

Эта задача приобретает особое значение, если учесть, что, несмотря на значительную работу, проведенную по разгрому уголовно-политического бандэлемента, бандитские проявления на территории западных областей продолжаются.

На 15 июня состоят на учете 77 действующих бандгрупп с 366 участниками, из них политбанд 51 с 274 участниками и уголовных банд 26 с 92 участниками. Наибольшее количество банд продолжает оперировать в Тарнопольской и Волынской областях...»[\[116\]](#)

О ситуации в мае 1941 года сообщается:

«Анализ антисоветских проявлений и важнейших происшествий, имевших место в мае 1941 г., показывает, что наибольшую активность продолжают проявлять антисоветские организации украинских националистов на территории западных областей УССР.

Открытая антисоветская деятельность ОУН выразилась в совершении ряда террористических актов и других форм расправы над низовым советским, колхозным и сельским активом.

Всего за май по западным областям Украины учтено 58 случаев террористических актов, в результате которых убито 57 человек и ранено 27 человек.

Террористические проявления имели место в следующих областях:

Области	Количество случаев	Убито	Ранено
Тарнопольская	21	15	10
Волынская	12	19	6
Ровенская	6	3	5
Станиславская	6	8	1
Львовская	9	8	5
Дрогобычская	3	3	—
Черновицкая	1	1	—

В мае было убито и ранено: председателей и секретарей сельсоветов – 10 человек; председателей колхозов и колхозных активистов – 30; партийно-комсомольских работников – 2; школьно-клубных работников – 9; работников советского аппарата – 7; работников милиции – 4; военнослужащих – 2; членов семей сельского актива – 16.

Кроме этого, бандитами-оуновцами насильно уведены и не разысканы до настоящего времени 2 депутата сельсовета и 2 работника леспромхозов.

Наиболее характерными фактами терактов, совершенных оуновцами, являются следующие:

В ночь на 6 мая в с. Гумниско Терембовлянского района Тарнопольской области политическая банда в количестве 12 человек совершила убийство колхозника Паванюка, члена ВЛКСМ Швеца и лаборанта мельницы Солонецкого.

17 мая в с. Вахово Теремновского района Волынской области трое неизвестных, вооруженных карабинами, путем взлома окна проникли в дом и убили финансового агента сельсовета Примака и его родственника Панасюка.

17 мая в 3 часа ночи в с. Болотыя Поморянского района Львовской области убит комсомолец Бокай, сын

бывшего депутата Народного собрания Западной Украины.

22 мая в 12 час. в с. Костельники Золотопотокского района Тарнопольской области во время выселения семьи нелегала Леснива последний выстрелом из карабина ранил производившего опись имущества Войтенко, члена бюро Золотопотокского РУ ЛКСМУ.

23 мая в 4 часа утра в с. Клещивка Рогатинского района Станиславской области из огнестрельного оружия убиты у себя в квартире учительница Свежинская, ее приемный сын, секретарь местной комсомольской организации, Свежинский и Юрчева.

До настоящего времени большинство террористических актов остаются нераскрытыми.

Из 58 случаев террористических актов раскрыто только 17, по которым арестовано 46 оуновцев, принимавших участие в совершении этих актов.

В западных областях Украины, а также в пограничных районах Молдавской ССР отмечены случаи, когда враждебные элементы с целью срыва посевной кампании и создания паники среди населения распространяют провокационные слухи о якобы начавшейся войне между СССР и Германией, отступлении Красной Армии и т.п.

13 мая 120 колхозников с. Коженицы (участок 92-го Перемышлянского погранотряда УССР, в 16 км от границы) отказались выйти на полевые работы в связи с тем, что среди населения были распространены провокационные слухи о предстоящей в ближайшие дни войне с Германией.

14 мая в райцентре с. Кишкарены Бельцкого уезда Молдавской ССР в базарный день враждебные элементы распространили провокационный слух о том, что Красная Армия под напором немцев отступает и угоняет весь скот. Население окружающих сел в панике

оставило базар, бросилось по селам и начало прятать скот.

Факты обнаружения у оуновцев оружия немецкого образца дают основание предполагать, что это оружие они получают из-за кордона.

8 мая сего года по показаниям арестованного оуновца Стасика в с. Романово Бобрского района Львовской области обнаружен тайник с боевым оружием. В тайнике находилось: 2 флакона химикалий для тайнописи, станок для тяжелого пулемета и железная коробка с пулеметной лентой, набитой боевыми патронами немецкого образца, а также различная националистическая литература...»[\[117\]](#)

notes

Примечания

1

По просьбе родственников этого человека его фамилия и имя вымышленные.

Фролов П. Откровения палача с Лубянки. Кровавые тайны 1937 года. М., 2011.

Гоглидзе Сергей Арсеньевич (1901 – 23.12.1953). С 14 ноября 1938 г. по 26 февраля 1941 г. – начальник УНКВД Ленинградской области.

Литвин Михаил Иосифович (1892 – 12.11.1938). С 20 января по 12 ноября 1938 г. – начальник УНКВД Ленинградской области.

Заковский Леонид Михайлович с декабря 1934 г. по январь 1938 г. был начальником УНКВД Ленинградской области. С 28 января по 16 апреля 1938 г. – зам. наркома внутренних дел Ежова. Одновременно, с 20 января по 28 марта 1938 года – начальник УНКВД Московской области, а с 28 марта по 20 апреля 1938 г. – начальник Особого отдела (военная контрразведка) НКВД СССР.

Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) «о Заковском». 14 апреля 1938 года. // ЛУБЯНКА: Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД.

Спецсообщение Л.П. Берию И.В. Сталину с приложением протокола допроса А.Н. Бабулина. 5 мая 1939 года. // ЛУБЯНКА. Сталин и НКВД – НКГБ – ГУКР «Смерш». 1939 год – март 1946 года.

Помощник ротного командира из нижних чинов (подпрапорщиков или старших унтер-офицеров) в пехоте, артиллерии, инженерных войсках в армии Российской империи.

Фролов П. Откровения палача с Лубянки. Кровавые тайны 1937 года. М., 2011.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия. 17 ноября 1938 года. // Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 1. Накануне. Книга первая (ноябрь 1938 года – декабрь 1940 года). М., 1995. С. 3—7.

11

Не публикуется.

Приказ НКВД № 00762 о порядке осуществления Постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 17 ноября 1938 года. 26 ноября 1938 года. // Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 1. Накануне. Книга первая (ноябрь 1938 года – декабрь 1940 года). М., 1995. С. 16—20.

Колпакиди А., Север А. КГБ. М., 2010. С. 427.

Советский четырехсерийный художественный фильм о деятельности советской разведки во время Второй мировой войны, снятый в 1968 г. по одноименному роману Вадима Кожевникова режиссером Владимиром Басовым.

Кожевников Вадим Михайлович (1909—1984) – русский советский писатель. Лауреат Государственной премии СССР (1971). Герой Социалистического Труда (1974). С 1933 г. после окончания университета работает корреспондентом «Комсомольской правды», журналов «Огонек», «Смена», «Наши достижения», пишет рассказы и повести. С началом войны – фронтовой корреспондент, один за другим выходят его сборники военных рассказов, самым известным из них является «Март—апрель». С 1949 г. – секретарь правления Союза писателей и главный редактор журнала «Знамя».

Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 1. Накануне. Книга вторая (1 января – 21 июня 1941 года). М., 1995. С. 141.

НКВД против шпионов. Часть первая. // [Http://t-44.narod.ru/ NKVD_and_spions1/NKVD_and_spions.html](http://t-44.narod.ru/NKVD_and_spions1/NKVD_and_spions.html).

Справка Можейкяйского РО МГБ Клайпедской области по Можейкяйскому повстанческому отряду, участвовавшему в 1941 году в массовом уничтожении советских служащих и евреев. Не ранее декабря 1944 года. // Цит. по: Трагедия Литвы: 1941—1944 годы. Сборник архивных документов. М., 2006. С. 99—102.

Акт о злодеяниях и зверствах немецко-фашистских захватчиков и их пособников в гор. Мажейкяй Литовской ССР. 7 декабря 1944 года. // Цит. по: Трагедия Литвы: 1941—1944 годы. Сборник архивных документов. М., 2006. С. 103—108; Протокол допроса Шидлаускиса Е.Е., члена бандгруппы, действовавшей на территории Мажейкяйского уезда Литвы в июне 1941 года. // Цит. по: Трагедия Литвы: 1941—1944 годы. Сборник архивных документов. М., 2006. С. 107—113.

Юсуповский А.М. Современные попытки пересмотра военно-политической роли литовских националистических организаций и военных формирований в период Второй мировой войны. // Сб.: Националистические организации и воинские формирования периода Второй мировой войны, сотрудничавшие с фашистской Германией: прошлое и настоящее. Вып. 2. Литва, Эстония, Белоруссия, Россия, Закавказье. //Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2006 год. 24 (312). С. 10.

Отчет оперативной группы «А» в РСХА. Июль 1941 года. // Цит. по: Трагедия Литвы: 1941—1944 годы. Сборник архивных документов. М., 2006. С. 13—16.

Цит. по: *Крикунов В.П.* Палачи. // Военно-исторический журнал. 1990 год. № 7. С. 29—30.

Шкирпа Казис (1895—1979) – литовский военный, начальник Генерального штаба, полковник, в 1940 г. – посол Литвы в Германии, основатель «Литовского фронта активистов». Во время Первой мировой войны был мобилизован в русскую армию и попытался сформировать литовские отряды в Петрограде. После объявления Литвы о своей независимости в 1918 г. он вернулся и добровольно вступил в отряды борьбы за независимость. Был назначен премьер-министром Временного правительства Литвы в 1941 г., однако, находясь под домашним арестом в Германии, к власти не пришел. После войны жил на территории ФРГ.

Маетная Е. Литры пролитой крови. // МК Московский комсомолец. 2004 год. 18 ноября.

Саснаускас В. Закон Сейма: Литва – фашистское государство. // Дуэль. 2001 год. № 33.

Ямпольский В. П. За что боролись? Как немецкая власть обидела «Фронт литовских активистов» // Военно-исторический журнал. 1994. № 5. С. 47—48.

Саснаускас В. Закон Сейма: Литва – фашистское государство. // Дуэль. 2001 год. № 33.

Цит. по: *Житорчук Ю.* Прибалтийская килька третьей свежести. // Дуэль. 2006 год. 11 апреля. № 15 (464).

Крысин М.Ю. Прибалтийский фашизм. История и современность. М., 2007. С. 45.

Доклад об итогах следственных действий НКГБ ЭССР за период с 25 сентября по 31 октября 1944 года.// Цит. по: Эстония. Кровавый след нацизма: 1941—1944 годы. Сборник архивных документов. М., 2006. С. 251—261.

Справка заместителя начальника Главного управления «Омакайтсе» Я.Ю. Майде о деятельности организации в 1941 году. Не ранее 29 января 1942 года. // Цит. по: НКВД – МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939—1956). М., 2008. С. 69—79.

Выписка из настольного журнала дежурств аппарата РБ Эстонской ж. д. для начальника ТО НКГБ Эстонской железной дороги. Июль 1941. // Цит. по: Прибалтика. Под знаком свастики (1941—1945). М., 2009. С. 120—121.

Протокол судебного заседания Военного трибунала Эстонской железной дороги по делу А.И. Каллюораги, Э.Х. Раудсеппа, О.Х. Сярева, К.Ю. Придо, М.В. Хейно, Э.П. Лутса и Ю.Г. Артмы. 11—12 мая 1945 года. // Цит. по: Прибалтика. Под знаком свастики (1941—1945). М., 2009. С. 121—136.

Приговор Военного трибунала Эстонской железной дороги по делу А.И. Каллюораги, Э.Х. Раудсеппа, О.Х. Сярева, К.Ю. Придо, М.В. Хейно, Э.П. Лутса и Ю.Г. Артмы. // Цит. по: Прибалтика. Под знаком свастики (1941—1945). М., 2009. С. 137—140.

Заключение следователя отдела КГБ при Совете Министров КГБ на Эстонской железной дороге и в Эстонском морском бассейне по делу А.И. Каллюораги, Э.Х. Раудсеппа, О.Х. Сярева, К.Ю. Придо, М.В. Хейно, Э.П. Лутса и Ю.Г. Артмы. 11 марта 1957 года. // Цит. по: Прибалтика. Под знаком свастики (1941—1945). М., 2009. С. 140—145.

Михайлова Н. Миф о геноциде: эстонцы рассказывают сказки о советских репрессиях. // Комсомольская правда. 2007 год. 28 сентября.

Дюков А.Р. Миф о геноциде: Репрессии советских властей в Эстонии (1940—1953). 2007.

Шинке Ганс арестован 10 марта 1941 г. НКГБ Латвийской ССР. 16 сентября 1941 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен по ст. 58-6, ч. 1. 58-9 и 58-11 УК РСФСР к высшей мере наказания.

Клявиньш Владимир Янович, он же «Ванагс», 25 октября 1941 г. военным трибуналом Сталинградского гарнизона приговорен по ст. 58-1а УК РСФСР к высшей мере наказания.

Дитрих Отто – статс-секретарь, в 1937—1945 гг. – имперский руководитель прессы Германии.

Салнайс Валдемар - в 1933—1934 гг. министр иностранных дел Латвии, затем посланник Латвии в Швеции. С 1940 г. возглавлял «Латвийский национальный комитет» в Швеции. Был связан с английской разведкой.

Витиньш Янис Фрицевич - 24 октября 1941 г. военным трибуналом Сталинградского гарнизона приговорен по ст. 58-1а УК РСФСР к высшей мере наказания.

Сообщение НКГБ СССР № 928/М в ЦК ВКП (б), СНК СССР и НКВД СССР об аресте в Латвии группы агентов германской разведки. 8 апреля 1941 года. // Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 1. Накануне. Книга вторая (1 января – 21 июня 1941 года). М., 1995. С. 79—81.

Докладная записка 4-го отдела НКГБ ЛИТОВСКОЙ ССР в НКГБ ЛИТОВСКОЙ ССР о результатах розыска нелегальной радиостанции в Каунасе. 3 мая 1941 года.
// Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 1. Накануне. Книга вторая (1 января – 21 июня 1941 года). М., 1995. С. 133.

Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 1. Накануне. Книга вторая (1 января – 21 июня 1941 года). М., 1995. С. 134.

Сообщение НКГБ СССР в НКВД СССР об арестах участников антисоветской организации в Мажейкяйском уезде Литвы. 14 мая 1941 года. // Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 1. Накануне. Книга вторая (1 января – 21 июня 1941 года). М., 1995. С. 140—141.

Нарушители – *Абрамайтис Пранас* (убит при переходе границы) и *Гавенас Виталиус* – также были завербованы Румбинасом в мае 1941 г. в г. Каунасе, после чего ушли через границу в Германию. Там, по показаниям Гавенаса, он и Абрамайтис были завербованы гестапо для проведения подрывной деятельности на территории Литовской ССР.

НКГБ Литовской ССР был разработан план проведения операции «Гвардия» по аресту руководящего состава организации «Гвардия обороны Литвы». В ходе реализации дела «Гвардия» было арестовано 11 человек.

Спецсообщение НКГБ Литовской ССР № 1/1173 в НКГБ СССР по делу контрреволюционно-повстанческой диверсионно-террористической организации «Гвардия обороны Литвы». 10 июня 1941 года. // Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 1. Накануне. Книга вторая (1 января – 21 июня 1941 года). М., 1995. С. 215—217

Шкирпа Казис – полковник литовской армии, с 1926 г. – начальник Генерального штаба Литвы, с 1927 г. – военный атташе Литвы в Германии. В 1937 г. назначен постоянным представителем Литвы в Лиге Наций, с марта 1938 г. – посланник Литвы в Польше. С февраля 1939 г. – посланник Литвы в Германии. В 1941 г. – руководитель «Литовского легиона», с 23 июня 1941 г. – глава временного «Литовского национального правительства», созданного на территории фашистской Германии и распущенного 5 августа 1941 г.

Раштикис Стасис (Станислав) – литовский генерал, бывший офицер царской армии. С 1928 г. – начальник 3-го (информационного) отдела Генштаба литовской армии. В 1935—1938 гг. – министр обороны Литвы, в 1935—1940 гг. – главнокомандующий литовской армией. С июня по август 1941 г. – министр обороны временного «Литовского национального правительства».

Рапорт заместителя начальника 2-го Управления НКГБ СССР на имя заместителя наркома госбезопасности СССР по делам «Диверсанты» и «Гвардия». 11 июня 1941 года. // Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 1. Накануне. Книга вторая (1 января – 21 июня 1941 года). М., 1995. С. 218—219.

Кроме «Вабс», на территории Эстонии существовали различные политические партии и националистические организации: «Пыллумеесте когу» («Крестьянское собрание»), «Изамаалинт» («Отечественный союз»), «Кайтселинт» («Союз защиты»), «Рахвуслик кескераконд» («Национальная партия центра»).

В 1941 г. НКГБ Эстонской ССР была ликвидирована националистическая организация «Комитет спасения Эстонии», возникшая в 1940 г. Эта организация через своих представителей в Швеции, Финляндии и Германии была связана с разведками этих стран.

Была также ликвидирована молодежная повстанческая организация, именовавшаяся «Национальные кадры», которая свою работу контактировала с «Комитетом спасения Эстонии». «Национальные кадры» намеревались свергнуть существовавшее до 1940 г. буржуазное правительство Эстонии, установить фашистский строй и распространить идеи так называемой «Великой Финляндии» с включением в нее Эстонии, Карело-Финской ССР, Ленинграда и Ленинградской области и северной части Латвии.

В предвоенный период на территории Эстонии арестовано и разоблачено 33 немецких агента.

Тийт Борис Генрихович – 16 сентября 1941 г. Верховным судом СССР приговорен по ст. 58-2. 58-6, ч. I, и 58-11 УК РСФСР к высшей мере наказания. К различным мерам наказания были осуждены и его сообщники.

Сообщение НКГБ СССР № 2269/М в НКВД СССР об аресте в Эстонии группы агентов германской разведки. 15 июня 1941 года. // Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 1. Накануне. Книга вторая (1 января – 21 июня 1941 года). М., 1995. С. 230—231.

Блюхер Василий Константинович (19 ноября (1 декабря) 1889 – 9 ноября 1938) – советский военный, государственный и партийный деятель, Маршал Советского Союза (1935). К началу Октябрьской революции Блюхер являлся членом Самарского Военно-Революционного Комитета. Активный участник Гражданской войны. В 1918 г. Блюхер командовал 30-й стрелковой дивизией в Сибири и дрался против войск А.В. Колчака. В 1921 г. назначен военным министром и Главкомом Народно-революционной армии Дальневосточной республики, провел ее реорганизацию, укрепил дисциплину и одержал победу, взяв Волочаевский укрепленный район. Был награжден еще четырьмя орденами Красного Знамени. В 1922—1924 гг. – комендант и военный комиссар Петроградского укрепрайона. В 1924—1927 гг. Блюхер был главным военным советником Чан Кайши в Китае, участвовал в планировке Северного похода (пользовался псевдонимом «Зой Галин» в честь дочери Зои и жены Галины). В 1927—1929 гг. служил помощником командующего Украинским военным округом. В 1929 г. был назначен командующим Особой Дальневосточной армией. Нанес сокрушительное поражение белокитайским войскам во время конфликта на КВЖД. В июле 1938 г., во время боевых действий у озера Хасан, возглавлял Дальневосточный фронт.

Не публикуется.

Приказ о результатах рассмотрения Главным военным советом вопроса о событиях на озере Хасан и мероприятиях по оборонной подготовке Дальневосточного театра военных действий. № 0040 от 4 сентября 1938 года. // Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР. Т. 13 (2—1). М., 1994. С. 56—61.

Сырцов Сергей Иванович (1893—1937) – политический деятель. В 1929—1930 гг. – председатель Совнаркома РСФСР. Кандидат в члены Политбюро ЦК в 1929—1930 гг.

Гуль Роман Борисович (1 (13) августа 1896, Киев – 30 июня 1986, Нью-Йорк) – русский писатель, эмигрант, журналист, публицист, критик, мемуарист, общественный деятель. Участник Гражданской войны на стороне Белого движения.

Гуль Р.Б. «Красные маршалы» – Тухачевский, Ворошилов, Блюхер, Котовский. М., 1990. С. 75—77.

Почтарев А.Н. Трагедия маршала Блюхера. // Независимое военное обозрение. 2004 год. 19 ноября.

Почтарев А.Н. Трагедия маршала Блюхера. // Независимое военное обозрение. 2004 год. 19 ноября.

Великанов Н. Измена маршалов. М., 2008. С. 352.

Великанов Н. Измена маршалов. М., 2008. С. 339—353.

Скоропадский Павел Петрович (1873—1945) – генерал-лейтенант (1916 г.) царской армии. В октябре 1917 г. на съезде «вильного козацтва» Украины в Чигирине был назначен главой военных формирований Центральной рады. Во время австро-германской оккупации на инсценированном «съезде хлеборобов» в Киеве 29 апреля 1918 г. избран «гетманом Украины». В тот же день провозгласил создание «Украинской державы», а себя – ее верховным правителем. В декабре 1918 г. свергнут восставшим народом. Бежал в Германию, где продолжал антисоветскую деятельность, сотрудничал с фашистами.

Бывший заместитель начальника отдела «Абвер-2» Эрвин Штольце показал на допросе в декабре 1945 г.: «Выполняя упомянутые выше указания Кейтеля и Йодля (об использовании агентуры для разжигания национальной вражды между народами СССР), я связался с находившимися на службе в германской разведке украинскими националистами и другими участниками националистических фашистских группировок, которых привлек для выполнения поставленных выше задач.

В частности, мною лично было дано указание руководителям украинских националистов германским агентам Мельнику (кличка «Консул-1») и Бандере организовать сразу после нападения Германии на Советский Союз провокационные выступления на Украине с целью подрыва ближайшего тыла советских войск, а также для того, чтобы убедить международное общественное мнение о происходящем якобы разложении советского тыла...» (Нюрнбергский процесс, т. II, с. 644).

Рыко-Ярый Рихард Франц Марьян (он же «Консул-2») – бывший ротмистр царской армии, агент немецкой разведки, один из главарей УВО – ОУН, член главного провода ОУН. После окончания войны проживал в Австрии.

Вовк Андрей – бывший петлюровский генерал, руководитель «Украинской громады». По данным на 1953 г., проживал в ФРГ.

В 1940 г. при «Абверштелле Краков» немцами была организована школа по подготовке разведчиков и диверсантов для проведения подрывной и шпионской работы против Советского Союза. Школа комплектовалась из украинцев – жителей Польши, участников ОУН. Подбор агентов для учебы в школе осуществляли специальные вербовщики из числа оуновских руководителей. Школа была разбита на четыре лагеря (отделения), которые находились в местечках Криница (100 км юго-восточнее Кракова), Дукла (125 км юго-восточнее Кракова), Барвинек (15 км южнее м. Дукла) и Каменица (50 км севернее м. Дукла). В каждом отделении школы одновременно обучалось 100—300 человек. В местечках Дукла, Каменица и Барвинек обучались оуновцы-бандеровцы, а в м. Криница – мельниковцы. Агенты проходили военную подготовку и изучали методы разведки, диверсии и организации повстанческого движения. После окончания школы агенты – выходцы из западных областей УССР – посылались на дополнительные четырехнедельные курсы, находившиеся при соединении «Бранденбург-800» в м. Аленцзее, а затем перебрасывались с заданиями в Советский Союз. Переброску агентов осуществляли специальные резиденты через пункты Абвера в Венгрии и Словакии. С началом войны против Советского Союза «АСТ Краков» и его филиалы на нашей границе были ликвидированы, а школа расформирована.

Пернацкий Бронислав (1895—1934) – министр внутренних дел Польши. Убит украинскими националистами в мае 1934 г.

Бойдуник Осип Михайлович (1895—1966) – в годы Второй мировой войны член главного провода ОУН. После окончания войны бежал на Запад, жил в Мюнхене, где возглавлял одну из важнейших референтур провода украинских националистов (ПУН) – внутренних дел и межпартийной политики. Был одним из непосредственных руководителей ПУН. Неоднократно выезжал в США и Канаду со специальными лекциями и докладами о деятельности украинских националистов.

Грицай Дмитрий Михайлович (1905—1945) – член Краковского центра ОУН, мельниковец. 19 декабря 1945 г. покончил жизнь самоубийством.

Лебедь Николай Михайлович, он же «Рубан Максим», – один из ближайших сообщников С. Бандеры, член Краковского центра ОУН, возглавлял отдел разведки. В 1941 г. – министр безопасности в созданном оуновцами «правительстве». В 1944 г. бежал на Запад, являлся министром иностранных дел в «Украинской головной визвольной раде» (УГВР). После войны занимался подбором оуновцев для заброски в СССР. С 1946 г. – член провода закордонных частей ОУН (34 ОУН), с 1948 г. – член «Закордонного представительства УГВР» (ЗП УГВР). Активно использовался американской разведкой.

Кубийнович Владимир Михайлович – профессор Краковского университета, глава «Украинского центрального комитета». Активный функционер ОУН мельниковского направления. В годы оккупации немцами Украины – активный пособник гитлеровцев, один из вдохновителей создания украинской дивизии СС «Галичина». После войны уехал в Западную Германию, является деканом так называемого «Вольного украинского университета». По данным на 1955 г., проживал во Франции.

Петлюра Симон Васильевич (1879—1926) – один из руководителей буржуазно-националистического движения на Украине, лидер «Украинской социал-демократической рабочей партии» (УСДРП). В 1917 г. – один из организаторов «Центральной рады». С ноября 1918 г. – член, а с февраля 1919 г. – председатель украинской директории, командующий войсками «Украинской народной республики», объявившей войну Советской России. В советско-польской войне 1920 г. выступил на стороне Польши, возглавлял остатки националистических формирований, участвовавших в борьбе против Красной Армии. В 1920 г. эмигрировал, с 1924 г. жил в Париже, убит.

Огиенко Иван Иванович (1882—1972) – профессор, в 1919—1920 гг. – министр просвещения в «правительстве» Петлюры. С 1939 г. – Илларион, архиепископ Холмский. После окончания войны уехал на Запад. Умер в Канаде.

Шептицкий Андрей (до монашества – Роман) *Александрович* (1865—1944) – церковный деятель, митрополит униатской церкви в Западной Украине. После Февральской революции в России стал одним из вдохновителей и духовным наставником украинского национализма (УВО, позже ОУН, которую он сам называл «украинской тайной мафией»). Коновалец, Мельник и другие, выполняя прямые указания митрополита, устанавливали связи с зарубежными разведками, засылали в СССР своих представителей; проводили террористические акты. Во время Великой Отечественной войны Шептицкий активно сотрудничал с фашистской разведкой. Он встречался с адмиралом Канарисом, постоянно информировал органы немецкой военной разведки о положении на Украине, призывал более эффективно приобщать церковников и националистов к борьбе с партизанским движением на Украине, неоднократно заверял Гитлера в личной преданности. А. Шептицкий принимал самое активное участие в формировании 14-й дивизии СС «Галичина», которая вместе с немецко-фашистскими войсками участвовала в боях с партизанами, а затем, на фронте, против частей Красной Армии. Но когда в 1944 г. оккупанты были вынуждены бежать с советской земли, Шептицкий послал поздравительное «откровенное» послание И.В. Сталину. Более того, он отрядил специальную делегацию в Москву, в составе которой находился его родной брат – настоятель мужского униатского монастыря Климент Шептицкий. Делегация засвидетельствовала свое «высокое богоугодное» присутствие не только в патриаршестве, но и в Верховном Совете, в НКВД. Находясь в НКВД и ведя

разговоры о дружбе и мире, о великом подвиге советских, и особенно русских, людей, члены делегации были, однако, явно смущены и расстроены, когда речь зашла об их верховном пастыре Шептицком, его сотрудничестве с немецкими властями и славословиях в честь Гитлера (см.: Военно-исторический журнал. 1990. № 11. С. 49—62; 1991. № 4. С. 62).

Ориентировка Третьего управления НКГБ СССР о деятельности нелегальных антисоветских националистических организаций в западных областях УССР и БССР. 31 мая 1941 года. // Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 1. Накануне. Книга вторая (1 января – 21 июня 1941 года). М., 1995. С. 174—182.

Имеется в виду агентура польской полиции.

Ориентировка НКГБ УССР № А-1760 «О подрывной деятельности украинских буржуазных националистов и мерах по усилению борьбы с оуновским подпольем. 31 мая 1941 года. // Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 1. Накануне. Книга вторая (1 января – 21 июня 1941 года). М., 1995. С. 188—191.

Веденеев Д.В., Биструхин Г.С. Меч і тризуб. Розвідка і контррозвідка руху Українських націоналістів та УПА. 1920—1945. Київ, 2006. С. 139.

Організація українських націоналістів і Українська повстанська армія. Київ, 2005. С. 20.

Організація українських націоналістів і Українська повстанська армія. Київ, 2005. С. 21.

Веденеев Д.В., Биструхин Г.С. Меч і тризуб. Розвідка і контррозвідка руху Українських націоналістів та УПА. 1920—1945. Київ, 2006. С. 141.

Організація українських націоналістів і Українська повстанська армія. Київ, 2005. С. 23.

Організація українських націоналістів і Українська повстанська армія. Київ, 2005. С. 22.

Веденеев Д.В., Биструхин Г.С. Меч і тризуб. Розвідка і контррозвідка руху Українських націоналістів та УПА. 1920—1945. Київ, 2006. С. 136.

Організація українських націоналістів і Українська повстанська армія. Київ, 2005. С. 23.

Теория и практика западноукраинского национализма в документах НКВД, МВД и МГБ СССР/ Сборник документов. М., 2010. С. 11.

Організація українських націоналістів і Українська повстанська армія. Київ, 2005. С. 23.

«Поручик Кижё» – комедийный художественный фильм режиссера Александра Файнциммера, снятый в 1934 г.

Операция «Маки Мираж» рассекречена. //

АмурИнфо. 2004 год. 22 октября.

Сформирована летом 1929 г. во время конфликта в районе Китайско-Восточной железной дороги из частей и соединений Красной Армии, дислоцированных на Дальнем Востоке и в Забайкалье.

Управление Федеральной службы безопасности России по Хабаровскому краю. 1921—2001. Хабаровск, 2001. С. 12—15.

Честь и верность. 70 лет военной контрразведке
Тихоокеанского флота. Владивосток, 2002. С. 145.

Спецсообщение Г.Е. Прокофьева и Л.Г. Миронова И.В. Сталину о «диверсионной» организации. 26 ноября 1932 года. № 40641. // Цит. по: Лубянка. Сталин и ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936 года. М., 2003. С. 341—342.

Честь и верность. 70 лет военной контрразведке
Тихоокеанского флота. Владивосток, 2002. С. 150.

Николаев С. Подвиг разведчика. // Амурская правда. 2008 год. 19 июля, 16 августа; *Слабука В.* «Автономная Камчатка» – суровая реальность или грандиозная мистификация. // Пограничник северо-востока. 2008 год. 27 августа – 2 сентября.

Веденеев Д.В., Биструхин Г.С. Меч і тризуб. Розвідка і контррозвідка руху Українських націоналістів та УПА. 1920—1945. Київ, 2006. С. 145—146.

Організація українських націоналістів і Українська повстанська армія. Київ, 2005. С. 23.

Організація українських націоналістів і Українська повстанська армія. Київ, 2005. С. 24—25.

Організація українських націоналістів і Українська повстанська армія. Київ, 2005. С. 61.

Теория и практика западноукраинского национализма в документах НКВД, МВД и МГБ СССР/ Сборник документов. М., 2010. С. 11.

Обзор деятельности органов НКВД по борьбе с бандитизмом в западных областях УССР в январе – июне 1941 года. Не ранее 15 июня 1941 года. // Цит. по: Теория и практика западноукраинского национализма в документах НКВД, МВД и МГБ СССР / Сборник документов. М., 2010. С. 51.

Веденеев Д.В., Биструхин Г.С. Меч і тризуб. Розвідка і контррозвідка руху Українських націоналістів та УПА. 1920—1945. Київ, 2006. С. 146.

Сообщение НКВД БССР в НКВД СССР и УНКВД УССР по Львовской области о задержании в Белостоке резидента немецкой разведки. 16 октября 1939 года. // Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 1. Накануне. Книга первая (ноябрь 1938 года – декабрь 1940 года). М., 1995. С. 108.

Сообщение УНКВД по Львовской области № 162 в НКВД СССР о совершении террористического акта. 5 декабря 1939 года. // Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 1. Накануне. Книга первая (ноябрь 1938 года – декабрь 1940 года). М., 1995. С. 131.

Спецсообщение начальника пограничных войск НКВД Киевского округа № АБ-004275 в НКВД УССР по делу контрреволюционной повстанческой организации в западных областях УССР. 25 декабря 1939 года. // Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 1. Накануне. Книга первая (ноябрь 1938 года – декабрь 1940 года). М., 1995. С. 142.

110

Количество человек не указано.

Докладная записка УНКВД по Тарнопольской области № 1597489 в НКВД УССР «О результатах работы оперативно-чекистской группы НКВД СССР. 26 апреля 1940 года. // Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 1. Накануне. Книга первая (ноябрь 1938 года – декабрь 1940 года). М., 1995. С. 184—185.

Савчук Ярослав Михайлович был арестован 3 ноября 1949 г. УМГБ по Тернопольской области. 29 ноября 1949 г. Военным трибуналом войск МВД Тернопольской области осужден по ст. 20-54-1а и 54-11 УК УССР на 25 лет лишения свободы.

Гевко Иван Максимович (1914—1941) арестован 26 марта 1941 г. УНКВД по Тарнопольской области по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 54-2 и 54-11 УК УССР. 21 июля 1941 г. по распоряжению наркома госбезопасности УССР П.Я. Мешика Гевко расстрелян «как враг народа в период военных действий».

Циркуляр НКГБ УССР № А-1282 об усилении борьбы с националистическим подпольем в западных областях Украины. 10 апреля 1941 года. // Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 1. Накануне. Книга вторая (1 января – 21 июня 1941 года). М., 1995. С. 85—87.

Обзор 6-го отдела 3-го Управления НКГБ СССР по антисоветским проявлениям и важнейшим происшествиям, имевшим место в СССР в апреле 1941 года. Май 1941 года. // Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 1. Накануне. Книга вторая (1 января – 21 июня 1941 года). М., 1995. С. 194—195.

Обзор НКВД УССР о борьбе с бандитизмом в западных областях Украины за январь—июнь 1941 года. Не ранее 15 июня 1941 года. // Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 1. Накануне. Книга вторая (1 января – 21 июня 1941 года). М., 1995. С. 234—235.

Обзор отдела 3-го Управления НКГБ СССР по антисоветским проявлениям и важнейшим происшествиям, имевшим место в СССР в мае 1941 года. 16 июня 1941 года. // Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 1. Накануне. Книга вторая (1 января – 21 июня 1941 года). М., 1995. С. 240—242.